
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО ЖУРНАЛ Том 7. №2

Издательство
«МГИМО-Университет»
2021

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,
канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);
Алексахин Алексей Николаевич – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Балдицын Павел Вячеславович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);
Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);
Гуревич Татьяна Михайловна – д-р культурологии, к.филол.н., профессор (Россия, Москва, МГИМО);
Иванов Николай Викторович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Кизима Марина Прокофьевна – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., доцент (Исламская республика Иран, Решт, Гилянский университет);
Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Репенкова Мария Михайловна – д-р филол.н., доцент (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);
Храмченко Дмитрий Сергеевич – д-р филол.н., доцент, проф. (Россия, Москва, МГИМО).
Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);
Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. Том 7. №2 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2021. – 178 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов.

Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.) по специальностям «10.01.00 Литературоведение», «10.02.00. Языкознание»; EBSCO, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № Том 7. №2.

Главный редактор: В.А. Иовенко.

Выпускающий редактор: Ф.Р. Гафарова

Корректура: Т.А. Ивушкина

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 21.06.2021 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 22,25. Тираж 500 экз. Заказ 652.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России: 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2021
© Коллектив авторов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бадаева Н.В. Метафора персонификации в экономическом дискурсе СМИ (на примере немецкоязычных масс-медиа)	5
Верейтин В.Ю. Коммуникативное взаимодействие адресанта и адресата в немецкой деловой корреспонденции	14
Гузикова В.В., Нестерова В.Е. Заголовки газет как средство лингвистического моделирования образа полиции	25
Гуревич Д.Л. Соотношение грамматического и семантического параметров у глаголов изменения состояния в португальском языке	38
Куликова О.В. Медийное мифотворчество в антропоцентрическом измерении (на материале англоязычного общественно-политического дискурса)	53
Меркурьева Н.Ю. Прагматический маркер I pray в среднеанглийских письменных памятниках	64
Панич Н.В. Дискурсивные характеристики МООК-лекции как разновидности дистантной лекции в академическом интернет-дискурсе	72
Степанян К.А., Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю. Американские президенты и политические деятели в рифмованном сленге	79
Туницкая Л.Н., Хомякова Н.П. Профессиональное эссе в области права как вид дискурса: аргументативный аспект	87
Черкунова М.В., Пономаренко Е.В. Динамические свойства аннотаций к англоязычным произведениям художественной литературы	98
Шубина Э.Л., Клиенкова И.Б. Семантика и синтаксис квантитативных групп в немецком языке	108

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД
В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Меркиш Н.Е. Моделирование культурно-языковой среды как фактор подготовки специалистов к межкультурной коммуникации	119
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Воронцова И.С. Прецедентные феномены в испанском медийном дискурсе: лингвопрагматический аспект	128
Жукова П.А. Семантическое разнообразие гастрономических фразеологизмов португальского языка	139
Ивушкина Т.А. Английский и американский джентльмен в диаде «хозяин–дворецкий» романа Kazuo Ishiguro The Remains of The Day	152
Маллаева З.М., Халидова Р.Ш. Этноспецифика концептуализации времени в дагестанских языках	162
Тресорукова И.В. Темпоральная ирреальность в греческой фразеологии	171

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Natalia V. Badaeva PERSONIFICATION AS A SPECIAL TYPE OF COGNITIVE METAPHOR IN ECONOMIC MEDIA DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN MASS MEDIA)	5
Vladislav Y. Vereyutin COMMUNICATIVE INTERACTION OF ADDRESSANT AND ADDRESSEE IN THE GERMAN BUSINESS CORRESPONDENCE.	14
V. Guzikova, V. Nesterova NEWSPAPER HEADLINES AS A TOOL FOR LINGUISTIC MODELING OF POLICE IMAGE	25
D.L. Gurevich CORRELATION OF GRAMMATICAL AND SEMANTIC PARAMETERS IN PORTUGUESE CHANGE-OF-STATE VERBS.	38
O.V. Kulikova THE MEDIA MYTH CREATION IN THE ANTHROPOCENTRIC DIMENSION (THE ENGLISH SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE STUDIES).	53
Natalia Yu. Merkurieva PRAGMATIC MARKER <i>I PRAY</i> IN MIDDLE ENGLISH WRITTEN MONUMENTS	64
N.V. Panich MOOC-LECTURE IN DIGITAL ACADEMIC DISCOURSE: KEY FEATURES	72
K. Stepanyan, Y. Gorshunov, E. Gorshunova AMERICAN PRESIDENTS AND POLITICIANS IN RHYMING SLANG	79
E.L. Tunitskaya, N.P. Khomiakova PROFESSIONAL ESSAY IN LAW AS A TYPE OF DISCOURSE: ARGUMENTATIVE ASPECT.	87
M.V. Cherkunova, E.V. Ponomarenko DYNAMIC PROPERTIES OF ABSTRACTS TO WORKS OF FICTION IN ENGLISH.	98
E.L. Shubina, I.B. Klienikova SEMANTICS AND SYNTAX OF QUANTITATIVE GROUPS IN THE GERMAN LANGUAGE	108

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

N.E. Merkish MODELING CULTURAL AND LANGUAGE ENVIRONMENT AS A FACTOR OF PREPARING SPECIALISTS FOR INTERCULTURAL COMMUNICATION	119
---	-----

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

I. Vorontsova PRECEDENT PHENOMENA IN SPANISH MEDIA DISCOURSE: LINGUOPRAGMATIC ASPECT	128
Polina A. Zhukova PORTUGUESE PHRASEOLOGICAL UNITS CONTAINING FOOD NAMES	139
Tatiana Ivushkina THE ENGLISH AND AMERICAN GENTLEMEN IN 'THE MASTER–BUTLER DYAD' AS PORTRAYED IN THE NOVEL " <i>THE REMAINS OF THE DAY</i> " BY KAZUO ISHIGURO	152
Zulaykhat M. Mallaeva, Rashidat Sh. Khalidova TEMPORAL INTERPRETATION OF THE WORLD IN DAGESTANIAN LANGUAGES.	162
Irina V. Tresorukova TEMPORAL IRREALITY IN PHRASEOLOGY OF THE MODERN GREEK LANGUAGE	171

PERSONIFICATION AS A SPECIAL TYPE OF COGNITIVE METAPHOR IN ECONOMIC MEDIA DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN MASS MEDIA)

Natalia V. Badaeva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article focuses on the concept of personification metaphor in the economic media discourse, which is clarified and supplemented. A brief overview is given of the linguistic works devoted to the issue. The significance of the research of this type of metaphor in economic mass media discourse lies in the increasing interest of the target audience caused by the increased level of education worldwide and the increased number of economic actors, as well as the rapid development of the media space. The article considers the trends in the dynamics of a personification metaphor use on the material of the German-language mass media articles. The article aims to single out the main features of the personification metaphor and the ways in which it is actualized in the media discourse during the crisis and the economic growth. In addition, the task was also to analyse the variants of its actualization in a diachronic perspective. The illustrative material was selected by continuous sampling of analytical and informational articles from such big media portals in Germany as Berliner Zeitung, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Fokus, Handelsblatt, Manager Magazin, Ökonomenstimme, Süddeutsche Zeitung, Stuttgarter Nachrichten, Welt. Methods of quantitative and contextual analysis were applied to explain the illustrative material. The total number of contexts analysed in the process of work is 225. A high frequency of the personification metaphor allows us to see the quantitative difference in the metaphorical saturation of media materials within the specified periods of the crisis and the economic growth. The pragmatic attitudes of the authors of the media texts are determined by their comments and the methods they use to express value judgments. It is also pointed out that the subjects of metaphorical mapping of that type can form the opposition 'stable economy – economic crisis'. The article addresses the linguists speaking German and other professionals interested in the stylistic features of economic texts.*

Key Words: *the German language, the German mass media, cognitive metaphor, personification, economic discourse, mass media language, speech and discourse practices, evaluative connotations*

МЕТАФОРА ПЕРСОНИФИКАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МАСС-МЕДИА)

Н.В. Бадаева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье рассматривается понятие метафоры персонификации в экономическом дискурсе СМИ, которое уточняется и дополняется. Представлен краткий обзор лингвистических трудов, посвящённых этому вопросу. Обосновывается необходимость исследования метафоры персонификации в данном подвиде экономического дискурса в связи с постоянно увеличивающимся интересом целевой аудитории, что обусловлено возросшим уровнем её образования, увеличением количества участников экономической деятельности, а также стремительным развитием медиа-пространства. На материале текстов немецкоязычных масс-медиа в рамках когнитивной теории метафоры прослеживаются тенденции в динамике использования персонификации. Цель публикации – выделить характерные особенности данной метафоры и способы её языковой реализации в дискурсе СМИ. Основная задача при этом связана с возможностью проанализировать варианты её актуализации в рамках указанного дискурса в диахроническом аспекте, а именно в периоды спада и подъёма в экономике, с привлечением методов количественного и контекстуального анализов. В качестве иллюстративного материала используются отобранные методом сплошной выборки контексты с примерами реализации метафоры персонификации, являющиеся фрагментами аналитических и информационных материалов таких крупных медиа-порталов Германии как *Berliner Zeitung*, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *Fokus*, *Handelsblatt*, *Manager Magazin*, *Ökonomenstimme*, *Süddeutsche Zeitung*, *Spiegel*, *Stuttgarter Nachrichten*, *Welt*. Общее количество проанализированных в процессе работы контекстов составляет 225 текстов, которые характеризуют два периода: экономического кризиса 2009-2014 гг. и экономического роста 2016-2019 гг. Благодаря высокой частотности метафоры персонификации, показательна количественная разница в метафорическом насыщении материалов СМИ в пределах указанных периодов кризиса и экономического восстановления. В комментариях определены прагматические установки авторов текстов и способы, которые они применяют для выражения оценочных суждений. Указано на то, что объекты, которые подвергаются персонификации, могут образовывать оппозицию «стабильная экономика – экономический кризис». Статья адресована лингвистам, владеющим немецким языком, а также специалистам других профессий, интересующимся стилистическими особенностями экономических текстов.

Ключевые слова: немецкий язык, когнитивная метафора, персонификация, экономический дискурс, язык массмедиа, речевые практики, способы оценки

Данная статья посвящена метафоре персонификации в немецкоязычном экономическом медиа-дискурсе. Цель работы – попытаться выделить характерные особенности этой метафорической модели в данном подвиде дискурса, наличие связи с другими метафорическими моделями, определить её прагматические задачи и проанализировать языковые способы её актуализации в рамках указанного дискурса. Однако прежде, на наш взгляд, следует уточнить понятие и определение персонификации в рамках когнитивной лингвистической парадигмы, которую мы принимаем как теоретическую базу данной публикации.

Основное положение когнитивной теории метафоры заключается в том, что метафоры прямым образом связаны с мышлением и восприятием действительности [12]. Предположение, что в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия двух структур знаний – области источника и области цели – давно получило своё подтверждение и доказано на материале различных текстов. Результатом взаимодействия названных областей становится метафорическая проекция в виде их когнитивного отображения. При этом область источника, как правило, представляет собой более конкретное знание, нежели область цели [2].

Метафору персонификации Лакофф и Джонсон причисляют к основным типам метафор. С их точки зрения именно этот тип метафоры позволяет осмыслять новое знание «в терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельности людей» [12, с. 32]. При этом подчёркивается, что метафорическая модель персонификации по сути охватывает широкий круг метафор, каждая из которых основывается на специфическом, индивидуальном или общественном опыте человека. Добавим, что это обуславливает многообразие планов этой метафорической модели, а также её высокую частотность, что будет показано ниже.

Детерминированная стремлением человека осмыслять новое по своему образу и подобию, интерпретация метафоры персонификации в рамках когнитивного подхода является, без сомнения, одной из составных частей принятого на данный момент в современном обществе научно-философского антропоцентрического мировоззрения, согласно которому в любом знании о бытии, природе и обществе утверждается наличие человеческого измерения [10].

Однако расширенный анализ научной литературы, посвящённой метафоре персонификации, показывает, что среди учёных существуют определённые расхождения во взглядах на данное языковое явление, о чём будет сказано далее.

В первую очередь мы обратились к толковым словарям и энциклопедиям и обнаружили, например, что в Лингвистическом энциклопедическом словаре [8], как и в словаре лингвистических терминов под редакцией Ж. Марузо [9], определение персонификации отсутствует. Большой энциклопедический словарь и словарь лингвистических терминов Жеребило дают сходные определения: в первом случае персонификация – это представление природных явлений, человеческих свойств, отвлечённых понятий в образе человека [3], во втором это – олицетворение, наделение животных, предметов, явлений природы человеческими свойствами, а также выражение отвлечённых понятий в образе человека [5]. В этой связи интересно высказывание А. С. Лебедевского, что этот «весьма распространённый способ художественного переосмысления», по-видимому, настолько прост и привычен, что большинство справочников ограничиваются лишь кратким определением [7].

В интерпретации метафоры персонификации О. С. Ахмановой находим более конкретное указание на такие способности человека, как дар речи и способность вступать в отношения, свойственные человеческому обществу [1].

Анализ определений ряда авторов (О. С. Ахманова, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Н. М. Наер, Э. Г. Ризель и др.) позволяет сделать вывод, что для подавляющего большинства лингвистов метафорическая модель персонификации однозначно связана с наделением предметов и явлений человеческими качествами.

Разделяя вышеописанный подход, мы, однако, считаем необходимым уточнить, что человек, будучи существом мыслящим и разумным, в то же время является и частью природы и животного мира. Этот аспект существования человека объединяет его с другими живыми существами, примером чего может служить множество слов, которые мы употребляем одинаково часто для описания действий или состояний как человека, так и других живых существ или организмов (например, глаголы передвижения, ощущения, переживания, или существительные, называющие части тела). Подобная трактовка может затруднять отделение метафоры персонификации от других видов метафор (зооморфной, оргастической и др.). По-видимому, некоторая нечёткость определений персонификации обусловлена данным обстоятельством, на что резонно указывает А. Р. Исаакян [6].

В этой связи наиболее убедительным нам представляется предложение А. Н. Баранова считать определяющим критерием при выделении метафоры персонификации наличие «некоторой интеллектуальной составляющей» [2, с. 264]. С нашей точки зрения, такой составляющей является

способность к мыслительной деятельности, умение выразить результаты этой деятельности вербально или другим способом, целенаправленное поведение, а также способность переживать не только базовые, но и более сложные эмоции.

В данной публикации мы рассматриваем персонификацию на материале немецкоязычного экономического дискурса в рамках медийно-газетных текстов СМИ, поскольку это позволит нам изучить её характерные особенности и способы языковой реализации в текстах, отражающих реальные события современного мира.

Выбор данного типа дискурса обусловлен тем фактом, что его доля в общей системе видов дискурса СМИ постоянно увеличивается. Такое увеличение напрямую связано с тем, что внимание самого широкого круга читателей к текстам экономического содержания не теряет своей актуальности. На наш взгляд, это можно объяснить такими факторами развития общества, как резкое увеличение доли образованного населения в мировом масштабе в конце XX и начале XXI веков, глобализацией мировой экономики и, как следствие, значительным увеличением числа участников экономической деятельности, обладающих глубокими специальными знаниями.

Кроме того, пристальный интерес широкой аудитории к экономическим процессам, их причинам и следствиям вполне объясним, поскольку они самым тесным образом связаны с уровнем благосостояния общества и отдельных его представителей. Динамика изменений уровня этого интереса постоянно отслеживается издательствами, которые заинтересованы в увеличении количества посещений читателями страниц своих изданий вообще и просмотров тех или иных статей и материалов в частности.

Как известно, любой спрос рождает предложение, что, в свою очередь, стимулирует активное развитие экономического публицистического дискурса как в мире в целом, так и в отдельных регионах. Очевидна потребность в достаточном количестве информации относительно происходящих событий, а также в их анализе. В настоящее время любое солидное издание в сфере массовой информации имеет в своём распоряжении либо специальный онлайн-ресурс, посвящённый экономике, либо крупный раздел, освещающий данную тематику.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что мы рассматриваем медиа-дискурс в понимании Т. Г. Добросклонской, трактующей его как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации [4].

Внимание к экономическому дискурсу СМИ и способам его реализации обусловлены не только очевидными потребностями читательской аудитории, но и стремительным развитием средств связи, распространением информационных технологий и сети Интернет, что, как никогда ранее, облегчает доступ массового читателя к подобным материалам.

Таким образом, на формирование экономического дискурса СМИ, помимо собственно актуальной экономической ситуации, оказывают влияние другие факторы: прагматические установки авторов, социокультурные и демографические особенности общества, его общее психологическое состояние, варианты визуальных способов отображения информации, выражения мнений и пр.

Всё вышесказанное позволяет заключить, что экономический дискурс СМИ представляет собой разновидность институционального дискурса, которая характеризуется специфической тематической доминантой и совокупностью языковых способов, используемых для мониторинга, описания и анализа явлений экономической жизни, а также генерирования возможных сценариев. К таким способам мы относим, в частности, метафорическую модель персонификации.

Практическим материалом настоящего исследования послужили фрагменты статей экономической тематики таких крупных национальных медийных порталов Германии как *Berliner Zeitung*, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *Fokus*, *Handelsblatt*, *Manager Magazin*, *Ökonomenstimme*, *Süddeutsche Zeitung*, *Spiegel*, *Stuttgarter Nachrichten*, *Welt*.

В качестве стратегии отбора иллюстративного материала мы применили метод сплошной выборки. Однако в связи с тем, что область исследования сама по себе весьма обширна и естественным образом не поддаётся каким-либо ограничениям, было решено сузить её за счёт введения хронологических границ и рассматривать два временных отрезка: 2009-2014 гг. и 2016-2019 гг., то есть период экономической депрессии и период восстановления. Собранный массив данных

в количестве 225 фрагментов, содержащих метафорическую модель персонификации, делится, таким образом, на два количественно неравных корпуса: 1) метафоры кризиса (157) и метафоры посткризиса (68) соответственно.

Принимая во внимание экстралингвистическую ситуацию, следует отметить, что отличительной чертой первого периода является резкое ухудшение экономического положения, выразившееся в спаде производства, разрыве устоявшихся производственных и торговых связей, за которыми последовали многочисленные банкротства предприятий и рост безработицы. Как общий итог, фиксировалось значительное снижение благосостояния общества и его отдельных представителей, что сопровождалось распространением депрессивных настроений и усугублением тревоги в обществе в целом. Особенно в ранней стадии кризиса экономика в материалах СМИ выступает как субъект, испытывающий необходимость в поддержке: (1) *Die Weltwirtschaft ruht heute auf mehreren Schultern...* («Spiegel», 10.01.08.)

Стоит отметить, что именно на начальном этапе кризиса, характеризующегося смятением и, в некоторой степени, даже паникой, денотаты сферы цели (экономика, конъюнктура, под которой понимается актуальная экономическая ситуация, отдельные страны и регионы, сферы производства и торговли и пр.) метафорически ассоциируются в текстах масс-медийного экономического дискурса с человеком, находящимся в плохом, ослабленном физическом состоянии (2), (3):

(2) *Die Konjunktur lahmt...* («Spiegel», 30.11.08.)

(3) *Die Schwäche der amerikanischen Wirtschaft bremst auch die Erholung anderer Volkswirtschaften* («FAZ», 18.05.09.).

либо на уровне эмоционального спада (4), (5):

(4) *Konjunktur und Märkte werden auch im kommenden Jahr unter den Wirkungen der Kreditkrise leiden* («MM», 24.08.08.).

(5) *Der private Konsum werde keine Stütze der Konjunktur sein, da der trostlose Arbeitsmarkt und der zu erwartende Rückschlag bei Autoverkäufen wahrscheinlich die Konsumneigung dämpfen* («Fokus», 14.09.13.).

Однако пессимизм авторов, в дебюте кризиса акцентировавших идеи всеобщего замешательства и апатии, актуализировавших языковыми средствами с семантикой немощи и неустойчивости (*die taumelnde Konjunktur/плохо стоящая на ногах конъюнктура* (6)) («Handelsblatt», 29.09.10.), постепенно замещается стремлением восстановить самообладание и оценивать ситуацию хладнокровно и объективно. С этой целью привлекаются опытные эксперты. Их статус как представителей науки, то есть людей априори привычных не выносить поспешных суждений и способных рассматривать происходящие события беспристрастно, склоняет читателя к тому, чтобы интерпретировать их оценку как реалистичную и вызывающую доверие. В этой роли выступают не только отдельные лица (7), но и общественные институты, как, например, министерство экономики или центральные банки (8). Ср.:

(7) *Aus heutiger Sicht wird die deutsche Wirtschaft in der zweiten Jahreshälfte wachsen, wenngleich nur mit recht geringem Tempo», sagte der Vorstand des Bankenverbands, Manfred Weber* («MM», 29.07.08.).

(8) *Nach den Worten von Wirtschaftsminister Michael Glos (CSU) ist Deutschland gut gewappnet für die Rezession* («Spiegel», 28.11.08.).

В целом можно констатировать, что после преодоления первоначального шока отношение авторов статей к происходящему меняется в конструктивном направлении. Транслируется решимость преодолеть трудности, вернуться к практическому и трезвому отношению в оценке актуального положения и обдумать продуктивные шаги по его улучшению. В текстах это реализуется с помощью лексических единиц, обозначающих способность принимать решения (*zu einem Entschluss kommen*), устанавливать стоимость (*bewerten*), получать выгоду (*profitieren*), в которых заложена семантика не только целенаправленных действий и свойств, характеризующих экономику как человека, но квалифицирующих её как профессионала, бизнесмена, обладающего специальными знаниями и навыками:

(9) *Dadurch bestünden gute Chancen, dass die deutsche Wirtschaft im Verlauf des kommenden Jahres recht zügig von einer allmählichen Wiederbelebung der weltweiten Konjunktur profitiere und diese Impulse auch recht zügig auf die Binnenwirtschaft ausstrahle* {M. Weber} («MM», 08.10.08.).

(10) *Die heimische Wirtschaft bewertet ihre Geschäfte überwiegend in Euro und liefert in den Euro-Raum* (прим. автора: в данном случае речь идёт о Kumaе) («ММ», 02.02.09.).

(11) *Im Reich der Mitte macht die deutsche Wirtschaft unverändert exzellente Geschäfte* («ММ», 29.07.08.).

Очевидно, что экономика и всё множество её различных составляющих метафорически персонифицируются преимущественно в положительном ключе, и даже если контекст семантически передаёт состояния слабости и беспомощности, тем не менее, подразумевается необходимость оказания помощи. Экономика и её поддержание на хорошем уровне расцениваются как общая задача и благо:

(12) *Europa braucht einen starken, diversifizierten Bankensektor, der unsere Wirtschaft finanziert* («Handelsblatt», 39.03.14.).

Однако следует сказать, что у денотатов, входящих в общую семантическую группу «Экономика» и обозначающих явления и сущности, которые традиционно воспринимаются в положительном свете и вызывают желание содействовать, существуют антагонисты. В данном случае эта группа оппонентов объединяет в себе такие денотаты как кризис, депрессия, рецессия, экономический спад, финансовый обвал. Диапазон реакций на них простирается от страха (13), (14) и паники (15) до намерения бороться за выживание (16) и осознанной подготовки к сопротивлению и борьбе. Более того, очевидна готовность не экономить средств, если дело касается спасения экономики, что манифестирует пример (17).

(13) *Grund für die Angst vor einer Rezession sind die immer neuen Hiobsbotschaften vor allem aus dem Finanzbereich, die langsam das Ausmaß der Immobilienkrise deutlich machen* («Spiegel», 18.01.08.).

(14) *An den Finanzmärkten herrscht derzeit das große Zittern* («Spiegel», 15.01.08.).

(15) *Panik und Verkaufshysterie beherrschen weltweit die Börsen* («Spiegel», 21.01.08.).

(16) *Nach Steinbrücks Worten werden zudem die Banken verpflichtet sein, in guten Zeiten höhere Kapitalpolster anzuhäufen, um besser gegen Krisen gewappnet zu sein* («ММ», 02.04.09.).

(17) *US-Präsident Barack Obama hat im Kampf gegen Rezession und Finanzkrise ein knapp 800 Milliarden schweres Konjunkturprogramm auf den Weg gebracht* («ММ», 24.02.09.).

Идея спасения от кризиса проходит красной нитью в большинстве текстов того периода:

(18) *Präsident George W. Bush will die USA vor einer Rezession retten* («Spiegel», 14.07.08.).

Приведённые примеры наглядно демонстрируют, что в прагматическом плане кризис и депрессия воспринимаются участниками экономического дискурса СМИ как враги. На первый план выходит образ коварного и свирепого захватчика:

(19) *Der Wirtschaft droht eine schwere Krise* («Spiegel», 30.11.08.).

(20) *Nach den Autobauern und den Werften hat die Finanzkrise in den vergangenen Wochen auch die Stahlhersteller mit Wucht getroffen* («Spiegel», 12.01.09.).

Другими словами, кризис – это активный субъект, персонифицируемый в терминах насилия (21):

(21) *Die Euro-Krise hat die Finanzmärkte im Griff: Nicht nur der Dax irrlüchert zwischen hohen Gewinnen und Verlusten hin und her* («ММ», 28.11.11.).

Коннотации, содержащиеся в примерах (22) и (23) убедительно показывают отношение к кризису как к могущественному неприятелю, способному принудительно удерживать более слабого противника, требовать жертв, но в то же время такого, от которого можно попробовать откупиться (24).

(22) *Bundeskanzlerin Angela Merkel sieht kaum Anzeichen für eine schnelle Wiederkehr zu alten Wachstumsraten. Die Krise werde Deutschland noch lange im Griff halten* («ММ», 12.06.09.).

(23) *Der IWF-Vizedirektor äußerte die Befürchtung, dass die Finanzmarktkrise noch weitere Opfer fordern wird* («Spiegel», 18.09.08.).

(24) *Die Kreditkrise erschüttert die US-Wirtschaft stärker, als sich Noch-Präsident Bush das lange eingestehen wollte. Jetzt versucht er, die drohende Rezession mit Steuergeschenken abzuwenden* («Spiegel», 10.01.08.).

Говоря о втором периоде – периоде восстановления экономики и соответствующем ему корпусе примеров, следует отметить, что лейтмотивом статей экономического содержания, фрагменты

которых мы использовали для анализа, является прямо противоположное состояние духа: оптимизм и уверенность в будущем. Прагматическая информация, заключающаяся в примерах (25) и (26), нацелена на то, чтобы описать улучшения, показать, что ситуация снова под контролем и заверить читателя в благополучном развитии событий.

25) *Die deutsche Wirtschaft driftet in die Hochkonjunktur* («Ökonomenstimme», 15.06.17.).

(26) *Deutsche Wirtschaft geht gut gerüstet ins Jahr 2017* («Ökonomenstimme», 31.01.17.).

Метафорически экономика снова являет собой активного и энергичного субъекта:

(27) *Die deutsche Wirtschaft geht mit hohem Tempo ins neue Wachstumsjahr in Folge* («Welt», 11.01.18.).

Уверенный рост экономической активности актуализируется следующими комплементарными лексическими средствами, акцентирующими триумф и процветание:

(28) *Deutsche Autofirmen triumphieren in den USA* («Fokus», 09.07.19.).

(29) *Die deutsche Wirtschaft geht in Sektlaune in das Jahr 2017* («Handelsblatt», 09.07.16.).

Обращает на себя внимание значительная количественная разница между двумя корпусами: как уже упоминалось выше, 70% фрагментов, содержащих метафорические выражения, относятся к периоду кризиса и 30% примеров, соответственно, к периоду роста экономики. Данная диспропорция подтверждает выводы, содержащиеся в исследованиях О. Фельдмана и Х. де Ландсхер [11], а также А. П. Баранова [2] относительно количественных показателей употребления метафор: в периоды, отличающиеся высоким уровнем нестабильности, количество метафор в дискурсе средств массовой коммуникации возрастает. Заметим, что, хотя указанные учёные акцентировали своё внимание на политическом дискурсе СМИ, аналогичная тенденция отчётливо прослеживается и в экономическом дискурсе.

По-видимому, высокая частотность метафорической модели персонификации объясняется, прежде всего, следующими факторами: во-первых, экономическая динамика подвержена регулярным колебаниям, что вызывает иногда гипертрофированную эмоциональную реакцию авторов. Следствием этого, в частности, является увеличение метафорической насыщенности в краткосрочных периодах, даже не отмеченных рецессивными тенденциями, что отражается в текстах экономического дискурса СМИ.

© Бадаева Н.В., 2021

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1969. 608 с.
2. Баранов А. П. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
3. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Большая рос. энциклопедия, 1993. 1628 с.
4. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания. // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2014. №13 (184). Выпуск 22. С. 181 – 187.
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и доп. Назрань.: Пилигрим, 2016. 610 с.
6. Исаакян А. Р. Грамматические средства персонификации и деперсонификации в современном немецком языке: Дисс...канд. филол. наук. М.: МГПУ им. Мориса Тореза, 1978. 160 с.
7. Лебедевский А. С. Персонификация и способы её выражения. Сб. «Вопросы германской филологии». Калинин, 1975. Вып. 2. С. 61 – 69.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
9. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов: Пер. с фр./ Предислов. В. А. Звегинцова. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2004. 440 с.
10. Смирнова Н. М. Антропоцентризм. / Гуманитарная энциклопедия: Концепты // Центр гуманитарных технологий, 2002-2021. [Электронный ресурс] – URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7223> (Дата доступа 17 января 2021 г.)
11. Feldman O., De Landsheer Chr. Politically Speaking. A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere. Praeger, 1998. p. 224.
12. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1980. p. 242.

Источники иллюстративного материала

1. Berliner Zeitung. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.berliner-zeitung.de> (Дата доступа 17 января 2021 г.)
2. Fokus Online. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.focus.de> (Дата доступа 17 января 2021 г.)
3. Frankfurter Allgemeine Zeitung. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.faz.net/aktuell/> (Дата доступа 17 января 2021 г.)
4. Handelsblatt. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.handelsblatt.com> (Дата доступа 17 января 2021 г.)
5. Manager Magazin. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.manager-magazin.de> (Дата доступа 17 января 2021 г.)
6. Ökonomenstimme. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.oekonomenstimme.org> (Дата доступа 17 января 2021 г.)
7. Spiegel Online. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.spiegel.de> (Дата доступа 17 января 2021 г.)
8. Stuttgarter Nachrichten. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.stuttgarter-nachrichten.de> (Дата доступа 17 января 2021 г.)
9. Süddeutsche Zeitung. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.sueddeutsche.de> (Дата доступа 17 января 2021 г.)
10. Welt. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.welt.de> (Дата доступа 17 января 2021 г.)

References

1. Akhmanova, O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. M.: Sov. Entsiklopediia, 1969. 608 s.
2. Baranov, A. P. *Deskriptornaiia teoriia metafor* [Descriptor Metaphor Theory]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014. 632 s.
3. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [The Big Encyclopedic Dictionary] / Gl. red. A. M. Prokhorov. M.: Bol'shaia ros. entsiklopediia, 1993. 1628 s.
4. Dobrosklonskaia, T.G. Massmediinyi diskurs kak ob'ekt nauchnogo opisaniia [Massmedia Discourse as an Object of Scientific Description]. // *Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2014. №13 (184). Vypusk 22. S. 181 – 187.
5. Zhrebilo, T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov i poniatii* [Dictionary of Linguistic Terms and Concepts]. Izd. 6-e, ispr. i dop. Nazran': Pilgrim, 2016. 610 s.
6. Isaakian, A. R. *Grammaticheskie sredstva personifikatsii i depersonifikatsii v sovremennom nemetskom iazyke*: Diss...kand. filol. nauk [Grammatical Means of Personification and Depersonification in Modern German]. M.: MGPU im. Morisa Toreza, 1978. 160 s.
7. Lebedevskii, A.S. Personifikatsiia i sposoby ee vyrazheniia [Personification and How to Express it]. Sb. «*Voprosy germanskoi filologii*». Kalinin, 1975. Vyp. 2. S. 61 – 69.
8. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / Gl. red. V. N. Iartseva. M.: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 2002. 709 s.
9. Marouzeau, J. *Lexique de la terminologie linguistique*. Paris, 1951. 205 p.
10. Smirnova, N. M. Antropotsentrizm [Anthropocentrism] / Gumanitarnaiia entsiklopediia: Kontsepty // *Tsentral'nye gumanitarnykh tekhnologii*, 2002–2021. [Elektronnyi resurs], gtmarket.ru/concepts/7223 (Accessed 17 January 2021)
11. Feldman, O., De Landtsheer, Chr. *Politically Speaking. A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere*. Praeger, 1998. 224 p.
12. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980. 242 p.

Sources of illustrative material

11. Berliner Zeitung, www.berliner-zeitung.de (Accessed 17 January 2021)
12. Fokus Online, www.focus.de (Accessed 17 January 2021)
13. Frankfurter Allgemeine Zeitung, www.faz.net/aktuell/ (Accessed 17 January 2021)
14. Handelsblatt, www.handelsblatt.com (Accessed 17 January 2021)
15. Manager Magazin, www.manager-magazin.de (Accessed 17 January 2021)
16. Ökonomenstimme, www.oekonomenstimme.org (Accessed 17 January 2021)
17. Spiegel Online, www.spiegel.de (Accessed 17 January 2021)
18. Stuttgarter Nachrichten, www.stuttgarter-nachrichten.de (Accessed 17 January 2021)
19. Süddeutsche Zeitung, www.sueddeutsche.de (Accessed 17 January 2021)
20. Welt, www.welt.de (Accessed 17 January 2021)

Сведения об авторе:

Бадаева Наталья Валерьевна – старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология немецкого языка, когнитивная метафорика, лингвокультурология, лингвострановедение, дискурс, экономический перевод.
E-mail: n.badaeva@my.mgimo.ru

About the author:

Natalia V. Badaeva – Assistant Professor of the German Language Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interests: lexicology of the German language, cognitive linguistics, cognitive metaphor, cultural linguistics, country study and economic translation.

E-mail: n.badaeva@my.mgimo.ru

* * *

COMMUNICATIVE INTERACTION OF ADDRESSANT AND ADDRESSEE IN THE GERMAN BUSINESS CORRESPONDENCE

Vladislav Y. Vereyutin

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *This article analyzes the speech behavior of participants in business communication in German business correspondence, determines the linguistic component of interaction in the mode of polite business communication, considers communicative tactics for implementing the addressee's intentions, establishes extralinguistic factors that influence the choice of certain communication tactics.*

Taking into account the specifics of business communication, the customer and the contractor are considered as participants in business communication, who, depending on the situation, can change their roles.

As a result of the study of documentary materials on the basis of two types of business communication texts – commercial proposals and reclamations – specific markers of the influence of communicants for the implementation of their communicative intentions were identified. The conducted linguopragmatic analysis made it possible to identify the conditions for maintaining the mode of politeness in the process of communication between the parties to ensure successful communication, as well as to establish potential transformations of the mode of politeness into a mode of conflicting speech behavior, leading to a violation of the positive image of the interlocutor.

As a result of the study, it was found that the contractor bears more communication expenditures than the customer, in accordance with the specifics of the relationship, due to the different social roles of the participants in business communication.

Key Words: *communicative interaction, business correspondence, maxim, intention, modus, speech behavior*

КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АДРЕСАНТА И АДРЕСАТА В НЕМЕЦКОЙ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

В.Ю. Вереютин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В настоящей статье анализируется речевое поведение участников деловой коммуникации в немецкой деловой корреспонденции, определяется лингвистическая составляющая взаимодействия в модусе вежливого делового общения, рассматриваются коммуникативные тактики реализации интенций адресанта, устанавливаются экстралингвистические факторы, влияющие на выбор определённых коммуникативных тактик.

С учётом специфики деловой коммуникации в роли участников делового общения рассматриваются заказчик и исполнитель, которые в зависимости от ситуации могут меняться ролями. В результате исследования документальных материалов в рамках двух типов текстов деловой коммуникации – коммерческого предложения и рекламации – были выявлены специфические маркеры воздействия коммуникантов для реализации своих коммуникативных интенций. Проведённый лингвопрагматический анализ позволил выявить условия сохранения модуса вежливости в процессе коммуникации сторон для обеспечения успешной коммуникации, а также установить потенциальные трансформации модуса вежливости в модус конфликтного речевого поведения, приводящего к нарушению позитивного имиджа собеседника.

В результате исследования было установлено, что исполнитель несёт больше коммуникативных затрат, чем заказчик в соответствии со спецификой взаимоотношений, обусловленной разными социальными ролями участников делового общения.

Ключевые слова: коммуникативное взаимодействие, деловая корреспонденция, максима, интенция, модус, речевое поведение

Введение

Коммуникация как процесс взаимодействия субъектов межличностных взаимоотношений в разных сферах жизнедеятельности является объектом обширного исследования учёных-лингвистов. По данным лингвистического энциклопедического словаря понятие коммуникация определяется как «диалогическое или полилогическое общение людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности, предусматривающее обмен мыслями, сведениями, идеями и т.д.» [7, с. 233].

Одной из предпосылок успешной реализации коммуникативных интенций в процессе интеракции является такой феномен речевого поведения как вежливость, находящая своё языковое воплощение посредством ряда лексико-грамматических средств. Данная категория подвергается разностороннему анализу в ряде исследовательских теорий. Так, вежливость рассматривается с точки зрения двух противоположных стратегий поведения – позитивной вежливости и негативной вежливости [9]. Правила и максимы вежливого поведения рассматриваются в работе П. Грайса. Автор выделяет постулаты количества, качества, отношения и манеры речи в рамках принципа кооперации вежливости [10, с. 217]. В работах Дж. Лича исследуются прагматические аспекты в рамках вежливого поведения интерактантов, устанавливается ряд максимум вежливого поведения [11].

Значительное количество работ посвящено исследованию стратегий и тактик вежливого поведения, обеспечивающих успешную коммуникацию. Так, в исследованиях В.М. Глушака рассматривается стратегия речевого поведения, направленного на сближение с собеседником, удаление от него или поддержания имеющегося характера отношений. Анализируются механизмы языкового моделирования образцов речевого поведения в повседневной устной коммуникации. При этом автор допускает возможность ошибочной интерпретации интенции собеседника, влияющей на дальнейшее протекание коммуникации [3; 4]. В работе Р.А. Газизова анализу подвергаются средства эксплицитной вежливости в немецкой лингвокультуре. Автор рассматривает грамматические средства вежливости в совокупности с соответствующими коммуникативными стратегиями [2].

Особый интерес исследователей как разновидности социальной коммуникации вызывает деловая коммуникация, определяемая как взаимодействие деловых партнёров в сфере официальных отношений с целью решения конкретных задач, достижения определённых результатов, оптимизации какой-либо деятельности. В работе А.А. Леонтьева под деловым общением понимается общение, которое направлено на достижение деловой или информационной цели [6, с. 11].

Одним из аспектов исследований речевого поведения является анализ делового взаимодействия коммуникантов. Так, Ю.Г. Горпенникова в своей работе описывает способы реализации эксплицитного извинения в немецкой лингвокультуре на материале немецкой деловой коммуникации посредством электронной почты [5]. С.А. Баукина рассматривает коммуникативные интенции и анализирует языковые средства достижения эффективной коммуникации на материале немецкого делового общения [1]. В других работах рассматриваются особенности реализации делового дискурса в немецком языке, которая заключается в рациональном сочетании стандартизированных и персонифицированных языковых элементов [8].

Приходится констатировать, что в исследованиях речевого поведения преобладают работы, рассматривающие коммуникацию „face to face“, в то время как интеракция в рамках письменных типов и жанров не получила до настоящего момента достаточного освещения. В связи с этим актуальным представляется исследование поведения интерактантов на материале таких типов текстов как коммерческое предложение и рекламация в модусах вежливости и агрессивности.

1. Цель и методика исследования

Цель настоящего исследования – определить лингвистическую составляющую взаимодействия деловых партнёров в модусе вежливого делового общения, рассмотреть лексико-грамматические средства интенсификации интенций адресанта, установить экстралингвистические факторы, влияющие на выбор данных языковых средств. В качестве методики исследования был выбран лингвопрагматический анализ письменных диалогических пар на предмет интерпретации адресатом интенции адресанта. В случае правильной интерпретации коммуникация продолжает развиваться в выбранном ранее модусе общения. Если же адресант неправильно воспринимает намерения адресанта или игнорирует их, коммуникация переходит в модус агрессивного речевого поведения. При установлении таких случаев анализировались лексико-грамматические средства, маркирующие переход из одного модуса в другой. В результате предпринятого лингвопрагматического анализа на материале серийной деловой переписки между двумя компаниями были проанализированы ситуации реализации модуса вежливости, а также случаи ситуативно обусловленной трансформации вежливой коммуникации в модус конфликтного общения.

2. Материал исследования

Материалом исследования послужила серийная деловая переписка между двумя коммерческими субъектами на примере двух типов текстов: коммерческое предложение и рекламационное письмо. Материал предоставлен одной немецкой фирмой с изменённым названием компаний и лиц, фигурирующих в предоставленных документах. За единицу исследования принято диалогическое единство, представляющее собой коммуникативный фрагмент в законченном смысловом оформлении и отражающий интенции участников деловой коммуникации. В общем итоге было отобрано 53 образца.

Далее проанализируем непосредственно речевое поведение участников деловой коммуникации на материале немецкоязычной коммерческой корреспонденции.

3. Анализ полученных результатов

Говоря о специфике деловой коммуникации между бизнес-партнёрами, следует отметить её изначальный преимущественно формальный асимметричный характер, нацеленный на достижение поставленных целей коммуникантами на максимально выгодных для обеих сторон условиях.

При этом природа деловых отношений в большинстве случаев предполагает преимущественное положение Заказчика по отношению к исполнителю, поскольку в конечном итоге именно от волеизъявления заказчика будет зависеть его решение воспользоваться предлагаемыми услугами Исполнителя или воздержаться от данного шага. Таким образом, для достижения деловой коммуникативной интенции Исполнителя – установления деловых отношений с Заказчиком, Исполнитель должен непременно проявить максимальную вежливость в процессе делового общения, реализуя соответствующие ситуативно обусловленные коммуникативные средства и способы воздействия на участника коммуникации, которые и являются предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

3.1. Тактики вежливости в коммерческих предложениях

Согласно традициям делового оборота начальным этапом установления деловых отношений между партнёрами является предоставление исполнителем в адрес заказчика коммерческого предложения, как правило, снабжённого кратким сопроводительным вводным вежливым текстом с использованием рутинных формул, например:

*Sehr geehrter Herr Borisov,
wir erlauben uns aufgrund der in ihrem Büro stattgefunden Besprechungen nachfolgendes Angebot für die Ausarbeitung der Einreichplanung für die Erweiterung der Lagerhalle zu legen.*

*Уважаемый господин Борисов!
Позвольте представить Вам на рассмотрение настоящее коммерческое предложение на разработку проектной документации для расширения складского помещения по результатам переговоров, проведённых в офисе Вашей организации.*

Приведённый пример является классическим образцом вежливости в деловом общении. Употребление глагола *erlauben* «позволять» подчёркивает тактику признания исполнителем приоритетной позиции заказчика и призвано исключить категоричность и фамильярность в речевом поведении исполнителя. Намеренно выраженное уважение к потенциальному деловому партнёру направлено на то, чтобы вызвать ответную симпатию у противоположной стороны и тем самым повысить шансы на успешное развитие делового взаимодействия у самых его истоков.

После изложения непосредственных коммерческих данных обычно коммерческое предложение завершается следующим финальным текстом, например:

Wir hoffen, dass unser Angebot ihren Vorstellungen entspricht und gehen davon aus, dass im Zuge eines gemeinsamen Gespräches das Einvernehmen über technische und kaufmännische Punkte hergestellt werden könnte. Für Rückfragen stehen wir Ihnen jederzeit gerne zur Verfügung.

Мы надеемся, что наше коммерческое предложение оправдывает Ваши ожидания, и исходим из того, что в процессе переговоров мы сможем достичь согласия в технических и коммерческих вопросах. Мы всегда готовы ответить на все Ваши обращения.

В рассматриваемой ситуации на модус вежливости указывает глагол *hoffen*, а также употребляемый в качестве модального модификатора в сослагательном наклонении модальный глагол *können*, выражающие некую неуверенность и надежду на сотрудничество. Заключительная фраза, содержащая информацию о готовности к обратной связи, является недвусмысленным сигналом к стремлению продолжить диалог, тем самым предоставляя партнёру возможность выбора и сокращая его коммуникативные затраты. Рассмотренные на примере описанных ситуаций тактические шаги можно интерпретировать как признание адресантом (исполнителем) преимущественного положения адресата (заказчика), что свойственно взаимодействию в формате деловой коммуникации, имеющей преимущественно ассиметричный характер.

В случае позитивного исхода переговоров и успешной коммуникации между деловыми партнёрами реакция адресата (заказчика) обычно характеризуется одобрением предложенных условий и также реализуется в рамках модуса вежливости, например:

Nach unserer detaillierten Überprüfung Ihres Angebotes können wir festhalten, dass wir Ihr Unternehmen bei Einhaltung aller ihrerseits zugesagten Konditionen als potentiellen Geschäftspartner sehen würden.

После подробного рассмотрения Вашего коммерческого предложения при соблюдении заявленных Вами условий мы можем констатировать нашу готовность рассматривать Ваше предприятие как потенциального делового партнёра.

В анализируемом контексте реализация максим вежливого общения в реакции адресата осуществляется посредством употребления модального глагола *sehen* (видеть, смотреть) в сослагательном наклонении. Тем не менее, обстоятельственный уточнитель *bei Einhaltung aller Konditionen* (при соблюдении условий) является интенсификатором коммуникативной интенции адресата и косвенно указывает на дистанцирование и его более высокое положение по отношению к адресанту в иерархии участников деловой коммуникации. При этом данный тактический приём в силу превалирующего характера информации о принципиальной готовности к сотрудничеству не придаёт высказыванию излишней категоричности, не наносит вреда имиджу адресанта и наряду с этим стимулирует его к надлежащему исполнению взятых на себя обязательств. Описанный исход делового общения предполагает успешную реализацию коммуникативных интенций адресанта в рамках рассматриваемой коммуникативной ситуации.

Нередко в целях достижения своих коммуникативных интенций адресант с помощью рутинных формул прибегает к тактическим приёмам, выражая свою симпатию адресату, например:

Es wäre eine große Ehre für uns mit Ihrem soliden und prominänten Unternehmen zusammenarbeiten zu dürfen.

Сотрудничество с Вашим солидным и известным предприятием было бы большой честью для нас.

В рассматриваемой ситуации адресант прямо выражает своё признание потенциальному деловому партнёру, подчёркивая его высокий статус и, тем самым, предпринимая попытку расположить его к себе. Употребление сослагательного наклонения в сочетании с инфинитивной конструкцией с модальным глаголом указывает на модус вежливости в процессе делового общения.

Для достижения рассматриваемой интенции адресант может использовать тактику заверения, например:

Wir sichern zu, wir werden uns das mögliche tun damit die ganzen im Vertrag festgehaltenen Leistungen zu Ihrer vollen Zufriedenheit qualitativ einwandfrei und termingerecht ausgeführt werden.

Заверяем, что мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы предусмотренные договором работы были выполнены качественно и в срок в полном соответствии с Вашими пожеланиями.

В представленном контексте в стремлении убедить адресата в правильности выбора и принятого решения адресант выражает твёрдую уверенность и оптимизм, предвосхищая успешный результат сотрудничества в будущем и используя лексические средства с семантикой уверенности, как то: глагол *zusichern* (заверять), обстоятельственный уточнитель *zu Ihrer vollen Zufriedenheit* (в полном соответствии с Вашими пожеланиями) и т.п.

Необходимо отметить, что не всегда участникам коммуникации в деловой среде удаётся успешно реализовать свои коммуникативные интенции. Результатом такого развития ситуации

могут послужить разного рода коммерческие, технические или организационные обстоятельства, существенно затрудняющие или исключающие возможность сотрудничества. Вследствие этого адресант в вежливой форме заявляет партнёру об отказе от сотрудничества, как правило, сообщая причину такого отказа в соответствии с нормами делового этикета, например:

Sehr geehrte Damen und Herren,

wir bedanken uns für Ihr Angebot, das wir von ihnen rechtzeitig bekommen haben. Jedoch müssen wir Ihnen mitteilen, dass die von Ihnen angebotenen Preise die Durchschnittswerte von den anderen Mitbewerbern erheblich übersteigen. Wir bedauern diese Nachricht Ihnen mitteilen zu müssen und würden uns über eine Zusammenarbeit mit Ihnen in Zukunft sehr freuen.

Уважаемые дамы и господа!

Благодарим Вас за направленное коммерческое предложение, которое к нам своевременно поступило. Тем не менее, мы должны сообщить Вам, что указанные в Вашем предложении цены существенно превышают средние ценовые показатели, представленные другими участниками тендера. Сожалею о необходимости сообщить Вам данную информацию и были бы очень рады нашему сотрудничеству в дальнейшем.

Примечательно, что в данном контексте вежливый отказ от сотрудничества сообщается адресантом (заказчиком) косвенно с учётом объективных обстоятельств в качестве аргументации. Адресант избегает прямого непосредственного отказа, стремясь исключить или свести к минимуму субъективный фактор при принятии такого неблагоприятного для адресата (исполнителя) решения. На модус вежливости высказывания указывают союз *jedoch* (всё же, однако), а также модальные глаголы *müssen* (долженствовать) для обозначения вынужденного исполнения нежелательного действия и рутинная формула в сослагательном наклонении. При этом, заявляя о наличии перспектив дальнейшего сотрудничества, даже если это заявление носит исключительно формальный характер, адресант сохраняет имидж адресата.

В гораздо менее выгодном положении с точки зрения структуры деловых взаимоотношений оказывается адресант, выступающий в роли потенциального исполнителя, который в силу тех или иных обстоятельств должен заявить об отказе от предложения заказчика вступить в потенциальные деловые взаимоотношения с последним. В таком случае с целью минимизации негативных последствий в перспективе дальнейшего сотрудничества и сохранения имиджа адресата интенция адресанта выражается лексическими и грамматическими средствами, наиболее полно реализующими максимы вежливости в высказывании. На реализацию максим вежливости в данном контексте указывают такие лексические модификаторы как глагол *sich entschuldigen* (извиняться), наречие *leid* (жаль), *aufrichtig* (искренне) а также грамматические модификаторы – модальные глаголы *dürfen* и *können* (иметь дозволение, мочь), употребляемые в сослагательном наклонении. Тактика повторения извинений призвана подчеркнуть искреннее сожаление адресанта в связи с невозможностью сотрудничества, несмотря на проделанную работу и огромные усилия для реализации взаимовыгодного сотрудничества, и тем самым сохранить имидж адресата, а также свести к минимуму его коммуникативные затраты, например:

Sehr geehrte Damen und Herren,

wir dürfen uns für die verspätete Rückmeldung vielmals entschuldigen. Ihre Tender-Unterlagen und Pläne wurde von unseren Technikern sehr genau überprüft. Nach Abwiegen aller Möglichkeiten sind wir schlussendlich zu der Entscheidung gekommen, dass wir das Projekt nicht anbieten könnten. Es tut uns leid, dass wir keine bessere Nachricht für Sie haben und bedanken uns aufrichtig für Ihre Geduld.

Уважаемые дамы и господа!

Приносим свои многократные извинения за задержку ответа. Предоставленная Вами тендерная документация и чертежи были тщательно рассмотрены нашими инженерами. Мы проана-

лизировали все имеющиеся ресурсы и в конечном итоге пришли к мнению о невозможности представить предложение по данному проекту. Сожалеем, что у нас нет для Вас других новостей и искренне благодарим Вас за Ваше терпение.

3.2. Тактики вежливости в рекламациях

Как было показано выше, коммуникативные тактики применяются адресатом преимущественно с целью побудить одного участника коммуникации принять интенции другого. При этом деловые отношения зачастую сопряжены с ситуациями, в которых исполнение договорных обязательств одним из коммуникантов (например, исполнителем) не соответствуют ранее достигнутым договоренностям сторон и требует соответствующего воздействия на него со стороны другого участника договорных отношений (например, заказчика), например:

*Sehr geehrte Damen und Herren,
in Ihrem Leistungsumfang wurden auf den oben genannten Bauvorhaben Mängel festgestellt, welche in der Anlage 1 aufgelistet sind. Wir bitten Sie, die Mängelbehebungsmaßnahmen bis zum in der Anlage angegebenen Termin durchzuführen und das genaue Mängelbehebungsdatum mit der Geschäftsleitung des Einkaufszentrums vorab abzustimmen.*

Уважаемые дамы и господа!

В составе оказанных Вами услуг на вышеупомянутом Объекте были установлены дефекты, отражённые в Приложении 1. Мы просим Вас устранить данные несоответствия до указанного в приложении срока и предварительно согласовать дату устранения дефектов с администрацией торгового центра.

Из приведённого примера следует, что адресант (заказчик) использует тактику указания на ненадлежащее исполнение договорных обязательств адресата (исполнителя), преследуя намерение оказать воздействие на последнего, то есть добиться от него устранения несоответствий в кратчайшие сроки в силу своего заведомо более высокого положения в иерархии участников деловых взаимоотношений. При этом он стремится придать своему высказыванию определённую степень категоричности, не выходя за рамки модуса вежливости. На вежливый характер коммуникации указывает глагол *bitten* (*просить*), который в данном контексте формально выражает просьбу, а не требование. Тем не менее, модус вежливости в данном случае сопровождается употреблением минимального количества языковых средств, направленных на сохранение имиджа адресата в рамках существующего делового этикета.

Другой характер модуса вежливости наблюдается в коммуникативных ситуациях, в которых исполнитель выступает в роли адресанта сообщения. Это говорит о том, что он принял ранее направленную в его адрес интенцию и реагирует в вежливой форме на категоричное требование партнёра по коммуникации, например:

*Sehr geehrte Damen und Herren,
vielen Dank für Ihre Bemerkungen, welche von uns sorgfältig überprüft wurden. Wir dürfen Ihnen mitteilen, dass die erforderliche Mängelbehebung vollständig ausgeführt ist. Wir wären Ihnen dankbar, wenn Sie Ihren zuständigen Vertreter zur Abnahme der Mängelbehebungsarbeiten in den nächsten Tagen delegieren könnten.*

Уважаемые дамы и господа!

Благодарим Вас за замечания, которые мы тщательно проработали. Позвольте сообщить Вам, что необходимые работы по устранению недостатков выполнены в полном объёме. Мы были бы Вам признательны, если бы Вы в ближайшие дни смогли направить ответственного представителя Вашей компании для приёмки работ.

Удовлетворяя пожелания заказчика, исполнитель стремится прежде всего имплицитно реализовать возможные максимы вежливости, в то время как он не противоречит ему и не приводит какие-либо аргументы в своё оправдание с помощью тактики *согласия с позицией заказчика*. Эксплицитная реализация модуса вежливости в анализируемом примере в отличие от предшествующего контекста достигается многочисленными лексическими и грамматическими средствами – используются модальные глаголы *dürfen* (иметь дозволение) и *können* (мочь) в претерите конъюнктива, прилагательное *dankbar* (благодарный), которые прямо указывают на его признательность адресату.

Проанализированный материал позволил установить коммуникативные ситуации, в которых в силу складывающихся обстоятельств, предопределяющих речевое поведение коммуникантов, коммуникация в рамках модуса вежливости постепенно обретает более категоричный характер. В таких ситуациях адресат игнорирует интенцию адресанта, например:

*Sehr geehrte Damen und Herren,
hiermit möchten wir Sie darauf aufmerksam machen, dass Ihre Verpflichtungen im Rahmen unseres Liefervertrages nur teilweise in der Anfangsphase von der ganzen Liefermenge eingehalten wurden. Die Minderlieferware - 1 196 663 m2 wurde etappenweise zum Bestimmungsort erst in der KW 22 mit sechswöchigem Verzug geliefert. In der Hoffnung auf Ihr Verständnis bitten wir Sie die außenständige Ware auf schnellstem Wege nachzuliefern.*

*Уважаемые дамы и господа!
Настоящим мы бы хотели обратить Ваше внимание, что обязательства с Вашей стороны в рамках договора поставки лишь только частично выполнены на начальном этапе его реализации. Недоукомплектованный товар в объёме 1 196 663 м2 был поставлен к месту назначения на 22 календарной неделе с задержкой в шесть недель. В надежде на Ваше понимание просим Вас как можно скорее выполнить поставки недостающего товара.*

В анализируемом тексте адресант (заказчик) указывает на несоблюдение сроков и объёмов поставок адресатом (исполнителем), однако делает это в предельно вежливой форме. Вежливость общения обеспечивается как лексическими средствами смягчающего характера – употреблением наречия *teilweise* (частично), словосочетания *in der Hoffnung* (в надежде), глагола *bitten* (просить) так и такими грамматическими модификаторами, как модальный глагол *mögen* (хотеть) в сослагательном наклонении. В данном случае автор высказывания прибегает к тактике избегания конфликта на начальном этапе конфронтационной коммуникации, которая нацелена на поиск взаимопонимания между интерактантами, необходимость в котором может быть продиктована теми или иными обстоятельствами Адресанта, как, например, сжатые сроки реализации проекта, зависящие от поставки данного товара. То есть адресант своим предельно вежливым отношением стремится оказать психологическое воздействие на адресата и вызвать в нём сознательное отношение к исполнению своих обязанностей в рамках имеющихся договорных отношений, при этом прибегая к высоким коммуникативным затратам.

Если адресат игнорирует направленную на него интенцию адресанта или намеренно избегает обратной связи, реакция адресанта в высказывании может приобрести высококатегоричный характер, например:

*Sehr geehrte Damen und Herren,
bezug nehmend auf unser letztes Schreiben vom ... machen wir Sie darauf aufmerksam, dass die nachzuliefernde Ware trotz unserer Mahnungen auf der Baustelle immer noch nicht eingetroffen ist. Wir fordern Sie auf Ihren Vertragsverpflichtungen sofort nachzukommen und die erforderliche Ware so schnell als möglich zum Bestimmungsort zu liefern. Bei Nichteinhaltung Ihrer Verpflichtungen behalten wir uns das Recht vor entsprechende Ersatzmaßnahmen einzuleiten. Selbstverständlich werden die dabei anfallenden Kosten an Sie weiterverrechnet.*

Уважаемые дамы и господа!

Ссылаясь на наше последнее письмо от ... обращаем Ваше внимание на то, что несмотря на наши предшествующие требования, материал до настоящего момента не поступил на стройплощадку. Призываем Вас немедленно исполнить Ваши договорные обязательства и как можно скорее поставить товар к месту назначения. В случае неисполнения договорных обязательств с Вашей стороны мы оставляем за собой право воспользоваться услугами другого поставщика. Само собой разумеется, что все связанные с данными мерами расходы будут выставлены Вам в счёт.

В приведённом примере мы видим, что максимы вежливости с учётом сложившихся обстоятельств, а именно неисполнения адресатом предписанных обязательств, несмотря на многократные напоминания и требования, сведены к формальному минимуму, а высказывание имеет явный категоричный характер. На категоричность указывают такие лексические средства как глаголы *auffordern* (призывать, потребовать), *sich das Recht vorbehalten* (оставлять за собой право), наречия *sofort* (немедленно), *so schnell als möglich* (как можно скорее), отражающие срочный характер требуемого к выполнению действия. Из макроконтекста следует, что протекающая коммуникация не предполагает усилий по разрешению конфликта. Напротив, адресант (заказчик) открыто заявляет о потенциальных мерах административно-финансового воздействия на адресата (исполнителя), тем самым демонстрируя ему утрату доверия со своей стороны и оказывая отрицательное воздействие на его имидж.

Если попытки адресанта (заказчика) оказать воздействие на адресата (исполнителя), то есть донести до него свою коммуникативную интенцию посредством многократных обращений с повышением степени категоричности высказывания, не приводят к успеху, то коммуникация может трансформироваться в открытое конфликтное противостояние, тогда как само высказывание оформляется в модусе агрессивного речевого поведения, например:

Sehr geehrte Damen und Herren,

durch die Falschmeldungen sowie auf Grund einer groben und beispiellosen Verletzung der Vertragsverpflichtungen seitens Ihrer Firma hat unser Unternehmen erhebliche Verluste erlitten. Wir fordern Sie auf, die Konventionalstrafe lt. der Anlage 1 zum vorliegenden Schreiben sofort zu bezahlen. Sollte unsere Forderung bis zum genannten Termin von Ihnen nicht eingehalten werden, werden wir uns ans entsprechende Arbitragegericht wenden müssen.

Уважаемые дамы и господа!

В результате предоставления Вами недостоверной информации, и даже грубого и беспрецедентного нарушения договорных обязательств наше предприятие понесло существенные убытки. Требуем немедленно уплатить неустойку согласно расчёта отражённого в Приложении 1 к настоящему письму. В случае невыполнения данного требования до указанной даты мы будем вынуждены обратиться в соответствующий арбитражный суд.

В рассматриваемом случае мы видим, что возможности досудебного урегулирования спорной ситуации практически исчерпаны. Это подтверждается категоричным требованием уплаты неустойки адресатом, а также абсолютно твёрдым намерением адресанта (заказчика) обратиться в судебные органы с целью восстановления нарушенного права. Агрессивность высказывания, а также предельно категоричная и непреклонная позиция адресанта подтверждается словосочетанием *grobe und beispiellose Verletzung* (грубое и беспрецедентное нарушение), а также наречием *sofort* (немедленно).

Выводы

Проведённый анализ речевого поведения коммуникантов на материале немецкой деловой документации позволил определить тактики с целью достижения их успешного взаимодействия, а также выявить релевантные ситуативно обусловленные экстралингвистические факторы, влияющие на реализацию данных тактик.

В результате исследования установлено, что в силу специфики деловых взаимоотношений между участниками коммуникации, а именно более высокой социальной позиции Заказчика по отношению к Исполнителю, последний несёт большие коммуникативные затраты для достижения своих интенций, реализуемых посредством модуса вежливости.

Выбор тактик вежливого общения коммуникантом обусловлен как складывающимися обстоятельствами, так и отношением адресата к интенциям адресанта – их выполнением или игнорированием. При реализации интенций адресанта коммуникация остаётся в модусе вежливости, при их игнорировании интеракция переходит в модус агрессивности.

К экстралингвистическим факторам, влияющим на выбор коммуникативных средств и способов адресанта, относится надлежащее или ненадлежащее исполнение обязательств, восприятие или игнорирование коммуникативных интенций адресатом.

© Вереютин В.Ю., 2021

Список литературы

1. Баукина С.А. Языковая реализация коммуникативного намерения в деловом общении (на примере немецкого языка) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. №6 (72). Ч.2. С.72-74.
2. Газизов Р. А. Лексические способы реализации эксплицитной вежливости в немецкой лингвокультуре // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2014. № 4. С. 76-84.
3. Глушак В. М. Стратегии речевого поведения, направленные на сближение с партнёром по коммуникации // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2009. № 2. С. 69-73.
4. Глушак В. М. Языковое моделирование образцов речевого поведения // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2007. № 7 (51). С. 35-42.
5. Горпенникова Ю.Г. Лексические средства репрезентации эксплицитного извинения в немецкой деловой E-mail-коммуникации // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. №4 (82). Ч.1. С.77-81.
6. Леонтьев А. А. Деятельность общения как объект научного исследования // Леонтьев А. А. *Психология общения*. М.: Смысл, 1999. С. 27-29.
7. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., Советская энциклопедия, 1990.
8. Раскопки Л.П. Особенности реализации делового дискурса в жанре делового письма на немецком языке // *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2019. №3. С.191-203.
9. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. *Studies in International Sociolinguistics* /P. Brown, S. Levinson. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
10. Grice H.P. Logic and Conversation / H.P. Grice // *Syntax and semantics*: Vol. 3. Speech acts; P. Cole, J.L. Morgan (eds.). New York: Academic Press, 1975. P.41-58.
11. Leech G.N. Principles of pragmatics / G.N. Leech. London: Longman, 1983. 250 p.

References

1. Baukina, S.A. Iazykovaia realizatsiia kommunikativnogo namereniiia v delovom obshchenii (na primere nemetskogo iazyka) [Linguistic implementation of communicative intention in business communication (on the example of the German language)] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. №6 (72). Ch.2. S.72-74.
2. Gazizov, R. A. Leksicheskie sposoby realizatsii eksplitsitnoi veshlivosti v nemetszkoi lingvokulture [Lexical methods of implementing explicit politeness in German linguistic culture] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*. 2014. № 4. S. 76-84.
3. Glushak, V. M. Strategii rechevogo povedeniia, napravlennye na sblizhenie s partnerom po kommunikatsii [Speech behavior strategies aimed at rapprochement with a communication partner] // *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2009. № 2. S. 69-73.
4. Glushak, V. M. Iazykovoe modelirovanie obraztsov rechevogo povedeniia [Language modeling of speech behavior patterns] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*. 2007. № 7 (51). S. 35-42.

5. Gorpennikova, Iu.G. Leksicheskie sredstva reprezentatsii eksplitsitnogo izvineniia v nemetskoj delovoi E-mail-kommunikatsii [Lexical Means of Representing Explicit Apology in German Business E-mail Communication] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018. №4 (82). Ch.1. S.77-81.
6. Leont'ev, A. A. Deiatel'nost' obshcheniia kak ob'ekt nauchnogo issledovaniia [Communication activities as an object of scientific research] // *Leont'ev A. A. Psikhologiya obshcheniia*. M.: Smysl, 1999. S. 27-29.
7. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M., Sovetskaja entsiklopediia, 1990.
8. Raskopkina, L.P. Osobennosti realizatsii delovogo diskursa v zhanre delovogo pis'ma na nemetskom iazyke [Features of the implementation of business discourse in the genre of business writing in German] // *Vestnik PNIPU. Problemy iazykoznanii i pedagogiki*. 2019. №3. S.191-203.
9. Brown, P., Levinson, S. *Politeness: Some universals in language usage. Studies in International Sociolinguistics* / P. Brown, S. Levinson. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
10. Grice, H.P. Logic and Conversation / H.P. Grice // *Syntax and semantics: Vol. 3. Speech acts*; P. Cole, J.L. Morgan (eds.). New York: Academic Press, 1975. ., 41-58.
11. Leech, G.N. *Principles of pragmatics* / G.N. Leech. London: Longman, 1983. 250 p.

Сведения об авторе:

Вереютин Владислав Юрьевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: семантика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация. E-mail: v.vereyutin@my.mgimo.ru

About the author:

Vladislav Y. Vereyutin – PhD, Senior Lecturer of Department of German Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: semantics, cognitive linguistics, intercultural communication. E-mail: v.vereyutin@my.mgimo.ru

* * *

NEWSPAPER HEADLINES AS A TOOL FOR LINGUISTIC MODELING OF POLICE IMAGE

V. Guzikova, V. Nesterova

The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
66 Korepin St., Ekaterinburg, 620017, Russian Federation

Abstract. *The article considers the issue of linguistic modeling of the image of the police in the newspaper discourse, in newspaper headlines in particular. This article is relevant and determined by the need to study the representation of reality in the media discourse and its linguistic manifestation. In addition, the media have recently paid close attention to the coverage of the activities of social institutions, especially with regard to law enforcement agencies. The authors describe the characteristics of the mass media discourse as one of the tools for implementing public power, organizing the activities of political and social institutions, and forming an image. The paper considers the specific features and functions of the newspaper discourse, and also considers the newspaper headline, which acts as a pragmatic component of a newspaper article contributing to the creation of information and social mediation between addressees and addressers in order to exert a regulatory influence on public opinion. The article focuses on the structural, semantic and stylistic analysis of the newspaper headlines that represent information about law enforcement agencies' activities in Russia and the United States. The authors divide the publications into neutral ("Arguments and Facts", "USA Today", "Wall Street Journal"), pro-government ("Newspaper. Ru", "Rossiyskaya Gazeta" and "Moskovsky Komsomolets", "Associated Press") and opposition newspapers ("Novaya Gazeta", "Kommersant", "The New York Times", "Washington Post"). In total, 60 newspaper headlines were analyzed in the period from September to December 2020. The results show that the texts of newspaper reports perform informative and pragmatic functions, and the newspaper headline is the key to understanding the author's position and intentions. Lexical, grammatical, and stylistic differences in the headlines of Russian and American newspapers devoted to the activities of law enforcement agencies were identified, as well as language techniques for exerting speech influence on the reader and linguistic modeling of the police image.*

Key Words: *media, mass media discourse, newspaper discourse, article headline, law enforcement agencies, linguistic modeling, image of a police officer*

ЗАГОЛОВКИ ГАЗЕТ КАК СРЕДСТВО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИЦИИ

В.В. Гузикова, В.Е. Нестерова

Уральский юридический институт МВД России,
620017, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о лингвистическом моделировании образа полиции в газетном дискурсе, в частности в газетных заголовках. Данная статья носит актуальный характер и обуславливается необходимостью изучения репрезентации действительности в медиадискурсе, а также способов её языкового выражения. Кроме того, в последнее время СМИ уделяют пристальное внимание освещению деятельности социальных институтов, особенно это касается правоохранительных органов. Авторами описываются характеристики массмедийного дискурса как одного из инструментов реализации публичной власти, организации деятельности политических и социальных институтов и формирования имиджа/образа. В статье перечисляются специфические признаки и функции газетного дискурса, а также рассматривается газетный заголовок, который выступает в качестве прагматического компонента газетной статьи, способствует созданию информационного и социального посредничества между адресатами и адресантами с целью оказания регулятивного воздействия на общественное мнение. Основной упор в статье делается на структурно-семантический и стилистический анализ языковых средств заголовков газет, репрезентирующих информацию о деятельности правоохранительных органов в России и США. Авторами проводится деление изданий на нейтральные («Аргументы и Факты», «USA Today», «Wall Street Journal»), проправительственные («Газета.Ру», «Российская газета» и «Московский комсомолец», «Associated Press») и оппозиционные газеты («Новая газета», «Коммерсант», «The New York Times», «Washington Post»). В общей сложности в статье было проанализировано 60 газетных заголовков за период с сентября по декабрь 2020 г. По результатам исследования были сделаны выводы о том, что тексты газетных сообщений реализуют информативную и прагматическую функции, а газетный заголовок является ключом к пониманию авторской позиции и его интенций. Авторами были выявлены лексические, грамматические и стилистические различия заголовков российских и американских газет, посвящённых деятельности правоохранительных органов, а также языковые приёмы оказания речевого воздействия на читателя и лингвистического моделирования образа полиции.

Ключевые слова: СМИ, массмедийный дискурс, газетный дискурс, заголовок статьи, правоохранительные органы, лингвистическое моделирование, образ сотрудника полиции

1. ВВЕДЕНИЕ

Современное общество на протяжении уже длительного периода времени является информационным, где каждая сфера жизни и деятельности человека освещается средствами массовой информации (СМИ), массмедиа. Обладая огромными ресурсами, СМИ способны оказать влияние на социум, сформировать общественное мнение и идеологический фон, расставить определённые приоритеты, стереотипы и систему ценностей, способствовать продвижению языковой нормы и национальной культуры [4].

Массмедийный дискурс становится одним из ключевых инструментов реализации публичной власти, организации деятельности политических и социальных институтов и формирования имиджа/образа. В связи с этим можно утверждать, что существует определённая зависимость политических и социальных процессов от лингвистических особенностей медиасообщений.

Особо пристальное внимание СМИ уделяют освещению деятельности социальных институтов, особенно это касается органов внутренних дел (ОВД). Это связано в первую очередь с тем, что деятельность полиции направлена на обеспечение личной и общественной безопасности, защиту населения от различных угроз криминального характера. Для эффективного осуществления своей деятельности сотрудникам полиции необходимо заручиться поддержкой граждан и обеспечить общественное доверие, которое формируется различными способами. Одним из ключевых факторов, влияющих на отношение общества к ОВД, является положительный образ/имидж полиции.

Проблемная ситуация заключается в том, что в контексте стремительно меняющихся политических, экономических и социальных условий образ полиции постоянно подвергается критике со стороны населения, что зачастую обусловлено внутривнутриполитическими и внешнеполитическими событиями и реакцией общества на эти события и действия полиции. В современном обществе существует противоречивое отношение населения к сотрудникам правоохранительных органов и их деятельности. Такое отношение граждан обусловлено, в первую очередь, ошибочными, несоответствующими и недостоверными сведениями, освещёнными СМИ, которые зачастую, в своём стремлении привлечь читателей сенсационными фактами, нивелируют достижения полиции, сообщают о недостойном поведении отдельных сотрудников и их неправомерных действиях, представляют в прессе, художественной литературе и кино карикатурный образ сотрудника полиции, представляя тем самым в негативном свете всё ведомство и формируя негативный медийный образ полиции. В связи с этим актуальной задачей на данный момент является формирование посредством СМИ положительного образа правоохранительных органов, который позволит укрепить авторитет ОВД как важного социального института.

Актуальность данной научной статьи обусловлена необходимостью изучения языка массмедиа, в частности политического газетного дискурса на примере заголовков газет как средства и механизма речевого воздействия на общественное сознание при моделировании образа сотрудника полиции средствами СМИ.

Предметом исследования являются лингвистические особенности газетных заголовков.

Объектом исследования выступают газетные заголовки, посвящённые деятельности правоохранительных органов в России и США.

Цель статьи – анализ газетных заголовков российских и американских изданий и выявление взаимосвязи его идеологической позиции и языковых средств её выражения.

Для достижения поставленной задачи авторами статьи реализуются следующие **задачи**:

- описать характерные признаки газетного дискурса;
- рассмотреть газетные издания с позиции их принадлежности к нейтральным, проправительственным и оппозиционным изданиям;
- дать анализ структурным и стилистическим особенностям заголовков российских и американских газет.

2. МЕТОДОЛОГИЯ

Основным методом исследования авторами был выбран структурно-семантический и стилистический анализ языковых средств заголовков газет, репрезентирующих информацию о деятельности правоохранительных органов в России и США. В ходе исследования было проанализировано 60 заголовков статей таких ведущих российских и американских газет, как «Газета.Ru», «Российская газета», «Московский комсомолец», «Аргументы и Факты», «Новая газета», «Коммерсант», «The New York Times», «USA Today», «Washington Post», «Wall Street Journal» и «Associated Press». При выборе газет для проведения анализа авторы руководствовались такими критериями, как индекс цитируемости, место в национальном и мировом рейтинге, уровень доверия граждан к изданию. Сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки в каждом из рассматриваемых номеров за период с сентября по декабрь 2020 год. Выбор данного отрезка времени обусловлен мировыми событиями, связанными со второй волной пандемии коронавируса. Как показывают результаты исследований экспертов международной организации Global Initiative Against Transnational Organized Crime, на фоне эпидемии меняются криминальные рынки, направившие свою незаконную деятельность на товары, непосредственно востребованные в пандемию (контрафактные аппараты ИВЛ или несуществующее медоборудование, тесты на коронавирус и прочее). По данным Интерпола масштабы преступлений в сфере экономики, включая различные финансовые онлайн-преступления, резко возросли. Разнообразные виды мошенничества по электронной почте также становятся более распространённым явлением в период перехода большинства компаний на дистанционную форму работы [9].

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Основные положения

3.1.1. Особенности массмедийного дискурса

Массмедийный дискурс привлекает всё больше внимания как отечественных (Т.Г. Доброклонская [4], М.Р. Желтухина [5], А.А. Кибрик [8], А.А. Негрышев [11], С.Н. Плотникова [12], Г.Г. Почепцов [13]), так и зарубежных исследователей (А. Бергер [17], Дж. Бигнелл [18], Н. Фэрклоу [19], Л. Монович [21], М. Монтгомери [22]). Язык СМИ представляет собой особое функционально-стилевое образование, обладающее способностью моделировать национальный язык, в результате чего происходит формирование идеологии, культурных ценностей, убеждений и мировоззрений конкретного народа. Следовательно, СМИ присуща национально-культурная специфика. Особенно это касается газетного дискурса, который является отражением состояния языка в современном социуме, а газетному тексту присущи субъективность, структурно-функциональная целостность и ориентация на восприятие и интерпретацию [2]. Современный массмедийный дискурс является неким синкретичным образованием, сочетающим в себе практически все остальные типы дискурса и оказывающим дифференцированное воздействие на широкую и социально-демографически недифференцированную аудиторию путём информирования и оценки сообщаемой информации [5].

Газетный дискурс как один из типов массмедийного дискурса представляет собой особое лингвистическое образование. Основной функцией газетного дискурса выступает создание информационного и социального посредничества, которое с целью оказания регулятивного воздействия на общественное мнение моделирует представления индивида о реальной действительности путём тщательной селекции информации и создания разнообразных концептов, образов, имиджей, стереотипов и установок, сообщаемых в явной или скрытой форме [11]. И. В. Арнольд также рассматривает газету с двух позиций: 1) как средство информации и 2) как средство убеждения [1]. Таким образом, в газетном дискурсе реализуются две дополнительные функции: информативная (информационно-содержательная) и прагматическая. При реализации прагматической функции на первое место выходят категории оценки и оценочности, которые, в свою очередь, являются доминирующей стилиевой чертой политического дискурса.

К основным специфическим признакам газетного дискурса можно отнести территориальную неограниченность, массовость, эмоциональность и экспрессивность, регулярность, оценочность, актуальность, информативность и разнообразие тематики, убедительность.

Газетный дискурс следует рассматривать как институционально-личностную разновидность дискурса, функционирующую в языке газетных текстов в определённой культурно-исторической ситуации и обладающую своей направленностью, определённым набором языковых средств и участниками [10].

Как было сказано выше, газетные публикации представляют собой не только информативный, но и прагматический вид текста. Особое место при анализе новостных сообщений отводится заголовку, который выступает в качестве прагматического компонента газетной статьи. Основной задачей заголовка является мгновенное привлечение внимания читателя и возбуждение интереса к статье. Поэтому заголовок не только является именем статьи и содержит информацию о содержании статьи, но также показывает отношение автора к поднимаемой проблеме и его оценку событий, выполняя тем самым оценочно-экспрессивную функцию, оказывая эмоциональное воздействие на читателя. Можно сказать, что, с одной стороны, за счёт стилистически сильной позиции заголовок способен выступать как самостоятельный языковой элемент, а с другой стороны, он тесно связан с остальными речевыми единицами, поэтому выступает в качестве полноценной части целого текста. Любой газетный заголовок обладает всеми свойственными газете характеристиками: жанровой палитрой, публицистичностью, оперативностью.

Существует несколько классификаций заголовков. Согласно М.И. Шостак, заголовки и приёмы их различения подразделяются на заголовок-сообщение, заголовок-хроника, заголовок-«бегущая строка», заголовок-констатация/резюме, заголовок-цитата, заголовок-интрига/сенсация, заголо-

вок-лозунг/призыв, обращение, заголовок-восклицание, стихотворный заголовок, составной заголовок, заголовок-вопрос [16].

По степени сложности или структуре выделяют простой заголовок, усложнённый заголовок и заголовочный комплекс. По цели эмоционального воздействия на аудиторию заголовки подразделяются на «интригующие», «страшные», «сногшибательные», «скандальные», «интимные» [6].

3.2. Деление газет на нейтральные, проправительственные и оппозиционные газеты

Разнообразие сформировавшихся ценностных ориентаций и установок в российском и американском обществе привело к созданию неоднородного информационного поля, где существует множество репрезентаций и интерпретаций одного и того же явления или события. В связи с этим все материалы общественно-политической тематики подразделяются на 1) **проправительственные**, направленные на поддержание власти в стране и обеспечение национальной безопасности за счёт формирования «здорового» медийного фона; 2) **оппозиционные**, основными задачами которых является дискредитация существующей власти за счёт интерпретации информации путём разоблачения мифов, ложных установок и манипулятивных технологий СМИ и 3) **нейтральные**, дающие общую оценку ситуации в стране [15].

В России к проправительственным газетам можно отнести следующие СМИ: «Газета.Ru», «Российская газета» и «Московский комсомолец». Еженедельник «Аргументы и Факты» позиционирует себя как нейтральные СМИ. Оппозиционные газеты представлены «Новой газетой», «Ведомостями» и «Коммерсантом» [14].

Что касается американской прессы, то, в первую очередь, стоит отметить, что все печатные и электронные СМИ в США работают на коммерческой основе, поэтому в стране нет деления на государственные и частные издания. Все без исключения американские СМИ позиционируют себя как хранители демократических норм и стремятся максимально объективно подавать новостные сообщения, чтобы избежать обвинений в поддержке той или иной партии. Формально деятельность печатных СМИ практически никем не контролируется, а отношения государства с прессой регулируются на основе первой поправки к Конституции, которая гарантирует её свободу и предоставляет защиту [7]. Однако несмотря на это, наметилась тенденция к разделению американской прессы на нейтральную, проправительственную и оппозиционную. Исходя из социально-политической направленности издания, рубрикации и тематики, характера подачи информации и её интерпретации, использования лингвистических средств репрезентации материала, можно провести следующее деление: нейтральную позицию занимают «USA Today», «The New York Times» и «Washington Post» относится к оппозиционной прессе, «Associated Press» и «Wall Street Journal» являются проправительственными изданиями.

Рассмотрим особенности информационной политики и лингвистические средства репрезентации новостных сообщений в каждой из выбранных нами газет.

3.2.1. Нейтральные газеты

Еженедельник «Аргументы и Факты» относится к общенациональной периодике, освещающей материалы федерального значения, местные новости, комментарии и прочее. Издание ставит перед собой цель объективного освещения и комментирования событий в большинстве случаев политических, и, несмотря на зачастую ироничную подачу информации, продолжает формировать мировоззрение читателей, создавая полисемичный образ России, способствующий ментальному единению [3]. Что касается информации о правоохранительных органах, можно отметить, что еженедельник публикует информацию как о деятельности полиции, так и об откровенно взятых сотрудниках. Заголовки в основном являются заголовками-фактами и выполняют номинативную и информативную функцию, не содержат экспрессивно-оценочных компонентов и характеризуются подбором нейтральных языковых средств репрезентации материала, без использования тропов и других фигур речи, например: «В Ставрополе по подозрению в убийстве задержан сотрудник полиции» [АиФ от 19.12.2020], «Полицейские спасли рыбака, который упал в озеро, помогая своей собаке» [АиФ от 20.12.2020], «В Архангельской области полиция изъехала более

б кг синтетических наркотиков» [АиФ от 21.12.2020]. Также в издании можно встретить заголовки-вопросы, которые всегда создают дополнительную семантику и призывают читателя к размышлению, например: «О каких способах интернет-мошенничества рассказали в МВД?» [АиФ от 21.12.2020].

В первой общенациональной ежедневной газете в США «*USA Today*» деятельности правоохранительных органов отводится достаточно много места. Основной упор делается на освещении как положительной информации о деятельности полиции, где заголовки преимущественно представляют собой усложнённые заголовки-факты, например: «*Police had an hour to stop a mom and her COVID-positive son from boarding a flight. They found them just in time*» [USA Today от 5.12.2020]; «*Orlando police and firefighters save family trapped in their car that landed in a pond. The Orlando Police Department and firefighters worked together to save a family of three trapped in their car after it landed in a pond upside down*» [USA Today от 15.12.2020]; так и негативных материалов, например: «*Minneapolis police kill man during traffic stop. Police in Minneapolis shot and killed a man during a traffic stop on the city's south side Wednesday night ...*» [USA Today от 31.12.2020]; «*Police inflict painful dog bites to get people to obey – even when they're already obeying*» [USA Today от 16.12.2020]; «*Police held man naked while looking for teens. 71-year-old Black man in South Carolina is suing police, saying they ordered him to stand outside his house naked at gunpoint*» [USA Today от 23.12.2020]. Заголовки также могут быть представлены сложными заголовочными комплексами, оформленными в виде заголовков-вопросов, резко критикующих деятельность офицеров полиции: «*Did Nashville police do enough to try to search bomber's home in 2019? Experts weigh in*» [USA Today от 31.12.2020]; «*How do we stop deadly police bias, use of force? Start by hiring only those with a true calling*» [USA Today от 31.12.2020]. Наряду с нейтральным тоном репрезентации информации в заголовках можно встретить такие лексико-стилистические приёмы, как **эпитеты** (*brutal attacks, deadly police bias, a true calling*), **иронию** (*Police inflict painful dog bites to get people to obey – even when they're already obeying*), **неологизмы** (*COVID-positive son*).

Главной задачей ежедневной американской деловой газеты «*Wall Street Journal*» является освещение американских и международных деловых и финансовых новостей. Также некоторые рубрики посвящены политическим и социальным событиям, например, много статей освещают вопросы пандемии коронавируса и затрагивают движение Black Lives Matter. По сравнению с другими крупными изданиями деятельность полиции США комментируется достаточно редко. Заголовки представляют собой крупные заголовочные комплексы, как правило, в разговорном стиле и без употребления каких-либо экспрессивных языковых средств, например: «*Minneapolis Police Release Footage They Say Shows Suspect Fired First*» [WSJ от 31.12.2020]; «*Police Say They Tried to Contact Nashville Bombing Suspect Anthony Warner After 2019 Warning ...*» [WSJ от 30.12.2020]. В следующих заголовках можно отметить такие стилистические приёмы, как **параллелизм**: «*Police Are Solving Fewer Murders During Covid-19 Pandemic. Homicide rates are rising and solve rates are falling, which police attribute in part to challenges coronavirus poses to investigations*» [WSJ от 26.12.2020]; **иронию**: «*Police Devote the Manpower Because Black Lives Matter. If black lives didn't matter when I was on the force, we would have needed about half as many officers*» [WSJ от 31.12.2020]; **метафоры**: «*Two Officers in Tamir Rice's Fatal Shooting Won't Face Federal Charges. Action closes probe into case that helped spark conversation on police use of force against Black Americans*» [WSJ от 29.12.2020]; **эпитеты**: «*A Local Police Chief Struggles to Bridge 2020's Bitter Divisions ...*» [WSJ от 11.12.2020]; **эвфемизмы**: «*Columbus, Ohio, Police Officer **Relieved of Duties** After Killing Black Man ...*» [WSJ от 23.12.2020]. В заголовке «*Three Generations on the Police Beat. Recently retired after 38 years in the NYPD, John McAuliffe says the force is 'demoralized.' He's no fan of Mayor de Blasio, and Black Lives Matter makes him see red*» [WSJ от 24.12.2020] можно обнаружить сразу несколько стилистических приёмов: **эллиптическую конструкцию** (*Three Generations on the Police Beat*), **метафоры** (*the force is 'demoralized'; Black Lives Matter makes him see red*), **аббревиатуру** (*the NYPD*), **иронию** (*He's no fan of Mayor de Blasio*).

3.2.2. Проправительственные газеты

Несмотря на то, что «*Российская газета*» ставит своей приоритетной задачей освещение информации, касающейся решений руководства страны, и её комментирование, она отличает-

ся широким разнообразием жанровой палитры и проблематики, включающей политическую и экономическую тематику, к которой примыкают социальная и культурная сфера, а также тему происшествий. С точки зрения лингвистики заголовки статей в «РГ», посвящённые деятельности ОВД, характеризуются сдержанностью, простотой, положительной или стилистически-нейтральной коннотацией, без употребления эмоционально-оценочных языковых средств репрезентации информации, построены в форме заголовков-фактов, например: «МВД: Убитая мужем нижегородка перед смертью обращалась в полицию» [РГ от 21.12.2020]; «В структуре МВД создаётся киберполиция» [РГ от 18.12.2020]; «МВД Беларуси и Росгвардия подписали соглашение о сотрудничестве» [РГ от 18.12.2020]; «Завершено следствие в отношении обвиняемых в мошенничестве полицейских» [РГ от 15.12.2020].

«Газета.Ru» характеризуется общим нейтральным тоном в освещении и комментировании вопросов, связанных с внутренней политикой. Заголовки новостных сообщений о деятельности полиции в большинстве случаев носят стилистически-нейтральный оттенок, например: «Полицейский в Егорьевске выжил после выстрела в грудь» [Газета.Ru от 20.12.2020]; «Наручники защитили полицейского от пули в Подмоскowie» [Газета.Ru от 19.12.2020]; «Подозреваемый в убийстве полицейский из Ставрополя признал свою вину» [Газета.Ru от 19.12.2020]. Однако в отличие от «РГ» в «Газете.Ru» можно встретить «усложнённые» заголовки с экспрессивными словами и выражениями, зачастую используемые в переносном и образном значении, например: «Постучали в дверь кувалдой: ОМОН провёл рейд по столичным барам» [Газета.Ru от 20.12.2020]. На первый взгляд может показаться, что автор статьи в заголовке использует *иронию*, употребляя слово «кувалда», которой оперирует ОМОН, однако при прочтении статьи становится понятным, что существительное «кувалда» используется автором в буквальном смысле: «... двери в одном из мест пришлось взломать кувалдой и ломом – внутри бар оказался полон». В заголовке «Силовики штурмом взяли квартиру в Москве, где мужчина ножом угрожал сожительнице» [Газета.Ru от 18.12.2020] можно проследить усиление *концепта* «СИЛА» за счёт употребления рядом стоящих существительного «силовики» и наречия «штурмом», что формирует у читателя образ сильного защитника, способного на стремительные и решительные меры, в лице сотрудников российской полиции.

Для ежедневной общественно-политической газеты «Московский комсомолец» характерны актуальность, злободневность и объективность подачи информации. Тема преступности и полицейской хроники в основном направлена на освещение повышения уровня преступности в стране, а также на расследование несчастных случаев, например: «В Шарлыке начальник отделения почтовой связи предложила взятку полицейскому» [МК от 21.12.2020]; «В Мурманске сотрудники полиции разыскивают девушку, подозреваемую в краже» [МК от 21.12.2020]; «Медногорский правозащитник приговорён к общественным работам за оскорбление местного аппарата власти» [МК от 21.12.2020]. Среди стилистически-нейтральных заголовков в «МК» встречаются заголовки с употреблением разговорной лексики, что является отклонением от стилистических норм литературного языка и своего рода фамильярностью, и, следовательно, имеет экспрессивно-оценочный характер, например: «Подполковника МВД после жалоб на ФСБ отправили из тюрьмы в психушку» [МК от 21.12.2020]. Заголовок «Пир во время чумы: власти, полиция и студенты усилят противодействие телефонным мошенникам» [МК от 21.12.2020] содержит *аллюзию* «Пир во время чумы», которая является отсылкой к четвёртой из маленьких трагедий А.С. Пушкина с одноимённым названием, что свидетельствует о реализации прагматических интенций автора статьи провести параллель между событиями, происходящими в маленькой трагедии А.С. Пушкина во время эпидемии холеры, и увеличением преступной активности в период пандемии коронавируса в 2020 году.

Особый интерес вызывает тот факт, что, несмотря на позиционирование себя как проправительственное издание, в газете «МК» в 2011 году вёлся блог криминального корреспондента Ивана Петрова, состоящий из четырёх обсуждений: «Кто продажнее легавых?» [МК от 3.05.2011]; «Сомнительные «МЕНТопосадки» или как суд богачей защищал» [МК от 5.05.2011]; «Что такое «кривулька» или как столичные сыщики план по раскрываемости выполняют. Часть 1: «Три гуся»»

[МК от 6.05.2011], «Что такое «кривулька» или как столичные сыщики план по раскрываемости выполняют. Часть 2: «Лавочка»» [МК от 19.05.2011]. Заголовки данного блога содержат в себе такие оценочно-экспрессивные языковые средства, как воровское **арго** «легалы» (полицейский), **контаминация** «МЕНТопосадки» (состоит из разговорно-сниженной лексики «мент», означающей сотрудника полиции, и существительного «посадка»), полицейский **жаргон** «кривулька» ((от слова «кривая») – нечестное статистически зафиксированное раскрытие преступления), **разговорное существительное** «сыщик». Интригующие и скандальные заголовки в форме вопроса и построение предложений с отличающимся порядком слов (стилистика, характерная для XIX в.) показывают ироничное авторское отношение к ситуации в целом и к сотрудникам полиции в частности, доведенное в статье до гротескности. Основной целью подобного рода заголовков является навязывание автором своих установок, оказывая тем самым речевое воздействие на массовое сознание читателей. Таким образом, наличие вышеописанного блога ставит под сомнение принадлежность «МК» к проправительственным СМИ, либо свидетельствует о смене редакционной политики издания.

Главной целью одного из крупнейших международных агентств «*Associated Press*» является беспристрастное освещение политических и социальных событий в стране и за рубежом. Деятельности правоохранительных агентств США посвящено достаточно много места на страницах издания, однако информация о деятельности полиции репрезентируется исключительно в нейтральном тоне, без резкой критики и оценки действий офицеров полиции. Так, лаконичные заголовки статей представляют собой констатацию факта и лишены экспрессивности, что является доказательством того, что газета реализует в первую очередь информативную, а не прагматическую функцию: «*AG's office finds no wrongdoing by former police chief*» [AP от 31.12.2020]; «*Former police officer sentenced in vehicular homicide case*» [AP от 30.12.2020]; «*New York police officer shoots, kills machete-wielding man*» [AP от 29.12.2020]; «*Police fatally shoot carjacking suspect after fatal burglary*» [AP от 29.12.2020]; «*Officer wounded, suspect killed in San Bernardino shooting*» [AP от 29.12.2020].

3.2.3. Оппозиционные газеты

Теперь перейдём к анализу заголовков газетных статей, посвящённых деятельности правоохранительных органов, в оппозиционной прессе.

Ежедневная общественно-политическая газета «*Коммерсант*» в большей степени направлена на освещение вопросов, связанных с экономическими конфликтами, кризисами и темпами роста российской экономики. Редакция газеты подчёркивает своё критичное отношение к политической ситуации в стране и публикует материалы о проблемах, возникших в сфере отношений между властью, обществом и бизнесом. Что касается материалов о деятельности полиции, можно наблюдать резкую критику в адрес правоохранительных органов. Основной упор делается на освещение информации, порочащей честь и достоинство российской полиции, например: «*УСБ обезопасили от начальника. Высокопоставленный сотрудник самарской полиции покинул свой пост*» [Коммерсант от 20.11.2020]; «*В современной России что-либо разрешают только полицейским или чиновникам. Дмитрий Дризе — об усилении полномочий российской полиции*» [Коммерсант от 09.12.2020]; «*Михаил Матвеев намерен взыскать деньги с полиции за дело о распространении фейка о коронавирусе*» [Коммерсант от 17.09.2020]; «*Вскрывай, стреляй, оцепляй. Госдума принимает поправки к закону «О полиции»*» [Коммерсант от 09.12.2020]. Кроме простых заголовков и заголовков-фактов в газете можно выявить составные заголовки и заголовки-обращения (Вскрывай, стреляй, оцепляй), употребление **варваризмов** (фейк), **метонимии** («Полиция не увидела нарушений в действиях своих сотрудников...») и **каламбур** («УСБ обезопасили от начальника»), направленных на реализацию прагматической функции и интенций автора статей привлечь внимание читателей и высказать порицание действиям сотрудников полиции.

Редакция российской общественно-политической газеты «*Новая газета*» заявляет, что занимает нейтральную позицию и не выражает поддержку ни одной из конфликтующих сторон. Однако анализ статей свидетельствует о том, что в газете преобладают дискредитирующие правительство материалы и резкая критика исполнительной власти РФ. Так, например, статьи, по-

священные деятельности ОВД, характеризуются ироничными и саркастичными заголовками: «Выпил – не крал – в тюрьму» [НГ от 23.12. 2020]; «Ай-да следователь! Ай-да судья!» [НГ от 15.12. 2020]. Во всех приведённых примерах авторы используют **аллюзию** с отсылкой на фильмы о криминале. Заголовок «Выпил – не крал – в тюрьму» имеет отсылку к известному советскому фильму «Джентльмены удачи», к фразе главного героя Е. Леонова «Украл – выпил – в тюрьму ... Романтика!»; в заголовке «Ай-да следователь! Ай-да судья!» прослеживается явная связь с высказыванием из письма А. С. Пушкина своему другу П. Вяземскому, благодаря чему фраза стала крылатой и обозначает шутливое выражение радости от реализованного плана или выполненной работы. Однако в данном случае подобного рода аллюзия употребляется с противоположной целью – высмеять и уязвить.

Также в НГ можно обнаружить заголовки-вопросы: «Золотые дворняги. В Тюмени полицейские с лопатами атакуют некоммерческий приют для животных. Причина – в тендере на 30 млн рублей?» [НГ от 05.12. 2020]. Выражение ироничного отношения автора в данном заголовке осуществляется посредством употребления **оксюморона** «золотые дворняги». Заголовок «Руководящая роль дубинки. Госдума разрешила полицейским делать с россиянами всё что угодно» [НГ от 09.12. 2020] можно отнести к заголовку-сенсации, так как он, во-первых, состоит из двух частей: первая часть – констатация факта, вторая – комментарий, во-вторых, фразы «руководящая роль дубинки» провоцирует агрессивный настрой читателя по отношению к правоохранительным органам, которые теперь, по мнению автора, будут действовать только с позиции силы, а заявление о том, что «Госдума разрешила полицейским делать с россиянами всё что угодно» дискредитирует законодательную власть, которая закрепляет «произвол» исполнительной власти на законодательном уровне. Подобную цель преследует автор статьи «Насилие – это обязанность»: вице-губернатор Петербурга объяснил избиения сотрудников и посетителей бара во время ночного рейда силовиков» [НГ от 09.12. 2020]. Заголовок-цитата, содержащая **метафору** «Насилие – это обязанность», реализует прагматическую функцию и оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя.

Американская ежедневная газета *Washington post* уделяет особо пристальное внимание освещению национальной и международной политики, в частности вопросов, касающихся действий и решений американского правительства, Белого дома и Конгресса. Деятельность правоохранительных агентств США освещается достаточно широко с различных позиций и точек зрения, однако, большинство новостных сообщений посвящено неправомерному применению огнестрельного оружия офицерами полиции. Заголовки характеризуются простотой и лаконичностью и делятся на нейтральные и экспрессивно-оценочные. К нейтральным заголовкам можно отнести следующие: «Police officer charged with assaulting man not wearing mask» [WP от 30.12.2020]; «Police chief apologizes to Black man detained in Virginia» [WP от 22.12.2020]. Среди экспрессивно-оценочных заголовков особый интерес вызывают следующие: скандальный заголовок «As police unions endorse Trump, some worry officers displaying bias could be intimidating at the polls, affect voting» [WP от 31.10.2020]; заголовок-цитата «Lawyer: No charges for police in shooting death of Maryland man linked to anti-government “boogaloo” movement» [WP от 31.12.2020]; заголовок-резюме «Police officers should be guardians, not warriors. That could have saved Andre Hill’s life» [WP от 31.12.2020]. В выделенных заголовках можно отметить употребление таких стилистических приёмов, как **иронию** (... some worry officers displaying bias, could be intimidating at the polls, affect voting) и **аллюзию** (“boogaloo” имеет отсылку к ряду синглов и альбомов, выпущенных в 60-х гг., а также к двадцатому студийному альбому шотландской рок-группы Nazareth, вышедшему в 1998 году [20], это слово, которое позаимствовали члены Boogaloo Movement, стремящиеся к развязыванию гражданской войны в США). Категория **модальности** в заголовке «Police officers should be guardians, not warriors ...» выражает категорию оценочности и категоричную позицию автора относительно действий офицеров полиции.

Политика общенациональной ежедневной газеты *The New York Times* направлена на опубликование объективной информации об основных событиях, происходящих в стране и в мире, и на непредвзятое комментирование материалов. Лексика NYT характеризуется строгими прави-

лами литературного языка со сложносочиненными и сложноподчинёнными предложениями, употреблением разнообразных выразительных стилистических средств. Заголовки статей, посвящённых деятельности полиции, организованы как сложные заголовочные комплексы в виде констатации фактов, вопросов, цитат и в большинстве случаев освещают неправомерные действия офицеров полиции, например: «After Breonna Taylor Case, Louisville Police Face Precarious Next Chapter. An interim police chief has nearly finished her work, and the city is at a crossroads. Will a department handling one of the nation's most controversial police shootings win back the city's trust?» [NYT от 30.12.2020]; «Louisville Officer Who Shot Breonna Taylor Will Be Fired» [NYT от 30.12.2020]; «Minneapolis Police Fatally Shoot Man During Traffic Stop» [NYT от 31.12.2020]; «This Police Union Suspended 8 Members. Seven Are Black. The union in a small New Jersey city punished the officers after they expressed support for two chiefs, both of whom are also Black» [NYT от 31.12.2020]. Прагматическая функция в указанных выше заголовках реализуется посредством употребления различных экспрессивно-оценочных средств: **метафоры** (*Police Face Precarious Next Chapter; the city is at a crossroads; Our community is exhausted*), **эпитетов** (*most controversial police shootings*), **фразеологизмов** (*win back the city's trust; Opened Fire*), **метонимии** (*crowd of hundreds; The union in a small New Jersey city punished the officers*), **иронии** (*a magic remedy for misconduct*), **эллиптических конструкций** (*This Police Union Suspended 8 Members. Seven Are Black.*).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, газетный дискурс представляет собой всю совокупность текстов, опубликованных в газете или журнале, отвечающих газетно-публицистическому жанру, который можно рассматривать как один из способов институционального общения, осуществляемого в социально-фиксированной и культурно-политической ситуациях. Различные типы СМИ (нейтральные, проправительственные и оппозиционные) используют разные способы репрезентации информации и тем самым создают неординарное информационное поле. В процессе производства текста газетного сообщения создаётся определённая модель, способствующая пониманию и интерпретации информации. Такие модели строятся авторами с помощью целесообразного выбора вербальных средств репрезентации материала и с учётом ценностных ориентаций адресатов.

Воздействие газетного дискурса является скорее не прямым и открытым, а косвенным и скрытым, а категория оценочности может носить интеллектуальный и эмоциональный, аргументированный и неаргументированный, социальный и личностный характер. Оценка, выражаемая в газетных текстах, определяется зачастую социальными и идеологическими факторами. Именно категория оценочности определяет характер функционирования языка газеты на лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом уровнях.

Тексты газетных сообщений реализуют две основные функции (информативную и прагматическую), а газетный заголовок является ключом к пониманию авторской позиции: делается ли акцент на информативной либо прагматической функции газетного сообщения. В процессе исследования были выявлены лексические, грамматические и стилистические различия заголовков российских и американских газет, посвящённых деятельности правоохранительных органов. В зависимости от их принадлежности к тому или иному типу проанализированные газеты используют различные способы оказания речевого воздействия на читателя и лингвистического моделирования образа полиции. Структурно-семантический анализ заголовков отобранных новостных сообщений позволил выявить существенную разницу в подходе к репрезентации материала в российских и американских газетах.

Так, заголовкам русскоязычных нейтральных и проправительственных изданий («Аргументы и Факты», «Газета.Ру», «Российская газета») присущ более консервативный характер подачи информации, а языковые средства репрезентации образа правоохранительных органов носят либо положительную либо стилистически-нейтральную коннотацию без реализации категории оценочности. Заголовки в основном представлены в виде заголовков-фактов без употребления экспрессивно-оценочных средств и реализующих информативную функцию. Особый интерес

в данной категории газет представляет газета «Московский комсомолец», принадлежность которой к проправительственным газетам ставится под сомнение в связи с наличием блога, резко критикующего деятельность полиции посредством употребления различных тропов и фигур речи с резко отрицательной коннотацией. Оппозиционные российские газеты («Новая газета», «Коммерсант») ставят своей основной задачей освещение плюрализма мнений. В газетных заголовках преобладают негативные оттенки субъектов, объектов, событий, которые освещаются с критической точки зрения. В отличие от нейтральной и проправительственной прессы, оппозиционные издания зачастую оформляют заголовки в виде заголовков-обращений, заголовков-вопросов и заголовков-сенсаций, направленных на реализацию прагматической функции и интенций авторов, резко критикующих исполнительную власть РФ. К наиболее часто употребляемым лексико-стилистическим средствам в данных газетах относятся аллегория, оксюморон, метафора, метонимия, варваризмы, каламбур и ирония.

Что касается американских газет, то главными отличительными чертами англоязычных газетных заголовков является их чрезмерная экспрессивность и употребление разговорно-фамильярного языка. Анализ структурных и языковых особенностей английских заголовков показывает, что прагматическая функция реализуется чаще, чем информационная за счёт употребления сложных эмоционально выразительных заголовочных комплексов, среди которых наиболее распространёнными являются заголовки-вопросы, заголовки-цитаты и скандальные заголовки. Независимо от типа издания большая часть материалов направлена на освещение неправомерных действий офицеров полиции в частности и правоохранительных агентств в целом. Наиболее распространёнными тропами и фигурами речи в англоязычных заголовках являются эпитеты, ирония, метафоры, сравнения, неологизмы, эвфемизмы, аллюзия. Кроме того в англоязычных заголовках можно встретить эллиптические конструкции, аббревиатуры и категорию модальности.

Авторы в данной научной статье не ставили перед собой задачу провести структурно-семантический и стилистический анализ языковых средств непосредственно текстов газетных статей. В связи с этим авторы в теоретической части не проводят разграничение между газетным и публицистическим стилем.

Перспективой дальнейшего исследования может стать анализ текстов газетных статей с целью выявления технологий, стратегий и тактик моделирования образа правоохранительных органов России и США в СМИ.

© Гузикова В.В., Нестерова В.Е., 2021

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. Изд-е 5-е, испр. и доп. Москва: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Грушевская Е.С. Языковые средства презентации системно-структурной организации события как глобальной категории политического газетного текста: диссертация ... кандидата филологических наук. Краснодар, 2010. 190 с.
3. Деева И.В. Типологические особенности еженедельника «АиФ» – информационно-ментального канала // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social problems. №3 (47), 2015. С. 216–225.
4. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиа речи. Москва: МАКС Пресс, 2013. 288 с.
5. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография [Текст] / М.Р. Желтухина. Москва: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
6. Заголовки: какие они бывают // Неофициальный сайт журфака КГУ [Электронный ресурс]. – URL: <https://kgu-journalist.ucoz.ru/publ/4-1-0-46> (Дата доступа: 24.02.2021).
7. Калягин Б.А. Характерные черты современной прессы США // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, 2011 [Электронный ресурс]. – URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2012/3/kharakternye-cherty-sovremennoy-pressy-ssha/> (Дата доступа: 20.02.2021).
8. Кибрик А.А. Дискурсивная таксономия и медийный дискурс [Текст] / А.А. Кибрик // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М.Н. Володиной. Москва: Академический проспект, 2011. С. 79-85.

9. Кондратьева И. Как пандемия влияет на преступность // Право.Ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/220476/> (Дата доступа: 16.02.2021).
10. Луканина М.В. Газетный текст через призму теории коммуникации / М.В. Луканина // Вестник Московского Университета Москва: издательство МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2003. № 2. С. 123-133.
11. Негрышев А.А. Аспекты речевого воздействия в новостях [Текст] Учеб. пособие / А.А. Негрышев. Владимир: ВГТУ, 2009. 144 с.
12. Плотникова С.Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи [Текст] / С.Н. Плотникова // Технологизация дискурса в современном обществе: кол. монография / под ред. С.Н. Плотниковой. Иркутск: ИГЛУ, 2011. С. 6-44.
13. Почепцов, Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века [Текст] / Г.Г. Почепцов. Москва: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. 352 с.
14. Россия: СМИ под контролем государства [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.eurotopics.net/ru/176694/россия-сми-под-контролем-государства> (Дата доступа: 16.02.2021).
15. Сизьмин М.А. Анализ контента российских СМИ с учётом требований национальной безопасности // Вестник Череповецкого государственного университета, 2013. №4. С. 73–77.
16. Шостак М. И. Журналист и его произведение: практическое пособие. Москва: ТОО «Гендальф», 1998. 96 с.
17. Berger A. A. Media and Communication Research Methods: An Introduction to Qualitative and Quantitative Approaches // SAGE Publications Third Edition, 2013. 384 p.
18. Bignell J. Media Semiotics, An Introduction // Manchester: Manchester University Press. 2002. 240 p.
19. Fairclough N. Media Discourse: Language and Globalization // London: Routledge, 2006. 200 p.
20. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/boogaloo> (Дата доступа: 25.02.2021).
21. Monovich L. The Language of New Media // Cambridge: MIT Press, 2001. 354 p.
22. Montgomery M. Discourse of Broadcast News. A Linguistic Approach // London: Routledge, 2007. 246p.

References

1. Arnold, I. V. *Stilistika. Sovremennyyi angliiskii iazyk* [Stylistics. Modern English]: учебник для вузов. Изд-е 5-е, испр. и доп. Moscow: Flinta: Nauka, 2002. 384 p.
2. Grushevskaya, E.S. *Iazykovye sredstva prezentatsii sistemno-strukturnoi organizatsii sobytiia kak global'noi kategorii politicheskogo gazetnogo teksta*: Dis ... kand. filol. nauk [Linguistic means of presentation of the system-structural organization of an event as a global category of political newspaper text]: diss... Cand. filol. sciences. Krasnodar, 2010. 190 p.
3. Deeva, I.V. Tipologicheskie osobennosti ezhenedel'nika «AiF» – informatsionno-mental'nogo kanala [Typological peculiarities of the weekly «AiF» - information and mental channel] // *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*, [Modern Research of Social problems]. №3 (47), 2015. pp. 216-225.
4. Dobrosklonskaya, T.G. *Voprosy izucheniia mediatekstov: Opyt issledovaniia sovremennoi angliiskoi media rechi* [Issues of Media Texts Studying: The Experience of Modern English Media Speech Researching]. Moscow: MAKS Press, 2013. 288 p.
5. Zheltukhina, M.R. *Tropologicheskaya suggestivnost' mass-medial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdeistviia tropov v iazyke SMI* [Tropological suggestiveness of Mass Media discourse: on the problem of speech influence of tropes in Media language]: monografiia [Текст] / M.R. Zheltukhina. Moscow: In-t iazykoznaniiya RAN; Volgograd: Izd-vo VF MUPK, 2003. 656 p.
6. Zagolovki: kakie oni byvaui [Headings: what they are] // *Neofitsial'nyi sait zhurfaka KGU* [Electronic resource], kgu-journalist.ucoz.ru/publ/4-1-0-46 (Accessed 24.02.2021).
7. Kaliagin, B.A. Kharakternye cherty sovremennoi pressy SShA [Specifics of the modern US press] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 2011 [Electronic resource], vestnik.journ.msu.ru/books/2012/3/kharakternye-cherty-sovremennoy-pressy-ssha/ (Accessed 20.02.2021).
8. Kibrik, A.A. Diskursivnaya taksonomiia i mediinyy diskurs [Текст] [Discursive taxonomy and Media discourse] / A.A. Kibrik // *Iazyk i diskurs sredstv massovoi informatsii v XXI veke* / Pod red. M.N. Volodinoi. Moscow: Akademicheskii prospekt, 2011. pp. 79-85.
9. Kondrat'eva, I. Kak pandemiiia vliiaet na prestupnost' [How the pandemic affects criminality] // *Pravo.Ru* [Electronic resource], pravo.ru/story/220476/ (Accessed 16.02.2021).
10. Lukanina, M.V. Gazetnyi tekst cherez prizmu teorii kommunikatsii [Newspaper text through the prism of communication theory] / M.V. Lukanina // *Vestnik Moskovskogo Universiteta Moscow: izdatel'stvo MGU. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia komunikatsiia*, 2003. № 2. pp. 123-133.
11. Negryshev, A.A. *Aspekty rechevogo vozdeistviia v novostiakh* [Aspects of speech influence in news] [Текст]. Ucheb. posobie / A.A. Negryshev. Vladimir: VGGU, 2009. 144 p.
12. Plotnikova, S.N. Diskursivnye tehnologii i diskursivnoe oruzhie kak realii sovremennoi informatsionnoi epokhi [Discursive technologies and discursive weapons as realities of the modern information age] [Текст] / S.N. Plotnikova // *Tekhnologizatsiia diskursa v sovremennom obshchestve: kol. monografiia* / pod red. S.N. Plotnikovoi. Irkutsk: IGLU, 2011. pp. 6-44.
13. Pocheptsov, G.G. *Kommunikativnye tehnologii dvadtsatogo veka* [Текст] [The 20th century communication technology] / G.G. Pocheptsov. Moscow: Refl-buk, K.: Vakler, 2001. 352 p.
14. Rossiia: SMI pod kontrolem gosudarstva [Russia: Mass Media Under State Control] [Electronic resource], www.eurotopics.net/ru/176694/rossiya-smi-pod-kontrolem-gosudarstva (Accessed 16.02.2021).

15. Siz'min, M.A. Analiz kontenta rossiiskikh SMI s uchotom trebovanii natsional'noi bezopasnosti [Analysis of Russian Media content taking into account national security requirements] // *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013. №4. pp. 73-77.
16. Shostak, M. I. *Zhurnalist i ego proizvedenie* [Journalist and his work]: prakticheskoe posobie. Moscow: TOO «Gendal'f», 1998. 96 p.
17. Berger, A. A. *Media and Communication Research Methods: An Introduction to Qualitative and Quantitative Approaches* // *SAGE Publications* Third Edition, 2013. 384 p.
18. Bignell, J. *Media Semiotics, An Introduction*. Manchester: Manchester University Press. 2002. 240 p.
19. Fairclough, N. *Media Discourse: Language and Globalization*. London: Routledge, 2006. 200 p.
20. Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource], www.merriam-webster.com/dictionary/boogaloo (Accessed 25.02.2021).
21. Monovich, L. *The Language of New Media*. Cambridge: MIT Press, 2001. 354 p.
22. Montgomery, M. *Discourse of Broadcast News. A Linguistic Approach*. London: Routledge, 2007. 246 p.

Сведения об авторах:

Гузикова Валентина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Уральского юридического института МВД России. Сфера научных и профессиональных интересов: фразеология, лингвокультурология, германские языки. E-mail: guzikovav@mail.ru

Нестерова Валерия Евгеньевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Уральского юридического института МВД России. Сфера научных и профессиональных интересов: массмедиа-дискурс, политический дискурс, лингвокультурология. E-mail: karaelan@mail.ru

About the authors:

Valentina V. Guzikova – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. Spheres of research and professional interest: phraseology, cultural linguistics, Germanic languages. E-mail: guzikovav@mail.ru

Nesterova Valeriya Evgenevna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. Spheres of research and professional interest: mass media discourse, political discourse, cultural linguistics. E-mail: karaelan@mail.ru

* * *

CORRELATION OF GRAMMATICAL AND SEMANTIC PARAMETERS IN PORTUGUESE CHANGE-OF-STATE VERBS

D.L. Gurevich

Lomonosov Moscow State University
119991, 1-51 Leninskie gory, Moscow, Russia

Abstract. Verbs denoting change of state are a semantic-syntactic universal as they share common patterns in languages of different types. One of such patterns is their ability to take part in causative-inchoative alternation when one and the same situation codified by certain language units can be seen both from the viewpoint of the actor vs recipient (transitive model) and from the viewpoint of the recipient only, provided that the recipient is the only agent in the verb's structure (inchoative model), unlike in passive constructions. In causative-inchoative alternation situations these verbs choose one of the three alternation types: a) suppletive (*matar – morrer*), b) anticausative, when the inchoative meaning is codified morphologically with the help of the pronominal particle *se* (*espantar – espantar-se*) and c) labile, when the inchoative meaning is optionally marked by *se* without any change in grammaticality or semantics. The present paper argues that the choice of pronominal or non-pronominal form of the verb in the inchoative meaning with an inanimate subject (*A janela (se) quebrou*) depends on the parameter of animate / inanimate subject in the corresponding transitive construction and, to a certain extent, on the graduality inherent to the verb's semantics (the acceptability of quantification). It is also shown that Brazilian Portuguese reveals the tendency to realize the labile type of alternation when the subject of the inchoative verb is inanimate; in Old Portuguese, on the contrary, the anticausative type (marked by *se*) was more frequent.

Key Words: the Portuguese language, Brazilian Portuguese, morphosyntax, semantics, actionality, change-of-state verbs, causative-inchoative alternation, pronoun *se*

СООТНОШЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО ПАРАМЕТРОВ У ГЛАГОЛОВ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТОЯНИЯ В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Д.Л. Гуревич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1-51

Аннотация. Глаголы изменения состояния являются семантико-синтаксической универсалией и обладают сходными особенностями в языках разных типов, одной из таких особенностей является способность глаголов изменения состояния входить в отношения каузативно-инхоативного чередования, когда одна и та же концептуализируемая языковыми средствами ситуация может быть представлена с точки зрения деятеля и получателя действия (переходная модель – *O menino quebrou a janela* «Мальчик разбил окно») или только с точки зрения получателя действия, который является единственным, в отличие от классического пассивного залога, актантом глагола (инхоативная модель – *A janela se quebrou* «Окно разбилось»). При каузативно-инхоативном чередовании португальские глаголы изменения состояния выбирают одну из трёх моделей: супплетивную (*matar vs morrer*: *O caçador matou o lobo* «Охотник убил волка» vs *O lobo morreu* «Волк умер»); антикаузативную, когда инхоативное значение маркируется морфологически при помощи прономинального элемента «se» (*espantar vs espantar-se*: *O cão espantou o menino* «Собака испугала мальчика» vs *O menino se espantou* «Мальчик испугался») и лабильную, когда инхоативное значение факультативно маркируется при помощи «se» (*Meu peso estabilizou vs Meu peso se estabilizou* «Мой вес стабилизировался»). Реализация лабильного типа особенно характерна для бразильского варианта португальского языка и рассматривается в статье, где показано, что выбор прономинальной или непрономинальной формы глагола в инхоативном употреблении при неодушевлённом подлежащем (*A janela (se) quebrou*) зависит от параметра одушевлённости / неодушевлённости подлежащего в переходной модели, а также частично зависит от градуативных возможностей в семантике глагола (способность глагола допускать квантификацию: *O amor (se) esfriou muito* «Любовь совсем остыла»). Также показано, что бразильский вариант португальского языка имеет тенденцию к реализации лабильного типа каузативного чередования при неодушевлённом подлежащем в инхоативной модели по сравнению со старопортугальским языком, где антикаузативная модель (маркированная с помощью *se*) встречалась чаще.

Ключевые слова: португальский язык, бразильский вариант португальского, морфосинтаксис, семантика, акциональность, глаголы изменения состояния, каузативно-инхоативное чередование, местоимение *se*

1. Введение

Глаголы изменения состояния, обнаруживающие ряд семантико-синтаксических особенностей, неоднократно являлись предметом описания с учётом как их универсальных черт, так и частных проявлений в различных языках индоевропейской языковой семьи и за её пределами. К работам общего характера можно отнести, среди многих других, [2; 3; 6; 11; 16; 18]; особенности глаголов изменения состояния в иберо-романских языках, в частности в испанском и португальском описаны, например, в [12; 19; 21]. В работах общего и частного плана представлены основные семантические ограничения, характерные для глаголов изменения состояния, например, [16; 18], и базовые для этих глаголов синтаксические модели, конкретно – способность таких глаголов участвовать в так называемом каузативно-инхоативном чередовании. Речь идёт об употреблении одного и того же глагола (реже – разных глаголов) в переходном (каузативном) и непереходном (инхоативном, антикаузативном, эргативном) значении для описания одного и того же события, в первом случае с участием как деятеля (агенса), так и получателя изменяемого состояния (пациенса), во втором случае без участия агенса, например, в португальском: *quebrar-quebrar-se* «сломать(ся)», «разбить(ся)», *derreter-derreter-se* «растопить» – «растаять».

1. *O menino quebrou a janela de casa.*
 ART мальчик разбить 3sg perfect ART окно prep GEN дом
 «Мальчик разбил окно в доме»
2. *A janela se quebrou.*
 ARTокно REFL разбить3sg perfect
 «Окно разбилось»

Модель типа (1) реализует каузативные отношения (отношения воздействия) между источником изменения состояния (агентом либо инструментом) и носителем изменяемого состояния (пациентом). Модель типа (2) реализует инхоативные отношения (отношения становления, приобретения состояния или свойства) между пациентом и собственно свойством, обозначенным корнем глагольной лексемы (QUEBRar – разБИТЬся). В разных языках инхоативное значение может иметь или не иметь собственный грамматический показатель [16, p. 92; 23; 2]. В португальском языке для глаголов, участвующих в каузативном чередовании, таким показателем, как правило, является прономинальный элемент *se*. Однако его наличие не всегда строго обязательно:

3. *A janela (se) quebrou;*
4. *O peso (se) estabilizou;*
5. *O amor (se) esfriou.*

В примерах (3)–(5) элемент *se* факультативен, он не влияет на грамматическую правильность предложения и, что не менее важно, не модифицирует инхоативного значения глагола (значения изменения состояния), глагол в примере (3) прочитывается как «[окно] разбилось», а не как «разбило», в примере (4) – как «[вес] стабилизировался», а не «стабилизировал», в примере (5) – как «[любовь] остыла», а не как «остудила», то есть глагол может вести себя как антикаузативный (иметь прономинальный элемент), и как лабильный (не иметь прономинальный элемент). Критерии выбора прономинального элемента составляют основную проблематику данной статьи.

2. Типы глаголов изменения состояния

Прежде, чем мы перейдём к подробному анализу материала, необходимо уточнить некоторые теоретические положения, а также ряд формальных моментов.

Что касается теоретической модели описания, мы намеренно не придерживаемся традиционных для грамматического анализа терминов типа «активный залог», «пассивный залог», «возвратный залог», «взаимный залог», выделяемых, например, Л. Теньером [22], который использовал понятие «диатеза» в том же значении, что и «залог», или для общепринятых в португалоязычной грамматической традиции описаниях трёх типов залогов в португальском языке – «voz ativa», «voz passiva», «voz reflexiva» / «voz média» – и их частных случаев [10, p. 222–223; 13, p. 219–220; 14, p. 395] или в более современных грамматиках и лингвистических справочниках [9, p. 270; 24]. Традиционное деление на типы залогов опирается на синтаксическую функцию членов предложения [см., например, подробнее в [5, p. 260–261]. Подобный подход, «работающий» для других типов синтаксического анализа, оказывается бесперспективным в нашем случае, так как один из возможных грамматических маркеров «традиционного» пассивного или возвратного залога, – местоимение «*se*» – в ряде ситуаций может опускаться, как в примерах (3)–(5). Это приводит к формальному неразличению типов залога, а функции активного либо пассивного залога могут быть приписаны только с помощью «здорового смысла», который опирается на семантику существительного при глаголе, когда референту существительного приписываются те или иные свойства: например, в предложении «*A janela quebrou*» окно не может кого-то разбить, а может только разбиться само.

Мы также не прибегаем к термину «диатеза» вследствие его размытости и неоднозначности. Для одних исследователей он является синонимом термина «залог»: например, Л. Теньер объединяет в термине «*diathèse*» значения традиционно выделяемых залогов [22, p. 262], а Э. Бешара ставит знак равенства между понятиями «*voz*» и «*diátese*» [10, p. 213]. В то же время, большинство других исследователей трактует понятие «диатеза» более широко, а именно как «соответствие между семантическими и синтаксическими аргументами» глагола ([5, p. 258], а также, например, [15, p. 431]), причём такая же трактовка, опирающаяся на отношения между синтаксической функцией и семантической ролью, может описываться в современных португалоязычных грамматиках не в терминах «диатеза», а в терминах «залог» [9, p. 270], что свидетельствует об определённой конкуренции этих терминов.

В данной работе мы также придерживаемся семантико-синтаксического критерия, объединяющего семантическую (тематическую) роль аргумента при глаголе (агент, пациент) и его синтак-

сическую функцию – подлежащего (субъекта) или прямого дополнения (объекта). В работе рассматриваются только глаголы изменения состояния у неодушевлённых предметов (типа «окно», «дверь», «вода», «снег», «ваза», «климат» и т.п.), они характеризуются наличием моноаргументной структуры, когда внутренний аргумент (пациенс, претерпевающий изменения) принимает не типичную для объекта синтаксическую функцию дополнения, а синтаксическую функцию подлежащего, тогда как внешний аргумент («истинное» подлежащее, агенс), повлекший изменение состояния у пациенса, отсутствует. Примеры (2) – (5) иллюстрируют данный феномен, глагол в них выражает инхоативное значение, которое мы в данном случае понимаем как синоним эргативного значения, то есть указание на изменение состояния без указания на внешнюю причину такого изменения.

Поскольку наше исследование посвящено особенностям бразильского варианта португальского языка, то все примеры обладают соответствующими лексическими и грамматическими чертами. В частности, прономинальный элемент «se», – ключевой для нашего исследования, – как и другие безударные местоименные клитики (например, «me», «nos», «o», «a») в приводимых примерах, стоит в препозиции к глаголу, что характерно для бразильского варианта португальского языка, в отличие от европейского (пиренейского) варианта, для которого действуют более сложные правила синтаксической дистрибуции клитик.

В соответствии с теоретическими положениями параграфа 1, глаголами изменения состояния в португальском языке являются глаголы аспектуальных классов accomplishment и achievement (по классической классификации З. Вендлера, или, по терминологии Е.В. Падучевой, «предельные» и «моментальные» [4]), каузирующие состояние пациенса, допускающие трансформацию «привести в состояние» <> «приобрести состояние» и участвующие в каузативном чередовании на уровне синтаксической модели, переходной или инхоативной, что определяется наличием двух (переходная) или одного (инхоативная) аргументов при глаголе.

6. *O menino quebrou a janela – A janela (se) quebrou.*

7. *O vento abriu a porta – A porta (se) abriu.*

Таким критериям удовлетворяют 682 глагола португальского языка, из которых 618 допускают употребление se в инхоативном значении [12, р. 36-44]. Эти глаголы могут быть разбиты на три группы по параметру одушевлённости–неодушевлённости подлежащего и дополнения в каузативной (переходной) модели, где одушевлённое подлежащее имеет семантическую роль агенса, неодушевлённое – роль инструмента (причины), дополнение – роль пациенса независимо от одушевлённости–неодушевлённости.

В первую группу войдут глаголы, имеющие одушевлённое подлежащее (агенс) и недифференцированное дополнение (глаголы типа *emancipar, qualificar*):

8. *A comissão qualificou o atleta.*

9. *O tribunal qualificou o crime.*

Во вторую группу войдут глаголы, имеющие недифференцированное подлежащее (агенс либо инструмент (причину)) и недифференцированное дополнение (*queimar, estragar*):

10. *O homem queimou sua pele.*

11. *O calor do fogo queimou meus olhos.*

В третью группу войдут глаголы, имеющие неодушевлённое подлежащее (инструмент) и одушевлённое дополнение (*desanimar, assustar*):

12. *O grito assustou a menina.*

Одушевлённость, несмотря на размытость границ этого понятия, противопоставляет семантическую роль агенса и инструмента (причины), действия агенса могут быть целенаправленными или случайными; инструмент, даже если действует самостоятельно, никогда не действует целенаправленно, это «слепая сила».

13. *A mulher estragou a festa (агенс) (Женщина испортила праздник).*

14. *A tempestade estragou a festa (инструмент/причина) (Непогода испортила праздник).*

Таким образом, одушевлённость тесно связана с волиитивностью, глаголы в выделенных трёх группах выглядят как строго волиитивные в первой группе (подлежащее – агенс), факультативно

волитивные во второй (подлежащее – агентс или инструмент) и строго неволитивные в третьей (подлежащее – инструмент). Для анализа были выбраны глаголы с факультативной волитивностью подлежащего и дополнения, поскольку именно они почти всегда допускают вариативное употребление «se» в инхоативном значении. Именно фактор конкуренции одушевлённых и неодушевлённых подлежащих лёг в основу гипотезы о существовании зависимости между прономинальным и непрономинальным употреблением глагола в инхоативном значении, с одной стороны, и феноменом одушевлённости подлежащего, с другой стороны.

3. Методика исследования

Для дальнейшего анализа список глаголов был существенно сокращён: были исключены глаголы, допускающие супплетивное чередование (типа *matar – morrer; ter filho – nascer*); были исключены глаголы с низкой частотностью или узкой сочетаемостью (типа *arredondar, ensebar*), а также глаголы, имеющие только одушевлённое подлежащие в инхоативном употреблении (типа *domesticar*). При анализе инхоативных употреблений были исключены контексты, содержащие одушевлённые подлежащие в функции возможного пациенса, так как для них не всегда можно чётко разграничить инхоативное (подлежащее – это пациенс) и рефлексивное (подлежащее – это агентс, а пациенс выражен рефлексивным местоимением «se», притом что агентс и пациенс в данном случае кореференты) значение элемента «se» (ср., например, инхоативное и рефлексивное прочтение предложения *Pedro cortou-se*, так как не ясно, то ли это произошло с Педру (инхоативное прочтение), то ли это сделал сам Педру намеренно (рефлексивное прочтение)). Таким образом, список был сокращён до 30 высокочастотных глаголов, которые показали преобладание каузативной либо инхоативной модели, что легло в основу их дифференциации. В ходе анализа мы исходили из соотношения базовой и вторичной моделей. Для глаголов каузативной модели базовой является переходная модель, а инхоативная модель возможна (*O vento abriu a porta – A porta (se) abriu*), для глаголов инхоативной модели базовой является инхоативная, а переходная модель возможна (*O clima esfriou – Aquele episódio esfriou as relações diplomáticas*). Таким образом, основной вопрос заключается в поиске причин распределения глаголов между базовой и вторичной моделями. В соответствии с основной гипотезой учитывалась частотность и соотношение одушевлённых и неодушевлённых существительных в функции подлежащего (синтактико-семантический параметр), также учитывались семантические особенности глагола, а именно характер изменения состояния (лексико-семантический параметр). Также учитывалось соотношение прономинального, то есть присутствует «se» (+SE), и непрономинального, то есть отсутствует «se» (–SE), употребления глагола в инхоативной модели. Анализируемые глаголы рассматривались в прошедшем совершенном времени изъявительного наклонения (*pretérito perfeito*), оно наиболее соответствует их аспектуальному классу и позволяет исключить неэргативные значения «se», в частности медиальное, которое указывает на способность быть объектом действия, получаемого извне (*Aquela porta se abre facilmente = É fácil abriremos aquela porta*). Все контексты были заимствованы из электронного корпуса португальского языка O CORPUS DO PORTUGUÊS (<https://www.corpusdoportugues.org>).

Список рассмотренных глаголов: *abrir**, *afundar**, *apagar*, *aquecer*, *aumentar*, *bloquear*, *colar*, *congelar**, *contaminar*, *derreter**, *desligar*, *diminuir*, *dobrar*, *encolher*, *esfriar*, *espalhar**, *esquentar*, *estabilizar*, *estragar*, *extinguir*, *fechar**, *fundir*, *juntar*, *quebrar**, *queimar**, *rasgar*, *recuperar*, *romper**, *secar**, *separar*. Были проанализированы 150 неповторяющихся контекстов на каждый глагол, всего 4500 контекстов. Глаголы, выделенные звёздочкой, совпадают с глаголами, рассмотренными для других языков в [16, p. 97], остальные глаголы были отобраны в соответствии с перечисленными выше критериями.

Описание грамматического поведения глаголов проводилось с учётом следующих позиций: 1) количественное соотношение каузативных и инхоативных моделей; 2) зависимость количества инхоативных моделей от одушевлённости/неодушевлённости подлежащего (синтактико-семантический параметр) или от характера изменения состояния (лексико-семантический параметр);

- 3) количественное соотношение внутри инхоативных моделей в пользу (+SE) или в пользу (–SE);
 4) возможные причины соотношения (+SE) и (–SE) в инхоативных моделях.

4. Результаты исследования

19 глаголов показали преобладание каузативной модели (59% всех контекстов), 11 глаголов показали преобладание инхоативной модели (41% всех контекстов), процентное соотношение глаголов (11 к 19) примерно совпадает с процентным соотношением контекстов, что говорит о системной реализации моделей.

Таблица 1

Абсолютное и процентное распределение контекстов с каузативным и инхоативным употреблением глаголов

Каузативные употребления 2618 59%		Инхоативные употребления 1882 41%	
Подлежащее AGENS (одуш.)	Подлежащее INSTR (неодуш.)	Непроминальные употребления –SE	Пронаминальные употребления +SE
1778 39% от общего кол-ва контекстов	840 19% от общего кол-ва контекстов	1426 32% от общего кол-ва контекстов; 76% от инхоативных употреблений	456 10% от общего кол-ва контекстов; 24% от инхоативных употреблений

4.1 Глаголы с преобладающей каузативной моделью

У 19 глаголов преобладает каузативная модель. Эти глаголы были разделены на две подгруппы: глаголы сильной внешней причины – каузативные контексты охватывают 70% и более от всех контекстов глагола; и глаголы слабой внешней причины – каузативные контексты охватывают 50% и более от всех контекстов глагола. Глаголы сильной внешней причины преобладают в количественном отношении.

4.1.1 Глаголы сильной внешней причины

Всего было обнаружено 13 глаголов данного типа. В таблице ниже они представлены по степени убывания частотности употребления одушевлённого подлежащего.

Таблица 2

Глаголы сильной внешней причины по убыванию случаев частотности употребления одушевлённого подлежащего по отношению к случаям употребления неодушевлённого подлежащего в каузативных моделях

	глагол	кол-во AGENS (одуш.) по отношению к INSTR (неодуш.)	кол-во –SE (лабил.)	кол-во +SE (антикауз.)	Общее кол-во инхоат. употр.	средн. кол-во случаев без местоим. –SE	среднее кол-во случаев с местоим. +SE
1	juntar	144/4 (148)	1	1	2	12	6
2	desligar	123/10 (133)	15	2	17		
3	separar	119/19 (138)	1	11	12		
4	abrir	112/27 (139)	3	7	10		
5	recuperar	107/25 (132)	4	14	18		
6	rasgar*	105/22 (127)	15	8	23		
7	bloquear	104/42 (146)	3	1	4		
8	fechar	84/26 (110)	27	13	40		
9	queimar	69/35 (104)	43	3	46	20	14
10	romper	69/36 (105)	18	27	45		
11	estragar	65/41 (106)	40	4	44		
12	extinguir	39/75 (114)	0	36	36		
13	contaminar	12/135 (147)	0	3	3		

15. *Ela desligou* a ligação e esperou que ele retornasse.
16. *A queda de energia desligou* semáforos e sinalizações de rua.
17. O *aparelho* que estava carregando, *desligou* e não ligou mais.
18. *A racionalidade se desligou* da teologia.
19. Minha *ex-mulher rasgou* todos os meus documentos.
20. *A quilha rasgou* minha perna, fazendo uma grande ferida.
21. O *teto* dele quase *rasgou*, a porta entortou.
22. O *véu* do santuário *se rasgou* em duas partes de alto a baixo.
23. *Você estragou* minha selfie.
24. *Isso não estragou* o livro.
25. Os produtos mudam de cor e de cheiro, como sinal de que a *matéria-prima estragou*.
26. Ele esperaria 30-40 anos para ver como *aquilo se estragou*.

Глаголы сильной внешней причины были разбиты на две подгруппы по формальному и по семантическому признакам. Граница между подгруппами обозначена в Таблице 2 жирной чертой. Формальный признак опирается на частотность употребления одушевлённого подлежащего в каузативной модели, семантический признак опирается на лексическую семантику глагола.

4.1.1.1 Формальный признак

Глаголы 1–8 имеют более 50% случаев употребления одушевлённых подлежащих в функции агенса из всех рассмотренных контекстов данного глагола, а глаголы с 9 по 13 – менее 50%. Наряду с уменьшением частотности одушевлённых подлежащих закономерно возрастает частотность употребления неодушевлённых подлежащих (инструмент); это менее выражено в группе (1–8) и более выражено в группе (9–13). Как видно из таблицы, группы глаголов (1–8) и (9–13) значительно отличаются средним числом инхоативных употреблений (независимо от наличия либо отсутствия «se» в инхоативной модели). Также по таблице видно, что по мере падения количества случаев агенса-подлежащего количество случаев инструмента-подлежащего возрастает, но не пропорционально (за исключением глагола *contaminar*), что видно по последовательному снижению суммы контекстов с агенсом и причиной (указано в скобках). Перераспределение частотности происходит в пользу инхоативных реализаций.

Таким образом, можно сформулировать следующую зависимость: у глаголов сильной внешней причины высокий процент случаев употребления одушевлённого подлежащего в каузативной модели коррелирует с низким процентом случаев инхоативных употреблений (*juntar, separar, abrir*), а глаголы с относительно высоким процентом случаев употребления неодушевлённого инструмента в функции подлежащего коррелируют с более высоким процентом случаев инхоативных употреблений, как прономинального, так и непрономинального типа (*queimar, romper, estragar*).

Тем не менее, один глагол второй подгруппы (*contaminar*) вопреки сформулированной зависимости имеет низкий показатель инхоативных употреблений. Нестандартное поведение этого глагола может быть объяснено тем, что в отличие от других глаголов подгруппы *contaminar* является слабо агентивным, его действие носит преимущественно нецеленаправленный характер, поэтому его базовым подлежащим выступает неодушевлённый деятель (агенса), «слепая причина» (инструмент), что подтверждается его относительно низкой сочетаемостью с личными местоимениями 1 и 2 лица (*eu, você*) в функции подлежащего. Это сближает его с глаголами, предполагающими наличие инструмента, хотя и необязательно эксплицированное, типа *engomar, serrar* (*Um marceneiro serrou [com uma serra] uma tábua em cinco pedaços iguais*), и не допускающими инхоативного употребления (**A tábua (se) serrou*).

4.1.1.2 Семантический признак

Глаголы первой подгруппы (1–8), за исключением глагола *rasgar*, помеченного звёздочкой, – это глаголы преимущественно неискажающего (недеформирующего) изменения. Глаголы второй подгруппы (9–13), за исключением последнего (*contaminar*), – это глаголы искажающего (деформирующего) изменения. Поскольку общей чертой всех глаголов, рассматриваемых в данной ра-

боте, является «изменение состояния», то искажающее или необратимое изменение, типа *estragar*, *queimar* (*Você estragou minha selfie; O raio queimou o equipamento*), можно рассматривать как базовое, а обратимое или неискажающее изменение состояния, типа *abrir*, *bloquear* (*A companhia Entel bloqueou o celular*), можно рассматривать как вторичное. Как следствие, более высокий процент инхоативных употреблений для глаголов базового типа изменения состояния представляется логичным, поэтому глаголы *queimar*, *romper*, *estragar*, *extinguir* употребляются в инхоативных контекстах чаще, чем глаголы недеформирующего изменения, типа *desligar*, *separar*, *abrir*.

4.1.2 Глаголы слабой внешней причины

Всего было обнаружено 6 глаголов данного типа, они расположены ниже в таблице по убыванию случаев частотности употребления одушевлённого подлежащего.

Таблица 3

Глаголы слабой внешней причины по убыванию случаев частотности употребления одушевлённого подлежащего по отношению к случаям употребления неодушевлённого подлежащего в каузативных моделях

	глагол	Количество AGENS (одуш.) по отношению к INSTR (неодуш.)	Количество – SE (лабил.)	Количество +SE (антикауз.)	Общее кол-во инхоат. употр.	среднее кол-во случаев без местоимения –SE	среднее кол-во случаев с местоимением +SE
1	colar	95/0 (95)	53	2	55	43	17
2	quebrar	76/16 (92)	49	9	58		
3	apagar	66/36 (102)	24	24	48		
4	fundir	53/27 (80)	23	47	70		
5	congelar	40/43 (83)	59	8	67		
6	aquecer	21/63 (84)	50	16	66		

27. A *ex-mulher* **aqueceu** a faca e queimou a mão.
28. Seu calor me **aqueceu**.
29. O planeta **aqueceu** numa média de 0,17° C por década.
30. No caso do copo, a *camada de vidro* interna **se aqueceu** e dilatou.
31. Quem **apagou** a luz?
32. A paisagem não é a realidade que o *sonho* não **apagou**.
33. As luzes que iluminavam, inclusive a luz do carro, *farol e tudo* que emite luz **apagou**.
34. Estava quase acabando quando a luz **se apagou**.

Как видно из Таблицы 3, последовательное снижение частотности одушевлённого подлежащего напрямую коррелирует с последовательным, почти линейным возрастанием частотности неодушевлённой причины в той же функции. При этом в отличие от глаголов сильной внешней причины глаголы данной группы образуют инхоативные значения более «компактно», разница в частотности между самым редким в инхоативном употреблении глаголом (*apagar*) и самым частотным (*fundir*) составляет около 30%, тогда как для глаголов сильной внешней причины эта разница достигала десятков раз (ср. Таб. 2). Также из Таблицы 3 видно, что из трёх глаголов, имеющих максимальное количество инхоативных употреблений (*fundir*, *congelar*, *aquecer*) два последних глагола имеют в качестве более частотного подлежащего неодушевлённую причину.

Для данной подгруппы можно сформулировать такую же зависимость, как и для глаголов сильной внешней причины: по мере снижения количества употреблений одушевлённых существительных в функции подлежащего растёт, хотя и не линейно, количество употреблений глагола в инхоативных моделях.

4.1.3 Дистрибуция прономинальных и непрономинальных употреблений глаголов сильной и слабой внешней причины в инхоативных моделях

Что касается количественного распределения прономинальных и непрономинальных употреблений в инхоативных значениях, у глаголов слабой внешней причины (*aquecer*, *fundir*) непроно-

минальных употреблений в среднем в два раза больше по сравнению с глаголами сильной внешней причины (*desligar, abrir, bloquear*) – 43 против 20, соответственно (ср. Таб. 2 и Таб. 3).

Что касается качественного, поглагольного, распределения прономинальных употреблений, линейной зависимости не выявлено. Если посмотреть на соотношение прономинальных и непрономинальных форм глагола в инхоативной модели в подгруппах сильной и слабой внешней причины, можно обнаружить следующее соотношение: количество глаголов, предпочтительно выбирающих непрономинальный тип (–SE) в инхоативном употреблении, составляет 10 из 19 (52% глаголов) (*desligar, rasgar, bloquear, fechar, queimar, estragar, colar, quebrar, congelar, aquecer*), то есть немногим более половины лексем предпочитает непрономинальное употребление, а количество глаголов, предпочтительно выбирающих прономинальный тип (+SE) в инхоативном употреблении, составляет 8 из 19 (42% глаголов) (*juntar, separar, abrir, recuperar, romper, extinguir, contaminar, fundir*), при этом один глагол (*apagar*) имеет равное число прономинальных и непрономинальных употреблений. Однако, суммарное количество контекстов с прономинальным и непрономинальным употреблением не составляет приблизительно 50% на 50%. Общее число инхоативных контекстов с (–SE) равно 428, число контекстов с (+SE) – 236, то есть непрономинальные контексты встречаются почти в два раза чаще, что подтверждают также цифры среднего количества случаев, суммарно получаемых по Таблицам 2 и 3: 75 (–SE) на 37 (+SE).

Подобная неравномерность распределения прономинальных и непрономинальных употреблений по лексемам, не зависящая от синтактико-семантических (одушевлённость/неодушевлённость подлежащего) и лексико-семантических признаков (наличие определённых параметров в семантике глагола), хорошо иллюстрируется «непоследовательным» поведением некоторых высокочастотных глаголов, выбирающих прономинальную или непрономинальную модель иногда в зависимости от того, с какими существительными в функции подлежащего они сочетаются, а иногда демонстрирующими тенденцию, но не строгую дистрибуцию.

Так, например, глагол *abrir* «открыть», показавший при стандартной выборке в 150 контекстов 3 непрономинальных употребления и 7 прономинальных в инхоативной модели (Таб. 2) (то есть прономинальных примерно в 2 раза больше), при анализе сочетаемости исключительно в инхоативных значениях обнаруживает значительно большую вариантивность. Для выборочной проверки были взяты несколько наиболее частотных неодушевлённых существительных, регулярно выступающих в функции подлежащего при глаголе *abrir*. Полученная статистика выглядит следующим образом:

Таблица 4

*Дистрибуция прономинальных и непрономинальных употреблений глагола **abrir** «открыть» с частотными подлежащими в инхоативных значениях*

Подлежащее	Прономинальная (+SE)	Непрономинальная (–SE)
mundo	mundo se abriu (97%)	mundo abriu (3%)
céu	céu se abriu (88%)	céu abriu (12%)
coração	coração se abriu (87%)	coração abriu (13%)
porta	porta se abriu (75%)	porta abriu (25%)
boca	boca se abriu (62%)	boca abriu (38%)
buraco	buraco se abriu (60%)	buraco abriu (40%)
portão	portão se abriu (57%)	portão abriu (43%)
mercado	mercado se abriu (50%)	mercado abriu (50%)
janela	janela se abriu (43%)	janela abriu (57%)
casa	casa se abriu (17%)	casa abriu (83%)
sinal	sinal se abriu (3%)	sinal abriu (98%)
empresa	empresa se abriu (0%)	empresa abriu (100%)

35. Michael congelou, ao ler o título, e **sua boca abriu**, em seguida fechou.

36. **Sua boca se abriu** mas nenhum som saiu dela.

37. Já fiz o teste e **a janela abriu** normalmente.

38. Em seus cálculos, **a janela** demográfica **se abriu** entre 1970 e 1975.
 39. **A porta** da frente **abriu** e ele olhou em volta.
 40. **A porta** nunca mais **se abriu** para elas.

Как видно из Таблицы 4, некоторые существительные сочетаются почти исключительно с прономинальной (*mundo, céu, coração*) или с непрономинальной формой глагола (*casa, sinal, empresa*). Предположение о влиянии метафорического или неметафорического значения не подкрепляется фактами: и для тех, и для других существительных семантика «открыться» метафорична (*o mundo se abriu; o céu se abriu; a empresa abriu; o sinal abriu*). В неметафорических значениях (прим. 5–10) даже близкие по семантике существительные (*porta, portão, buraco, janela*) сочетаются преимущественно с прономинальной или непрономинальной формой глагола. При этом 7 из 12 существительных, представленных в Таблице 4, преимущественно выбирают глагол *abrir* в прономинальной форме, что соответствует общей статистике по этому глаголу (ср. Таб. 2).

Приведём примеры употребления прономинальной и непрономинальной форм для глагола *fechar* «закрыть», являющегося во многих контекстах антонимом глагола *abrir*. Глагол *fechar* при общей выборке показал двукратное преобладание непрономинальных употреблений перед прономинальными (ср. Таб. 2), при этом конкретная дистрибуция прономинальных и непрономинальных форм в контекстах с часто встречающимися существительными показывает, что непрономинальные употребления гораздо более частотны.

Таблица 5

Дистрибуция прономинальных и непрономинальных употреблений глагола *fechar* «закрыть» с частотными подлежащими в инхоативных моделях

Подлежащее	Прономинальная (+SE)	Непрономинальная (–SE)
porta	porta SE fechou (75%)	porta Ø fechou (25%)
mercado	mercado SE fechou (16%)	mercado Ø fechou (84%)
casa	casa SE fechou (9%)	casa Ø fechou (91%)
janela	janela SE fechou (7%)	janela Ø fechou (93%)
loja	loja SE fechou (6%)	loja Ø fechou (94%)
empresa	empresa SE fechou 0%	empresa Ø fechou 100%

41. Na troca de pilotos **a porta não fechou**.
 42. Inexplicavelmente **a porta se fechou** e ele ficou preso dentro da câmara.
 43. É claro que **a janela não fechou**, os caras ainda não saíram.
 44. É claro que **essa janela logo se fechou** novamente, mas enquanto estava aberta foi ótimo.

Поскольку *fechar* и *abrir* связаны регулярными антонимическими отношениями, следует ожидать сходного грамматического поведения этих глаголов в сходных лексико-синтаксических контекстах – (не)прономинальное инхоативное употребление глагола с идентичным неодушевлённым подлежащим. Сопоставление Таблиц 4 и 5 показывает, что только два существительных (*porta, empresa*) сочетаются с прономинальной или непрономинальной формой соответствующих глаголов с одинаковой частотностью. Три существительных (*mercado, casa, janela*) обнаруживают различную сочетаемость, причём два из них (*mercado, janela*) отличаются достаточно сильно, в обоих случаях глагол *fechar* охотнее выбирает непрономинальную форму.

Резюмируя данные Таблиц 4 и 5, отметим, что, хотя статистика распределения прономинальных и непрономинальных форм глаголов *abrir, fechar* с частотными подлежащими в целом совпадает с общей статистикой по данным глаголам (примерно двукратное преобладание прономинальных употреблений у *abrir* и такое же для непрономинальных у *fechar* (см. Таб. 2)), конкретное лексическое наполнение может резко противоречить общей тенденции. Это, на наш взгляд, подтверждает точку зрения, высказанную в [7, р. 56], согласно которой при каузативном чередовании грамматическое маркирование зависит от языковой концептуализации события внутри глагольной структуры, то есть фактически от комбинации глагола и типа его внутреннего объекта.

4.2 Глаголы с преобладающей инхоативной моделью

У 11 глаголов преобладает инхоативная модель. Для глаголов данной группы релевантным является лексико-семантический параметр. Таким параметром выступает неодинаковый у разных глаголов характер изменения состояния. При изменении состояния объекта можно выделить изменение состояния трёх типов: 1) по отношению к другим объектам; 2) по отношению к некоторой норме; 3) по отношению к предыдущему состоянию того же объекта. К первому подтипу можно отнести глаголы пространственного соотношения объектов между собой (например, *juntar, colar, desligar, abrir, afundar, espalhar*); ко второму подтипу можно отнести глаголы, чья семантика предполагает соотнесение с нормой/идеалом (например, *estragar, rasgar, recuperar, extinguir, estabilizar*); к третьему подтипу можно отнести глаголы, чьё изменение состояния происходит как бы «внутри» того же объекта и допускает градацию по шкале «больше – меньше», что предполагает, в свою очередь, обратимость таких изменений (например, *aumentar, diminuir, esfriar, esquentar, secar, encolher*). Одним из формальных показателей выделяемости третьего, последнего, подтипа глаголов в отдельную группу можно считать их способность регулярно сочетаться с интенсификаторами типа *muito* («очень»; «много»), *(um) pouco* («немного»; «мало»); *completamente* («полностью») и другими показателями градуативности. Так, для глаголов первого типа (*juntar, colar, abrir, etc.*) процент сочетаемости в инхоативном значении с лексемой *muito* составляет от 0% до 0,06% от общего количества контекстов глагола, для глаголов второго подтипа (*estragar, rasgar, recuperar, etc.*) – от 0% до 0,2%; для глаголов третьего подтипа (*esfriar, diminuir, esquentar, etc.*) – от 0% до 4%, то есть в десятки раз больше. Нетрудно заметить, что глаголы первых двух подтипов относятся преимущественно к глаголам сильной или слабой внешней причины, а глаголы последнего подтипа – преимущественно к глаголам внутренней причины.

Глаголы внутренней причины были распределены по принципу нарастания частотности сочетаемости с интенсификатором *muito*, типа (*A dor diminuiu muito; A população aumentou muito; O amor esfriou muito; O gelo não derreteu muito*). Важно отметить, что интенсификатор *muito* не анализируется в работе и не рассматривается в интересующих нас контекстах, а применяется как инструмент дифференциации глаголов.

Таблица 6

Глаголы внутренней причины по нарастанию частотности сочетаемости с интенсификатором *muito*

	глагол	процент контекстов «глагол+muito» от общего числа контекстов глагола	кол-во –SE	кол-во +SE	ко-во каузативн. употребл. AGENS (одуш.) по отнош. К INSTR (неодуш.)	среднее кол-во случаев без местоимения –SE	среднее кол-во случаев с местоимением +SE
1	diminuir	3,78%	114	1	13/22*	91	20
2	esquentar	2,9%	110	0	23/17		
3	aumentar	2,7%	119	2	10/19*		
4	esfriar	2,6%	124	9	4/13*		
5	encolher	1,3%	96	4	50/0		
6	secar	1,2%	109	5	27/9		
7	derreter	0,8%	93	13	9/35*		
8	estabilizar	0,3%	30	82	19/19*		
9	espalhar	0,06%	6	96	39/4		
10	afundar	0,06%	96	6	24/24*		
11	dobrar	0%	105	3	31/11		

45. Nunca fez frio, mas de ontem pra hoje o **clima esfriou**.

46. Só apareceriam no final da era Cenozóica, quando o **clima se esfriou**.

47. A **neve derreteu** e as chuvas da primavera limpam as últimas marcas do inverno.

48. O **boneco de neve** foi **se derretendo** pouco a pouco. Parece que **se derreteu** por causa de nossas lágrimas.

49. O **número** de brasileiros descendentes de japoneses **aumentou** nos últimos anos.

50. De lá para cá só se **aumentou** e aperfeiçoou o **esquema**.

Как видно из Таблицы 6, по мере убывания частотности контекстов с интенсификатором *muito* снижается, хотя и не линейно, количество непрономинальных употреблений глагола в инхоативной модели. Таким образом, градуативная способность глагола оказывается связанной с его способностью к более регулярному или менее регулярному употреблению в непрономинальной форме. Из первых 6 глаголов, у которых процент контекстов с *muito* больше 1%, только у одного (*encolher*) число непрономинальных употреблений меньше ста; напротив, из 5 последних глаголов с процентом встречаемости *muito* меньше 1% только у одного (*dobrar*) количество непрономинальных употреблений больше ста. У двух глаголов (*espalhar*, *estabilizar*) преобладает прономинальное употребление (+SE), эти глаголы обладают низким градуативным показателем и относятся к первым двум семантическим подтипам: пространственного соотношения (*espalhar*) и соотношения с нормой (*estabilizar*), то есть сближаются в своём грамматическом поведении (выбор между прономинальной и непрономинальной формой) с глаголами внешней причины, для которых характерно более равномерное распределение прономинальных и непрономинальных форм (ср. Таб. 2 и Таб. 3). Нулевой процент встречаемости *muito* показал глагол *dobrar*, что связано с его семантикой: идея удвоения, складывания пополам, то есть идея «двойки», лежащая в основе значения этого глагола, не сочетается с диффузной семантикой слова *muito*.

Ещё одной особенностью глаголов внутренней причины является их достаточно регулярная морфологическая производность от прилагательных. Из всех 30 рассмотренных глаголов с факультативной волитивностью 8 являются производными от прилагательных (*esquentar* и *aquecer* – *quente*; *esfriar* – *frio*; *secar* – *seco*; *estabilizar* – *estável*; *afundar* и *fundir* – *fundo*; *juntar* – *junto*), при этом к глаголам сильной внешней причины принадлежат только один (*juntar*), к глаголам слабой внешней причины – 2 (*fundir*, *aquecer*), остальные 6 принадлежат к глаголам внутренней причины (*esquentar*, *esfriar*, *secar*, *estabilizar*, *afundar*, *dobrar*). Производность от прилагательного указывает на первичность признака как основного параметра состояния, в то время как сугубо глагольная этимология (например, *abrir*, *queimar*, *recuperar*) указывает на первичность воздействия как причины изменения состояния. Очевидно, что признак «принадлежит» состоянию, а действие «принадлежит» деятелю. В этой связи представляется не случайным, что в подгруппе глаголов внутренней причины (Таб. 6) в каузативных контекстах (чьё количество закономерно ниже, чем количество инхоативных) у 6 глаголов (помечены звёздочкой) из 11 одушевлённое подлежащее встречается реже или столько же раз, сколько неодушевлённое. При этом у глаголов каузативной модели таких случаев всего 4 на 19 глаголов. Снижение количества контекстов с одушевлёнными подлежащими (синтактико-семантический параметр) у глаголов с преимущественно инхоативной моделью в целом коррелирует с лексико-семантическим параметром.

В целом можно говорить о тенденции к снижению встречаемости прономинальных форм в инхоативных значениях и, соответственно, о нарастании так называемых лабильных употреблений глагола. Наши результаты подкрепляются данными для более широкого круга глаголов в бразильском варианте португальского языка, в том числе сугубо агентивного типа [8; 20].

5. Заключение

Обобщая грамматическое поведение глаголов с факультативной волитивностью, можно отметить некоторое преобладание каузативных употреблений над инхоативными (см. Таб. 1), что говорит о том, что рассмотренные глаголы предпочитают переходные модели.

Для глаголов с преобладающей каузативной моделью релевантным для частотности инхоативных употреблений является соотношение одушевлённых и неодушевлённых подлежащих: снижение частотности одушевлённых подлежащих ведёт к росту числа инхоативных употреблений; синтактико-семантический параметр ((не)одушевлённость подлежащего) играет ведущую роль, лексико-семантический параметр ((не)деформирующее изменение состояния) – второстепенную роль.

Для глаголов с преобладающей инхоативной моделью релевантными оказываются семантические особенности: по мере снижения градуативных возможностей глагола снижается, хотя и

не линейно, число непрономинальных употреблений; лексико-семантический параметр (способность к градуативности) играет ведущую роль, синтактико-семантический параметр ((не)одушевлённость подлежащего) – второстепенную роль. Таким образом, синтактико-семантический параметр ((не)одушевлённость подлежащего) и лексико-семантический параметр (характер изменения состояния) связаны, но их релевантность зависит от типа модели.

При сопоставлении глаголов каузативной и инхоативной моделей хорошо заметно нарастание процента непрономинальных употреблений глагола в инхоативных (эргативных) значениях: в среднем 60% употреблений без «se» (–SE) у глаголов сильной внешней причины, 72% – у глаголов слабой внешней причины и 82% – у глаголов внутренней причины (см. Таб. 2, 3, 6). Внутри группы глаголов внешней причины прослеживается зависимость между одушевлённостью подлежащего в каузативных моделях и наличием / отсутствием «se» в инхоативных: у глаголов с высоким процентом одушевлённых подлежащих, в частности у глаголов сильной внешней причины, процент случаев отсутствия в инхоативном значении «se» будет существенно ниже, чем у глаголов с низким процентом одушевлённых подлежащих, в частности у глаголов слабой внешней причины (см. Таб. 2, 3).

Обобщая, можно сказать, что каузативные модели чаще коррелируют с прономинальной формой глагола в инхоативном употреблении, а инхоативные модели – с непрономинальной. Относительно низкая частотность прономинальных форм у глаголов в инхоативной модели коррелирует с принципом «соответствия формы и частотности» (form-frequency correspondence), в соответствии с которым менее частотная модель (форма) стремится получить дополнительный грамматический маркер [17, p. 592]. Для глаголов каузативной модели базовой является переходная структура, никогда не маркируемая с помощью «se», поэтому вторичная модель, инхоативная (эргативная), чаще маркируется с помощью «se». Для глаголов инхоативной (эргативной) модели базовой является непереходная структура, поэтому она значительно реже маркируется с помощью «se».

Можно говорить о тенденции в бразильском варианте современного португальского языка к распаду семантико-морфологической оппозиции «не маркированная каузативная модель <=> SE-маркированная инхоативная модель» в пользу лабильного употребления глагола, никак не маркированного в обоих случаях. Это коррелирует с нашим наблюдением над старопортугальским языком, для которого было более характерно употребление прономинальных форм в инхоативном значении [1] и не противоречит обобщению М. Хаспельмата о возможном замещении одного типа каузативно-инхоативного чередования другим типом [17, p. 602-603].

© Гуревич Д.Л., 2021

Список литературы

1. Гуревич Д.Л. Прономинальное и непрономинальное употребление глаголов в старопортугальском и современном португальском языке. // Вопросы иберо-романистики. / Ю.Л. Оболенская, М.С. Снеткова (ред.). Том. 17. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 169–184.
2. Летучий А.Б. Типология лабильных глаголов. // Вопросы языкознания. 2009. №4. С. 41–71.
3. Недалков В.П. Типология каузативных конструкций. / В.П. Недалков, Г.Г. Сильницкий // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. / А. А. Холодович (ред.). Л.: Наука, 1969. С. 5–19.
4. Падучева Е.В. Лексическая аспектальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру. // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 3–20.
5. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУБ 2011. 672 с.
6. Alexiadou A. et al. (eds). The unaccusative puzzle: explorations of the syntax-lexicon interface. / A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, M. Everaert (eds). New York: Oxford University Press, 2004. 372 p.
7. Alexiadou A. External arguments in transitivity alternations. A layering approach. / A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, F. Schäfer. Oxford: Oxford University Press, 2015. 232 p.
8. Amaral L. Alternância de transitividade com verbos agentivos em PB: *a louça já lavou, a casa já vendeu, o caminhão já carregou*. / Amaral L., Cançado. L. Amaral, M. Cançado // Revista de Estudos da Linguagem. Belo Horizonte. 2017. v. 25, n. 4. P. 1871–1904.

9. Azeredo J. C. Gramática Houaiss da língua portuguesa. 3a ed. São Paulo: Publifolha, 2014. 583 p.
10. Bechara E. Moderna gramática portuguesa. 37 ed. rev. e ampl. Rio de Janeiro: Lucerna, 2001 (1961). 672 p.
11. Burzio L. Italian Syntax: A Government-Binding Approach. / Burzio L. Dordrecht: Kluwer, 1986. 468 p.
12. Cançado M. Catálogo de verbos do português brasileiro. Vol. 1 Verbos de mudança. / M. Cançado, L. Godoy, L. Amaral. Belo Horizonte: Ed. UFMG, 2013. 404 p.
13. Cegalla, D. P. Novíssima Gramática da Língua Portuguesa. (45a edição). São Paulo: Companhia Editora Nacional, 2002. 624 p.
14. Cunha C., Cintra L. Nova gramática do português contemporâneo. Rio de Janeiro: Nova Fronteira, 1985. 714 p.
15. Duarte I. Construções ativas, passivas, incoativas e medias // Raposo E. P. et. al. Gramática do português, 2 Vols. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, 2013. 2408 p.
16. Haspelmath M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations. // Causatives and transitivity. / B. Comrie, M. Polinsky (eds). Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing, 1993. P. 87–121.
17. Haspelmath M. Coding causal-noncausal verb alternations: a form-frequency correspondence explanation. / M. Haspelmath, A. Calude, M. Spagnol et al. // Journal of Linguistics. 2014. n. 50 (03). P.587–625.
18. Levin B. Unaccusativity: at the syntax-lexical semantics interface. / B. Levin, M. Rappaport Hovav. Cambridge: MIT Press, 1995. 336 p.
19. Mendikoetxea A. Relaciones de Interficie: los verbos de cambio de estado. // Cuadernos de Lingüística. 2000. n. 7. P. 125–144.
20. Negrão E. V. A estrutura sintática das sentenças absolutas no português brasileiro. / E. V. Negrão, E. Viotti // Lingüística. 2010. vol. 23. P. 37–58.
21. Negrão E. V. A ergativização do português brasileiro: uma conversa continuada com Carlos Franchi. / E. V. Negrão, E. Viotti // Estudos da linguagem. Casamento entre temas e perspectivas. / D. da Hora, E. V. Negrão (eds.). João Pessoa: Ideia Ed. Universitária, 2011. P. 37–61.
22. Tesnière L. Éléments de syntaxe structural. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1959. 673 p.
23. Vivanco M. La conceptualización de los eventos de cambio de estado y la alternancia lábil en español. // ELUA. 2017. n.31. P. 327–347.
24. Wetzels W. L.; Menuzzi S.; Costa J. (Eds.). The Handbook of Portuguese Linguistics. USA: Wiley-Blackwell, 2016. 595 p.

Источники

1. O Corpus do Português – Корпус португальского языка. Электронный ресурс. – URL: <https://www.corpusdoportugues.org>

References

1. Gurevich, D.L. Pronominal'noe i nepronominal'noe upotreblenie glagolov v staroportugal'skom i sovremennom portugal'skom iazyke. [Pronominal and non-pronominal use of verbs in Old and Modern Portuguese] / D.L. Gurevich // *Voprosy ibero-romanistiki*. Tom. 17. [Issues of Ibero-Romance linguistics. Vol. 17] / Obolenskaia Iu.L., Snetkova M.S. (red.). M.: MAKSS Press, 2019. P. 169–184.
2. Letuchii, A.B. Tipologiya labil'nykh glagolov. [Typology of labile verbs] / A.B. Letuchii // *Voprosy iazykoznanii* [Issues of linguistics]. 2009. №4. P. 41–71.
3. Nedialkov, V.P. Tipologiya kauzativnykh konstruksii [Typology of causative constructions] / V.P. Nedialkov, G.G. Sil'nickii // *Tipologiya kauzativnykh konstruksii. Morfologicheskii kauzativ*. [Typology of causative constructions. Morphological causative] / A. A. Holodovich (red.). L.: Nauka, 1969. P. 5–19.
4. Paducheva, E.V. Leksicheskaia aspektual'nost' i klassifikatsiia predikatov po Maslovu-Vendleru. [Lexical aspect and classification of predicates in Maslov's and Vendler's conceptions] / E.V. Paducheva // *Voprosy iazykoznanii*. [Linguistic issues]. 2009. № 6. P. 3–20.
5. Plungian, V.A. *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: grammaticheskie znachenii i grammaticheskie sistemy iazykov mira*. [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of languages of the world] / V. A. Plungian. Moscow: RGGUB, 2011. 672 p.
6. Alexiadou, A. et al. (eds) *The unaccusative puzzle: explorations of the syntax-lexicon interface*. / A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, M. Everaert (eds). New York: Oxford University Press, 2004. 372 p.
7. Alexiadou, A. *External arguments in transitivity alternations. A layering approach*. / A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, F. Schäfer. Oxford: Oxford University Press, 2015. 232 p.
8. Amaral, L. Alternância de transitividade com verbos agentivos em PB: *a louça já lavou, a casa já vendeu, o caminhão já carregou*. [Transitive alternation with agentive verbs in Brazilian Portuguese: *a louça já lavou, a casa já vendeu, o caminhão já carregou*.] / L. Amaral // *Revista de Estudos da Linguagem, Belo Horizonte*. [Journal of language studies, Belo Horizonte]. 2017. v. 25, n. 4. P. 1871–1904.
9. Azeredo, J. C. *Gramática Houaiss da língua portuguesa*. [Houaiss grammar of the Portuguese language.] / J. C. Azeredo. 3rd ed. São Paulo: Publifolha, 2014. 583 p.
10. Bechara, E. *Moderna gramática portuguesa*. [Modern grammar of Portuguese.] / E. Bechara. 37 ed. rev. e ampl. Rio de Janeiro: Lucerna, 2001 (1961). 672 p.
11. Burzio, L. *Italian Syntax: A Government-Binding Approach*. / L. Burzio. Dordrecht: Kluwer, 1986. 468 p.
12. Cançado, M. *Catálogo de verbos do português brasileiro. Vol. 1 Verbos de mudança*. [Catalogue of Brazilian Portuguese verbs. Vol. 1 Verbs of change] / M. Cançado, L. Godoy, L. Amaral. Belo Horizonte: Ed. UFMG, 2013. 404 p.

13. Cegalla, D.P. *Novíssima Gramática da Língua Portuguesa*. [The most modern grammar of the Portuguese language.] / D. P. Cegalla. (45th ed.). São Paulo: Companhia Editora Nacional, 2002. 624 p.
14. Cunha, C. *Nova gramática do português contemporâneo*. [The new grammar of Modern Portuguese.] / C. Cunha, L. Cintra. Rio de Janeiro: Nova Fronteira, 1985. 714 p.
15. Duarte, I. Construções ativas, passivas, inchoativas e medias [Active, passive, inchoative and medial constructions] / I. Duarte // Raposo E. P. et. al. *Gramática do português* [Grammar of Portuguese]. 2 Vols. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, 2013. 2408 p.
16. Haspelmath, M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations. // *Causatives and transitivity*. / B. Comrie, M. Polinsky (eds). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1993. P. 87–121.
17. Haspelmath, M. Coding causal-noncausal verb alternations: a form-frequency correspondence explanation. / M. Haspelmath, A. Calude, M. Spagnol et al. // *Journal of Linguistics*. 2014. n. 50 (03). P.587–625.
18. Levin, B. *Unaccusativity: at the syntax-lexical semantics interface*. / B. Levin, M. Rappaport Hovav. Cambridge: MIT Press, 1995. 336 p.
19. Mendikoetxea, A. Relaciones de Interficie: los verbos de cambio de estado. [Interface relations: change-of-state verbs] / A. Mendikoetxea // *Cuadernos de Lingüística*. [Linguistic Papers]. 2000. N. 7. P. 125–144.
20. Negrão, E. V. A estrutura sintática das sentenças absolutas no português brasileiro. [Syntactic structure of absolute sentences in Brazilian Portuguese] / E. V. Negrão, E. Viotti // *Lingüística*. [Linguistics]. 2010. vol. 23. P. 37–58.
21. Negrão, E. V. A ergativização do português brasileiro: uma conversa continuada com Carlos Franchi. [Ergativization in Brazilian Portuguese: the ongoing discussion with Carlos Franchi] / E. V. Negrão, E. Viotti // *Estudos da linguagem. Casamento entre temas e perspectivas*. [Language studies. Agreement between themes and perspectives]. / D. da Hora, E. V. Negrão (eds.). João Pessoa: Ideia Ed. Universitária, 2011. P. 37–61.
22. Tesnière, L. *Éléments de syntaxe structural*. [Elements of structural syntax.] / L. Tesnière. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1959. 673 p.
23. Vivanco, M. La conceptualización de los eventos de cambio de estado y la alternancia lábil en español. [Conceptualization of change-of-state events and the labile alternation in Spanish] / M. Vivanco // *ELUA*. n.31. S. 327–347.
24. Wetzels, W. L.; Menuzzi S.; Costa J. (Eds.). *The Handbook of Portuguese Linguistics*. USA: Wiley-Blackwell, 2016. 595 p.

Sources

1. O Corpus do Português – URL: <https://www.corpusdoportugues.org>

Сведения об авторе:

Гуревич Дмитрий Львович – кандидат филологических наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра иберо-романского языкознания. Область научных интересов: общее языкознание, романское языкознание, португальский язык Бразилии, испанский язык, семантика, прагматика, социолингвистика, теория языковой нормы, история языка. Email: caipira@yandex.ru

About the author:

Dmitry Gurevich – PhD, Associate Professor at Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Department of Ibero-Romance linguistics. Research interests: general linguistics, Romance linguistics, Brazilian Portuguese, Spanish, semantics, pragmatics, sociolinguistics, theory of language norm, language change. Email: caipira@yandex.ru

* * *

THE MEDIA MYTH CREATION IN THE ANTHROPOCENTRIC DIMENSION (THE ENGLISH SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE STUDIES)

O.V. Kulikova

Moscow State Institute of International Relations (University),
119454, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 76

Abstract. *The paper considers linguistic and discursive features of anthropocentric myth creation in the social and political media. Myth creation in the social and political context is viewed as creation of social and political myths correlating with real and fictional events, public persons or social and political phenomena. The author brings into light the role of the media audience as one of the leading factors ensuring successful creation of the media mythological image appealing predominantly to the emotional sphere in the mass recipient's consciousness. Strange as it might seem, the anthropocentric mythological discourse demonstrates the minimal amount of explicit emotiveness, which creates conditions for independent evaluation of the information by the audience itself. Narrative is considered to be the basic myth creation format. It is represented as a series of stories about the myth creation object. Given the diachronic aspect of myth creation and its chronotope which can span quite a long period of time, it is suggested to speak of the narrative continuum focused on a media person who is in the centre of public attention. It is pointed out that media myth creation takes place on the basis of implications which appear in the process of reception of factual information by the media audience. The interaction of verbal and non-verbal means typical of the media fosters creation of a full-bodied anthroponymic mythological image, which calls for a special study.*

Key Words: *myth creation, myth, anthropocentrism, mass-media, socio-political discourse, narrative, narrative continuum, implications*

МЕДИЙНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

О.В. Куликова

Московский государственный институт международных отношений МИД России (Москва, Россия),
119454 г. Москва, проспект Вернадского, 76

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению лингводискурсивных особенностей антропоцентрического мифотворчества в медийной среде общественно-политического дискурса. Мифотворчество в общественно-политическом контексте понимается как создание общественных или политических мифов, коррелирующих с реальными или вымышленными событиями, действующими лицами или явлениями общественно-политической жизни. Подчеркивается роль медийного адресата как одного из ведущих факторов успешного создания медийного мифообраза, апеллирующего преимущественно к сфере эмоционального в сознании массового реципиента. При этом медийный антропоцентрический дискурс демонстрирует минимум эксплицитной эмотивности, что создаёт условия для независимого формирования оценки аудиторией мифообразующей информации. Отмечается, что в качестве базового формата мифотворчества в медийной среде выступает нарратив, представленный серией историй об объекте мифотворческой деятельности. Учитывая диахронический аспект создания мифообраза и его хронотоп, который может охватывать довольно длительный период, предлагается говорить о нарративном континууме, сконцентрированном на личности медийной персоны, обычно пребывающей в центре общественного внимания, – событиях жизни, происшествиях и поступках, создающих сложный рисунок антропонимического мифа. Характерное для медийной среды взаимодействие вербальных и невербальных средств, обеспечивающее создание полноценного антропонимического мифообраза, должно послужить предметом отдельного исследования.

Ключевые слова: мифотворчество, миф, антропоцентризм, масс-медиа, общественно-политический дискурс, нарратив, нарративный континуум

Введение. Убеждающая коммуникация в СМИ

Общественно-политический процесс, воплощённый в общественно-политическом дискурсе, представляет собой своеобразную форму непрерывной многовекторной коммуникации, участниками которой являются различные политические и общественные институты, представители широкой общественности, масс медиа – от магната-владельца печатных изданий до рядовых сотрудников медиа – журналистов, аналитиков, PR-менеджеров, политтехнологов, политических психологов и прочих, большинство из которых представляют стороны, заинтересованные в оказании воздействия на общественное сознание. Таким образом, медиа, выполняя посредническую функцию в общественно-политическом дискурсе, ориентированы на массовую аудиторию и имеют целью, помимо распространения информации, убеждение, побуждение к действию и пробуждение намерения [4, с. 386]. Воздействие СМИ на человека определяется как «убеждающая коммуникация» [8, с. 81–82], способствующая формированию общественного мнения.

Убедительность, как особый психологический параметр, признаётся «важной характеристикой семантического аспекта в процессе коммуникации» [6, с. 181]. Убедительное сообщение легче воспринимается и лучше запоминается, так как такая информация, по утверждению А. Моля, становится частью сознания индивида, при этом с другой стороны, человеку всегда кажется убедительным то, что он хорошо запомнил. Данный принцип положен в основу пропагандистской деятельности масс медиа и воздействия прессы на массовое сознание.

А. Моля выделяет четыре степени воздействия сообщения на получателя и, соответственно, усвоения им сообщения: приём; пассивное запоминание; рассудочное признание убедительности содержащихся в сообщении доводов; «внедрение» сообщения в сознание получателя, основанное на воздействии на его логику и чувства [там же]. Последнее означает изменение структуры сознания реципиента в соответствии с полученным сообщением. Отмечая, что процессы убеждения не ограничиваются исключительно логическими формами, апеллирующими к рациональному

в сознании массового реципиента, А. Моль подчёркивает, что «толпу убеждают не доводами, а эмоциями» [6, с. 182], при этом убеждение ориентировано на аксиологическую систему, сложившуюся в данном социуме. В масс медиа большинство сообщений направлено на воздействие на чувства получателя информации и ориентируется на его систему ценностей. Человек (потенциальный реципиент) с его мнением, взглядами, желаниями и интересами помещается в фокус профессиональной медийной деятельности, направленной на формирование картины мира индивиду посредством отбора соответствующей информации и её интерпретации.

Настоящее исследование концентрируется на роли *фактора медийного адресата в формировании антропонимического мифа в пространстве СМИ*. В этой связи рассматриваются особенности *антропоцентризма медийного мифотворчества*, а также вопрос, связанный с выбором наиболее оптимального *формата создания мифа в медийной среде*. Исследование проходило в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы с применением основ дискурса-анализа, элементов когнитивного и лингвистического анализа.

1. Антропоцентризм медийного мифотворчества

Согласно Е.С. Кубряковой, антропоцентризм, как один из основных принципов современной лингвистики, проявляется в том, что «человек становится точкой отсчёта в анализе тех или иных явлений, что он вовлечён в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [5, с. 212]. Рассмотрение особенностей процесса мифотворчества в медийном пространстве подтверждает данное положение. Отличительное свойство медийного мифологического дискурса – антропоцентрический дуализм: в дискурсе, ориентированном на *человека* как адресата, одно из главных мест также занимает *человек*, выступающий, как центральный элемент ведущих дискурсивных тактик, в качестве объекта внимания адресата. Прежде всего, это дискурс, ориентированный на *получателя информации* – *коллективного реципиента*, представленного широкой и разнообразной аудиторией, ценностные ориентиры и интересы которой определяют характер и тональность дискурса, а также выбор дискурсивных тактик, способных найти адекватный отклик у адресата.

Антропоцентризм мифологического медийного дискурса обуславливается его прагматикой, состоящей в том, чтобы заставить реципиента поверить в достоверность создаваемого мифообраза и убедить аудиторию принять объект мифотворчества таким, как его представляют источники в масс медиа. Вовлечённость реципиента в мифологический дискурс, позволяющая реализовать прагматический потенциал принципа антропоцентризма, обеспечивается обращением к системе ценностей адресата, служащей для него ориентиром и опорой в формировании собственной точки зрения в отношении объекта мифотворчества. То есть, речь идёт об оценочной интерпретации реципиентом полученной из медийных источников информации, в частности, медийного мифологического текста, являющегося «своего рода посредником между индивидом и реальностью, которую он призван представлять» [2, с. 104]. «Посредническая» роль масс медиа как динамической структуры, связывающей познание и реальность, отмечается и другими исследователями (см., например, [7]).

Представление реальности посредством мифотворчества – хорошо отработанная практика СМИ, использующими техники мифологизации для манипулирования массовым сознанием. Ю.В. Балахонская выделяет два способа создания политического мифа: стихийное возникновение и «целенаправленное распространение мифологических сюжетов для создания определённого настроения в обществе» [1, с. 189]. Именно второй способ является ответственным за превращение мифа в факт общественного сознания.

Мифотворчество создаёт так называемую «вторичную реальность» [3], что подтверждается мнением Е.И. Шейгал, считающей (со ссылкой на А.Н. Савельева), что «политический мир изначально – всегда выдумка, вслед за которой у мифотворца и мифопотребителя может возникать ощущение реальности» (цит. по [10, с. 137]). Исследование связей политического мифа с идеологией, насаждающей определённую систему ценностей, приводит автора к выводу о роли мифа в

порождении «иллюзии реальности с целью интерпретации в желательном [для его создателей] направлении» [там же, с. 138].

Создание мифа в медийной среде, если речь идёт о реальном персонаже, имеет ряд особенностей, главная среди которых – опора на реальные факты, события, истории. Исследователи речевого воздействия в СМИ указывают на зависимость формирования образов сознания индивидов от «регулярно и целенаправленно продуцируемых медиаобразов» [2, с. 104; 9], в большинстве своём репрезентированных в медиадискурсе мифологемами-антропонимами¹ – именами известных личностей – политиков, общественных деятелей, представителей бизнеса, науки, культурной сферы и т.п., хорошо известных широкой общественности и имеющих ценностную значимость для её представителей.

Обращение к известной *личности*, события жизни которой связаны с историей страны, её общественно-политическим развитием, экономическим преуспеванием, научными и культурными достижениями, служит проявлением антропоцентризма в медийном мифологическом дискурсе. Обычно такая личность находится в центре общественного внимания и привлекает интерес публики, стремящейся получить максимум информации, что отвечает намерениям создателей мифообразов, подающих информацию в интерпретации, способствующей формированию задуманного имиджа.

2. Нарративный континуум как медийный формат создания мифообраза

В этой связи возникает вопрос о медийном формате, позволяющем конструировать мифообраз, стимулирующий интерес публики и стремление подражать, отличающийся достоверностью и вызывающий доверие к источнику информации.

Традиционно формат понимается как продуманная медиастратегия в отношении репрезентации определённой темы, своего рода сценарий, по которому происходит развёртывание коммуникативного процесса [7, с. 150]. В целом принимая предложенное значение термина «формат» как «формы построения и подачи информации» [7, с. 151], в своей работе мы используем его для обозначения дискурсивной структуры, подразумевающей интеграцию различных медийных жанров, в результате чего создаётся объёмный мифообраз, воплощающий моральные качества и базовые ценности, способные вызвать положительный отклик медийной аудитории. В масс-медийном общественно-политическом дискурсе к структурам подобного рода принадлежит нарратив, точнее, нарративный континуум, строящийся на тематической связи между произведениями разных жанров, составляющих повествование о персонаже, что соответствует его статусу как формата медиапамяти. Нарратив отражает антропоцентрические установки медийного мифодискурса: как считают исследователи-нарратологи, нарратив сконцентрирован на человеке и его действиях, а происходящие с ним события являются значимыми прежде всего для его внутреннего мира – его убеждений, желаний, ценностей, идей и т.д. [12, с. 46]. Аналогичной точки зрения придерживается В. Шмид, утверждающий, что «любой внешний или внутренний поступок связан с определённым внутренним движением, сознательным или бессознательным» [11 URL]. Нарратив как конвенциональная форма изложения органично воспринимается реципиентом, так как сознание человека организует воспоминания о прошедших событиях преимущественно в форме нарратива – последовательности прошлых историй, объяснений, оправданий своих или чьих-то поступков и т.д. Цель нарратива – не точность передачи произошедшего, но правдоподобность, что особенно важно при создании общественно-политического мифа. Таким образом, нарратив – это одна из возможных версий реальности, создаваемая на основе предъявляемых к нему конвенциональных требований, однако не верифицируемая и не поддающаяся строгим логическим процедурам. По замечанию Дж. Брунера, критерием «правдивости» нарратива выступает не его верифицируемость, а его правдоподобность [12, с. 51].

¹ подробнее о мифологемах-антропонимах см. [10].

Нарратив мифологического дискурса в медийной среде формируется по модели дискурса, предложенной Чейфом (The Flow Model of Discourse), согласно которой развёртывание дискурса происходит как движение от фокуса к фокусу, от мысли к мысли. Границы эпизодов в нарративном дискурсе обозначаются сменой места или времени действия, изменениями в событийной структуре, в расстановке действующих лиц и т.п. [13]. В. Лабов выделяет два компонента нарративной структуры, подлежащие рассмотрению с позиций лингвистики – что произошло и почему об этом стоит рассказывать [14]. События, представленные в эпизодах нарратива, составляющих элементы его структуры, должны быть релевантными для всего нарративного континуума, что особенно верно в случае создания медийного мифа.

3. Ключевые характеристики нарративного континуума как формата медийного мифотворчества: *storytelling*, диахроничность, эффект медийного присутствия

Минимальной повествовательной единицей в нарративном континууме является история. В процессе медийного мифотворчества особое значение приобретает когнитивно-психологический аспект *storytelling*, включающий активизацию внимания реципиента, запоминание им предъявляемой информации, возможность пересказать историю другому человеку, сравнить полученную информацию с собственным опытом. Участвуя в процессе *storytelling*, человек постигает суть коммуникации.

Применительно к общественно-политической коммуникации *storytelling* рассматривается нами как часть коммуникативного процесса, протекающего в рамках медийного мифологического дискурса.

Технология *storytelling* обеспечивает возможность интерпретации реципиентом получаемой информации, для чего её отправитель должен спрогнозировать вероятную реакцию адресата и использовать адекватные языковые средства для вербального оформления создаваемого мифа. Прогнозирование реакции медийной аудитории происходит на основе понимания отправителя информации того, что представляют собой фоновые знания коллективного реципиента.

Нарратив мифологического медийного дискурса строится вокруг так называемой «медийной личности», всегда находящейся на виду и играющей важную роль в общественно-политической жизни социума. Безусловно, к таким медийным персонам относится королева Великобритании Елизавета II, на протяжении долгих лет поддерживающая миф о британской монархии.

В исследовании особенностей политической мифологии М.В. Балахонская ссылается на воззрения Э. Дюркгейма, рассматривавшего мифы как полезные аллегории, роль которых заключается в «создании механизма адаптации к меняющемуся обществу» [1, с. 193]. Миф о британской монархии – своего рода возможность адаптироваться к меняющемуся миру через идею сохранения стабильности, незыблемости устоев и ценностей. Британская монархия как существующая форма правления, как реальное явление современной общественно-политической жизни страны сама по себе не является объектом создаваемых мифов, однако представление о британской монархии как о наиболее приемлемом для британцев государственном устройстве поддерживается благодаря созданию стойкого мифообраза центральной фигуры, обладающей верховной властью, – королевы Великобритании.

Исследователи-нарратологи обращают внимание на такую характеристику нарратива, как его диахроничность: нарратив (применительно к мифотворческому процессу – нарративный континуум) – это повествование о событиях, происходивших на протяжении некоторого отрезка времени. Лексические единицы, репрезентирующие такие события (или серии событий), но не несущие в своей семантике смыслов темпоральности (например, «трагедия» или «фарс»), по сути подразумевают определённую модель, в соответствии с которой событийная цепочка развёртывается во времени [11, р. 46].

Диахрония мифообраза Елизаветы II, то есть своеобразный непрерывный нарратив о королеве на протяжении длительного времени, начиная с детских лет и до наших дней, позволяет создать у аудитории ощущение неразрывности связи времен, устойчивости монархии,

стабильности жизненного уклада британцев и неизменности их национально-культурных ценностей.

Следующий материал со страницы электронной версии газеты *Independent*, посвящённой королеве Елизавете II, представляет собой квинтэссенцию нарративного континуума, в котором заложена идея незыблемости британских традиций и ценностей сквозь призму отношения к ним одного персонажа – королевы Елизаветы II – на протяжении периода с мая 1945 года до сегодняшнего дня. Речь идёт о праздновании Дня победы (окончания войны в Европе) и об отношении к этому событию королевы Великобритании – в юности и сегодня. Поэтому не случайно материалу предпосланы два заголовка:

The Queen: How Princess Elizabeth celebrated VE Day unnoticed among the crowds on the streets of London

The Queen is to make a special televised address to mark 75th anniversary of VE Day

Sunday 14 June 2020 07:20

On 8 May 1945, the world rejoiced as the Second World War came to an end after six years of fighting, hardship and loss.

People took to the streets to celebrate VE Day, otherwise known as Victory in Europe Day, commemorating the day on which the allied forces announced the surrender of Nazi Germany.

In London, thousands of revellers flooded Trafalgar Square and the Mall leading up to Buckingham Palace where the King and Queen greeted them from the balcony.

Unbeknownst to the majority of the public, 19-year-old Princess Elizabeth and 14-year-old Princess Margaret were hidden in plain sight among the crowds, letting their hair down as they joined in with the jubilant festivities.

This year, Friday 8 May will mark the 75th anniversary of VE Day.

Queen Elizabeth II, who recently celebrated her 94th birthday, will make a special televised address to the nation, which will be broadcast on BBC One, aired on the radio and the royal family's official social media channels.

The address will be aired at 9pm, the same time the Queen's father, King George VI, announced victory in Europe on the radio in 1945 following “nearly six years of suffering and peril”.

How did Princess Elizabeth and Princess Margaret celebrate VE Day in 1945?

On VE Day 75 years ago, Princess Elizabeth and Princess Margaret appeared on the Buckingham Palace balcony on six occasions throughout the day alongside their parents King George VI and Queen Elizabeth.

However, the teenagers wished to also celebrate outside the Palace gates, which they did after the younger of the two proposed the idea.

After dinner, the princesses left the Palace to partake in the celebrations, with the permission of the King and Queen.

They were joined by a group of Guards officers who were friends with the young royals.

While the monarch may have felt worried about his daughters becoming immersed in the crowds, in a diary entry written on the day he expressed care for their limited social lives, stating: “Poor darlings, they have never had any fun yet.”

The princesses made the most of their freedom, doing the hokey cokey, the “Lambeth Walk” and the conga with members of the public² (*The Queen*).

<...> Princess Elizabeth wore her Auxiliary Transport Service uniform on VE Day, joined the armed forces in February that year.

The monarch told the BBC in 1985 that she tried to avoid being spotted on the streets of the capital, stating: “I pulled my uniform cap well down over my eyes”.

² Sabrina Barr. *The Queen: How Princess Elizabeth celebrated the VE Day unnoticed among the crowds on the streets of London*. Цит. по <https://www.independent.co.uk/life-style/royal-family/queen-elizabeth-ve-day-75-princess-margaret-celebrate-london-crowds-king-a9490676.html> (дата публикации 14.06.2020; дата обращения: 15.08.2020). (Здесь и далее – *The Queen*).

I remember lines of unknown people linking arms and walking down Whitehall, and all of us were swept along by tides of happiness and relief,” the Queen said (*The Queen*).

Данный фрагмент нарратива наполнен множеством деталей, позволяющих «приблизить» описываемое событие и создающих запоминающийся образ в сознании реципиента (*Unbeknownst to the majority of the public, 19-year-old Princess Elizabeth and 14-year-old Princess Margaret were hidden in plain sight among the crowds, letting their hair down as they joined in with the jubilant festivities; Princess Elizabeth and Princess Margaret appeared on the Buckingham Palace balcony on six occasions throughout the day alongside their parents King George VI and Queen Elizabeth; After dinner, the princesses left the Palace to partake in the celebrations, with the permission of the King and Queen (The Queen)* и т.д.).

Эффект «наведения фокуса» на событие и его участников дополняется чередованием временных планов – рассказ о праздновании Дня победы в 1945 году перебивается сообщением о предстоящей речи королевы по случаю юбилейной даты, что возвращает читателя в настоящее время, и завершается цитатой из воспоминаний Елизаветы II о том памятном дне 1945 года, коррелирующей с началом повествования. Использование в нарративе прямой речи участника события (см. заключительные абзацы текста) усиливает впечатление достоверности создаваемого мифообраза и вызывает расположение аудитории к прототипу.

Многолетнее медийное присутствие королевы означает появление у публики привычки постоянно получать информацию о человеке, который постепенно становится «хорошим знакомым», что отвечает намерениям создателей мифа: быть преданным реальному человеку гораздо проще, чем испытывать лояльность к абстрактной форме правления – монархии.

Та же страница *Independent* переполнена сообщениями о подробностях жизни королевы, её привычках, окружении, о недавних событиях с её участием, что создаёт в сознании реципиента иллюзию давнего хорошего знакомства с этой персоной:

Queen thanks “those who fought so valiantly” during Second World War (в продолжение темы празднования окончания войны в Европе);

Queen likely to wear mask when she attends church during Balmoral stay;

Captain Tom Moore to be knighted by the Queen at Windsor on Friday;

Queen rides pony in first public appearance since lockdown.

Мифообраз королевы выстраивается с опорой на систему базовых общечеловеческих ценностей, которыми дорожат и британцы: семья, дом, толерантность, безопасность человеческого существования. Так в медийной среде создаётся притягательный образ королевы, в жизни которой приоритетное место отводится семье, детям, заботе о британцах как о собственной семье. Разумеется, подобный образ выстраивается на протяжении достаточно длительного времени в рамках нарративного континуума. В рождественских речах королевы, к которым современные медиа обеспечивают широкий доступ, отражается большинство идей, коррелирующих с ценностными ориентирами британцев, как, например, в следующих фрагментах одного из рождественских выступлений:

After two tragic events in the UK

In 2017, the year that saw the terror attack in Manchester and Grenfell fire, the Queen reflected on the idea of home in her Christmas Day speech, saying:

- “We think of our homes³ as places of warmth, familiarity and love; of shared stories and memories, which is perhaps why at this time of year so many return to where they grew up. There is a timeless simplicity to the pull of home.

- “For many, the idea of “home” reaches beyond a physical building – to a home town or city...

- “We expect our homes to be a place of safety – ‘sanctuary’ even – which makes it all the more shocking when the comfort they provide is shattered.”⁴ (*Queen Elizabeth II Quotes*)

³ Здесь и далее подчеркнуто мной – О.К.

⁴ Qin Xie. *Queen Elizabeth II Quotes: 11 of the Monarch's Best Speeches*. Цит. по <https://www.independent.co.uk/life-style/royal-family/queen-elizabeth-ii-quotes-birthday-speeches-best-moments-a9467021.html>. (дата публикации: 21.04.2020; дата обращения: 20.08.2020). (Здесь и далее - *Queen Elizabeth II Quotes*).

Как было отмечено, нарратив требует правдоподобности, что делает его форматом, чрезвычайно подходящим и даже необходимым для мифотворчества, которое также основано не на правде, но на правдоподобию. Нарративный континуум, несущий информацию о трудностях, с которыми приходится сталкиваться королевской персоне, о критике монархов, о неурядицах в королевской семье, обеспечивает искомую правдоподобность – у монархов тоже есть проблемы, как и у простых людей. Примечательно, что в следующем примере автор прибегает к использованию эмотивной лексики, что призвано усилить впечатление от приведённых фактов и оказать эмоциональное воздействие на аудиторию (*to ravage the nation; to weather storms; sudden and tragic death; stoic; wry sense of humour*). Воздействующий эффект усиливается благодаря стилистическому приёму градации – перечисление трудностей и горестей королевской жизни даётся по нарастающей: от менее к более серьёзным, от случившихся давно к недавним:

While she has no involvement in politics, the Queen has worked with 14 different Prime Ministers, including Boris Johnson. Former colonies including Ghana and Jamaica have gained independence during her reign, the UK has joined and left the EU, and now the coronavirus pandemic that's ravaging the nation.

In her own family, she has weathered storms too, including the high profile divorce of Prince Charles and Diana, Princess of Wales; the sudden and tragic death of the «People's Princess»; and most recently, Megxit.

Through this, the Queen has remained stoic, often showing her wry sense of humour, seen through her many public addresses and engagements. (Queen Elizabeth II Quotes)

4. Жанровое разнообразие медийного мифотворческого дискурса. «Цитата года»

Идея стойкости и нестигаемости характера правящей королевы – одна из осевых в её медийном мифообразе – отражается в выборе редакцией «цитаты года», взятой из одной из её рождественских речей и отражающих философское отношение королевы к неприятностям, произошедшим в доме Виндзоров:

The Royals' worst year

On 24 November 1992, the Queen marked her “*annus horribilis*” – during which the royal family was marked with scandals from divorce and affairs, to a devastating fire at Windsor Castle – in a speech at Guildhall to mark the 40th anniversary of her Accession. Her majesty reflected:

“I sometimes wonder how future generations will judge the events of this tumultuous year. I dare say that history will take a slightly more moderate view than that of some contemporary commentators. Distance is well-known to lend enchantment, even to the less attractive views. After all, it has the inestimable advantage of hindsight.

«But it can also lend an extra dimension to judgement, giving it a leavening of moderation and compassion – even of wisdom – that is sometimes lacking in the reactions of those whose task it is in life to offer instant opinions on all things great and small.” (Queen Elizabeth II Quotes)

В современных медиа, наряду с новостными сообщениями, упоминаниями в статьях и интервью, полнотекстовыми публикациями речей королевы, встречаются целые подборки цитат из выступлений Елизаветы II, которые поддерживают образ монарха, отличающегося заботой о нации, верой в лучшее, стойкостью и бесстрашием (*The Queen's most memorable quotes*):

Amid the coronavirus pandemic

In a special address to the UK and the Commonwealth amid the coronavirus pandemic on 5 April 2020, the Queen said:

“While we have faced challenges before, this one is different. This time we join with all nations across the globe in a common endeavour, using the great advances of science and our instinctive compassion to heal. We will succeed – and that success will belong to every one of us.

“We should take comfort that while we may have more still to endure, better days will return: we will be with our friends again; we will be with our families again; we will meet again.” (*Queen Elizabeth II Quotes*)

Текст приведённого отрывка сфокусирован на будущем и отражает оптимистический взгляд Елизаветы II на перспективы развития ситуации: *we will succeed; that success will belong to every one of us; better days will return; we will be with our friends again; we will meet again* (*Queen Elizabeth II Quotes*).

5. Об эмотивной составляющей медийного мифологического дискурса

Рассмотрение приведённых выше примеров свидетельствует о том, что формирование мифообраза в соответствии с замыслом его разработчиков происходит преимущественно за счёт фактологической информации. Аудитории предоставляется право самостоятельно оценить действия, поступки и высказывания медийного лица, составляющие мифологический нарратив. Другими словами, речь идёт, в основном, об эксплицитной безоценочности мифологического дискурса, что продиктовано фактором адресата – обращением к его системе ценностей, его оценке представленных в медиа действий, поступков, реакций медийной персоны, то есть фактов без эксплицитной эмотивности.

Вместе с тем, эмоциональный посыл, присутствующий в мифологическом нарративе, играет существенную роль, заключающуюся в том, чтобы добавить создаваемому образу человечности, простоты, что делает образ узнаваемым, похожим на многих, а значит, и его прототип станет понятным и заслуживающим доверия.

Степень эмотивности мифологического нарратива зависит в первую очередь от жанра, тексты которого участвуют в создании мифообраза. Приведённые выше фрагменты нарративного континуума, служащего созданию мифообраза известной медийной персоны, демонстрируют отсутствие эмотивно-оценочного компонента в текстах / заголовках новостных сообщений, имеющих дело с констатацией фактов, в то время как текстам авторских колонок, комментариев, а также обращённых к широкой общественности выступлений самого персонажа, в значительной степени присущи эмотивность и оценочность.

Заключение

Рассмотрение особенностей мифотворчества в медийной среде показало, что архитектура медийного мифообраза строится с учётом фактора медийного адресата – его интересов, ценностных ориентиров и моральных устоев, которые учитываются создателями медиа бренда. Ставя в центр повествования медийную персону, разработчики мифа отталкиваются прежде всего от медийных предпочтений аудитории, проявляющей весь спектр эмоциональных состояний – от простого любопытства до восхищения и стремления подражать своему герою. Главная коммуникативная целеустановка создателей мифа-антропонима в медийном пространстве – транслировать информацию, раскрывающую и поддерживающую созданный мифообраз в сознании реципиента. Основным форматом создания мифа в медийном дискурсе является нарратив. Учитывая, что хронотоп мифа может охватывать разные пространства и временные периоды, мы считаем целесообразным говорить о нарративном континууме, представленном рядом историй – повествований о жизни и деятельности медийной персоны. Диахронический аспект мифообраза позволяет создать ощущение стабильности и устойчивости. Исследование мифообраза Елизаветы II в качестве примера подтверждает, что одним из способов медийного мифотворчества является создание эффекта постоянного «присутствия» прототипа мифообраза в информационном пространстве. Так достигается узнаваемость образа и ощущение его приближённости к обычным людям, что заставляет их относиться к королеве как к очень близкому и знакомому человеку и формирует, таким образом, коллективную лояльность. Ориентир на систему ценностей ауди-

тории диктует выбор определённых личностных качеств королевы, которые подчёркиваются в СМИ. Создание антропонимического мифообраза требует минимум эмотивности в дискурсе и характеризуется эксплицитной безоценочностью, что зависит от медийного жанра, реализующего нарративный континуум, и определяется, в первую очередь, фактором адресата, предполагая обращение к его системе ценностей, на основе которой адресат производит оценку действий, поступков, событий, то есть, предъявленных ему фактов.

Современное масс-медийное пространство хранит как вербальные, так и невербальные свидетельства создания антропонимического медиамифа, что создаёт синергетический эффект, подлежащий отдельному изучению.

© Куликова О.В., 2021

Список литературы

1. Балахонская Ю.В. Отличительные особенности политической мифологии // Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2015 (3 / 67). С. 189 – 194.
2. Балясникова О.В. Исследование речевого воздействия в СМИ // Язык средств массовой информации: Сб.обзоров / РАН.ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд.языкознания: Отв.ред. Трошина Н.Н. М., 2007. С. 99 – 112.
3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
4. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект, 2008. С. 374–393.
5. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М., 1995. С. 144–238.
6. Моль А. Социоллингвистика культуры. М.: КомКнига, 2005. 416 с.
7. Пастухов А.Г. Медиажанры и медиаформаты: к разграничению понятий // Учёные записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015(5 / 68). С. 148 – 153.
8. Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов / Петрунин Ю.Ю. и др. Под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект Пресс. 2004. 332 с.
9. Христова Н.А. Деструкция конвенционального стереотипа «власть»: (На материале медиатекстов) // Языковое сознание и культура. М., 2005. С. 155 – 163.
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
11. Шмид В. Перспективы и границы когнитивной нарратологии (По поводу работ Алана Пальмера о «fictional mind» и «social mind») // Электронный журнал «Нарраториум». 2014, 2014 №1 (7). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2633109>
12. Bruner 2003. The Narrative Construction of Reality.
13. Chafe W.L. The flow of thought and the flow of language // Syntax and Semantics: Discourse and Syntax / Ed. by Talmy Givon. Vol. 12, Academic Press, 1979. P. 159 – 182.
14. Labov, W. Speech actions and reactions in personal narrative. Georgetown University roundtable on languages and linguistics, 1981. P. 219–247.

References

1. Balahonskaya, Yu.V. Otlíčitel'nye osobennosti politicheskoi mifologii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii. 2015 (3 / 67). S. 189 – 194.
2. Balyasnikova, O.V. Issledovanie rechevogo vozdeistviia v SMI // Iazyk sredstv massovoi informatsii: Sb.obzorov / RAN.INION. Tsentr humanit. nauch.-inform. issled. Otd.iazykoznanii: Otv.red. Troshina N.N. M., 2007. S. 99 – 112.
3. Vodak, R. Iazyk. Diskurs. Politika / Per. s angl. i nem. Volgograd: Peremena, 1997. 139 s.
4. Dem'yanov, V.Z. Interpretatsiia politicheskogo diskursa v SMI // Iazyk sredstv massovoi informatsii: Uchebnoe posobie dlia vuzov / Pod red. M. N. Volodinoi. M.: Akademicheskii proekt, 2008. S.374–393.
5. Kubryakova, E.S. Evoliutsiia lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) // Iazyk i nauka kontsa XX veka: sb. statei. M. 1995. S. 144–238.
6. Mol', A. Sotsiolingvistika kul'tury. M.: KomKniga, 2005. 416 s.
7. Pastuhov, A.G. Mediazhanry i mediaformaty: k razgranicheniiu poniatii // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2015(5 / 68). S. 148 – 153.
8. Politicheskie kommunikatsii: Ucheb. posobie dlia studentov vuzov / Petrunin Yu.Yu. i dr. Pod red. A.I. Solov'eva. M.: Aspekt Press. 2004.332 s.
9. Hristova, N.A. Destruktsiia konventsional'nogo stereotipa «vlast'»: (Na materiale mediatekstov) // Iazykovoe soznanie i kul'tura. M., 2005. S. 155 – 163.
10. Sheigal, E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.: ITDGGK «Gnozis», 2004. 326 s.

11. Shmid, V. Perspektivy i granitsy kognitivnoi narratologii (Po povodu rabot Alana Pal'mera o «fictional mind» i «social mind») // *Elektronny zhurnal «Narratorium»*. 2014, 2014 №1 (7), narratorium.rggu.ru/article.html?id=2633109
12. Bruner 2003. *The Narrative Construction of Reality*.
13. Chafe, W.L. The flow of thought and the flow of language // *Syntax and Semantics: Discourse and Syntax* / Ed. by Talmy Givon. Vol. 12, Academic Press, 1979. P. 159 – 182.
14. Labov, W. Speech actions and reactions in personal narrative. Georgetown University roundtable on languages and linguistics, 1981. P. 219–247.

Сведения об авторе:

Куликова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка №1 МГИМО МИД России, научная специализация: 10.02.04 «Германские языки».

E-mail: ok517@yandex.ru

About the author:

Kulikova Olga Viktorovna – Doctor of Philology, Professor, English Language Department №1 Moscow State Institute of International Relations (University). E-mail: ok517@yandex.ru

* * *

PRAGMATIC MARKER *I PRAY* IN MIDDLE ENGLISH WRITTEN MONUMENTS

Natalia Yu. Merkuryeva

Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University,
28, Sretenka st., Moscow, 107045, Russia

Abstract. *The article deals with the variations of predicative pragmatic marker I pray yow / thee. The linguistic material is taken from the texts that were written in XIV-XV centuries by English authors and created in different genres (plays, ballades, visions, confessions, etc.) containing elements of dialogic speech. It has been found that the marker was not a stiff structure during the period under consideration. The variations of the expression were formed as the result of miscellaneous processes that can be seen in its following features: non-fixed composition of the marker, that can be enlarged (by an adverb here I the pray, a modal verb I wold the pray) and can be reduced (by elision of a object pronoun I preye), non-permanent word order depending on the requirement of a rhyme and preferences of the writer (I þe praye, y pray þe, preye I thee), the representation of the expression in the sentence as both parenthetical clause and main one (followed by a that-subordinate clause). The peculiarities of the location of the marker in the sentence are discussed. If I pray yow/thee is the only one pragmatic marker in the sentence, it is placed at the beginning or at the end of it. The placement of the parenthetical expression inside the receiving sentence is characteristic of the individual style of the author and is not common. If the expression is combined with other markers, predicative and non predicative, there are two variants of their localization in the sentence: «pointwise», when several markers are concentrated at the beginning or at the end of the construction, and «framework», when phatic parts are located in ante- and postposition of the markers receiving sentence.*

Key Words: *pragmatic markers, discourse markers, historical syntax, predicative markers, authorial style*

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МАРКЕР *I PRAY* В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ

Н.Ю. Меркурьева

Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова,
107045, Россия, Москва, ул. Сретенка, 28

Аннотация. В статье рассматриваются разновидности предикативного прагматического маркера *I pray you / thee*. В качестве источника лингвистического материала использованы произведения английских авторов, созданные в XIV-XV вв. и содержащие элементы диалогической речи (пьесы, баллады, видения, исповеди и др.). Выявлено, что на изучаемом этапе оборот не является застывшей структурой. Разновидности оборота формируются как результат разнообразных процессов – расширения (за счёт наречия *here I the pray*, модального глагола *I wold the pray*) и сужения (при редукции местоимения-дополнения *I preye*), изменения порядка слов под влиянием требований рифмы или предпочтений автора (*I þe praye, у pray þe, preye I thee*), оформления оборота в предложении (в качестве вводной клауземы или главной, принимающей *that*-придаточную). Обсуждаются особенности расположения оборота в предложении. Если *I pray you / thee* является единственным прагматическим маркером, он размещается в начале или финале конструкции; вклинивание в принимающее предложение не типично и характеризует индивидуальный стиль автора. При сочетании оборота с другими прагматическими маркерами, предикативными и не-предикативными, наблюдаются два варианта их размещения в предложении: «точно», с концентрацией нескольких маркеров в начале или финале конструкции, и «рамочно», с размещением фатических составляющих в пре- и постпозиции от принимающего маркера предложения.

Ключевые слова: прагматические маркеры, дискурсивные маркеры, маркеры предикативного типа, исторический синтаксис, авторский стиль

Введение

Как известно, прагматические маркеры (дискурсивные маркеры, дискурсивные слова, прагматемы, прагматические операторы, дискурсивные частицы) – широкий класс языковых единиц, представленный словами, фразами, звуками, не имеющими реального лексического значения и привлекаемые говорящим для формирования разговорной структуры. К прагматическим маркерам относят междометия (*oh, well,*), модально-предикативные сочетания (*as I say, you know, I mean, I think*), фразы (*to begin with, of course, by the way*), наречия (*right, particularly, so, then*), восклицания (*yes, okay*), союзы (*and, or, because*) и др. Разнообразие и функционирование прагматических структур в речи разных стилей разных языков на современном этапе их развития тщательно изучается [13; 14; 15; 18].

Прагматическим маркерам присуща полифункциональность, что признаётся всеми исследователями. Маркеры организуют текст, выполняя структурную и смысловую функции. С их помощью реализуются межличностные отношения и уточняется их характер, может быть снижена, а в ряде случаев и усилена, конфликтогенность. Прагматические маркеры употребляются для уточнения полученной информации и расширения её объёма, эмоционального усиления высказывания, создания определённой тональности. Они придают тексту динамику, модифицируя его в коммуникативное событие [11, с. 169]. Особенно широко маркеры употребляются в устном дискурсе. Свободно встраиваясь в спонтанную устную речь, они проговариваются машинально, без предварительного обдумывания, на уровне речевого автоматизма. Обращение к прагматическим маркерам особо частотно в целях заполнения паузы гезитации, возникающей при поиске последующего слова в речевой цепи или осмыслении говорящим структуры собственной речи [5, с. 388]. Привлечение разных дискурсивных маркеров обеспечивает нормальное функционирование коммуникативного взаимодействия, маркеры являются теми необходимыми средствами, которые обеспечивают речевую коммуникацию [4, с. 120]. Обладая свойством полифункциональности, маркеры объединяются общим назначением – служат связующим элементом между говорящим, слушающим, местом и временем, обеспечивают связность текста, организуют последовательность высказываний, показывают отношения между сегментами дискурса [17, р. 332].

Основное внимание исследователей уделяется прагматическим маркерам в языке и речи современного этапа. Функционированию прагматических маркеров на протяжении других исторических периодов уделяется гораздо меньшее внимание.

В настоящей работе обратимся к периоду XIV-XV вв. – чрезвычайно значимой эпохе в истории английского языка. Считается, что именно в этот период особенно интенсивно происходило формирование национального литературного языка, который возвысился над местными диалектами, становясь способом общения всей нации [10, с. 140]. Наиболее яркими событиями богат XIV век: в 1349 году было предложено вести преподавание латинского языка не на французском, а на английском языке, в 1362 году король обратился к парламенту на английском языке, и с тех пор тронную речь произносили на этом языке. В том же 1362 году парламент выпустил решение о рассмотрении судебных дел на английском языке, а с 1363 года вместо французского языка в парламентских прениях стал использоваться английский. Столетием позже, начиная примерно с 1477 года английский стал языком школьного преподавания [2, с. 26; 16, р. 417-418].

Жанры, к которым обращаются авторы XIV-XV вв., разнообразны – рыцарские поэмы и баллады, аллегорические поэмы и трактаты, проповеди и поэмы-видения. Большинство произведений представляет собой «синтетические жанровые образования», то есть имеет неоднородную жанровую структуру, при этом жанры видения, паломничества, исповеди и дебата (словопрения) являются господствующими [8, с. 12]. Так, например, в «Кентерберийских рассказах» Чосера выделяются рыцарский роман, благочестивая христианская легенда, новелла, проповедь, животный эпос, трактат и другие, рассказчики разыгрывают интермедии, которые напоминают жанровые ситуации словопрения и моралите [там же, с. 13-14]. Считается, что на начальных этапах литературному языку была чужда функция обиходно-бытового общения, сам характер текстов был далек от разговорного языка [12, с. 192]. Однако, если авторы, создавая образы действующих лиц, прибегали к употреблению прямой речи, они включали в реплики своих персонажей определённые элементы живой разговорной речи в целях придания описываемым ситуациям правдоподобия и сходства с реальными событиями. Можно предположить, что такими элементами были прежде всего прагматические маркеры.

При проведении исследования предстояло найти и проанализировать тексты, содержащие фрагменты диалогической речи, и рассмотреть наиболее часто встречающиеся прагматические маркеры, использовавшиеся авторами, а, значит, с большой степенью вероятности находившиеся в речевом обиходе создателя текста и его современников. Одним из таких маркеров оказался оборот, образованный глаголом *pray*.

Глагол *preien*, имеющий значения как светское *ask earnestly, beg (someone)*, так и религиозное *pray to a god or saint*, впервые отмечен в текстах начала XIII века. Он произошёл от старофранцузского *preier*, означающего *to pray*, в старофранцузский же слово *preier* пришло из латыни в виде слов *precari* (в вульгарной латыни – форма *precare*) со значениями *ask earnestly, beg, entreat* и *prex* (с формами множественного числа *preces*, родительного падежа *precis*), со значением *prayer, request, entreaty*. В составе вводного предложения глагол *pray* появился позже и впервые, в форме *I pray thee*, засвидетельствован в текстах конца XIV века [9]. Именно этим обусловлен выбор временных рамок исследования. Оборот считается синонимом для прагматических маркеров *please* и *if you will*, придающим всей фразе оттенок почтительности, что нашло отражение в его русских эквивалентах – “пожалуйста”, “прошу вас!” [7, с. 577], “ну, пожалуйста”, “ради бога”, “скажите на милость”, “очень прошу” [3, с. 199]. Рассмотрим некоторые структурные и стилистические особенности, которые были свойственны сочетанию *I pray thee* на начальном этапе функционирования, в XIV-XV веках.

Материалы и методы

Источником лингвистического материала послужили произведения английских авторов, написанные в XIV – XV вв. Особый интерес в плане поисков элементов разговорной речи представляли мистерии – средневековые пьесы, основанные на религиозных сюжетах: “Мистические

пьесы Таунли”/ “The Towneley Plays”, написанные в первой половине XIV века на северном диалекте; “Йоркские мистерии” /“York Plays”, написанные в первой половине XV века (сохранившийся манускрипт датируется 1463-1477 гг.), также представляющие северный диалект [1, с. 136]; “N-Town Plays”, написанные во второй половине XV века на восточно-центральной диалекте. Необходимый для исследования материал был найден в тексте “Кентерберийских рассказов” Джеффри Чосера, созданных в период 1387-1400 гг. и представляющих Лондонский диалект, а также в ряде других произведений XIVв. – в поэме “Сэр Гавейн и зелёный рыцарь” /“Sir Gawain and the Green Knight” на западно-центральной диалекте, в одной из версий легенды о Гае из Уорика, принадлежащей перу неизвестного автора; поэме Джона Гауэра “Исповедь влюбленного” /“Confessio Amantis”, датируемой 1386-1390 гг. Для исследования применялись методы проведения сплошной выборки изучаемого материала, лингвистического исследования языковых фактов, лингвистического описания, сравнительно-сопоставительного анализа.

Результаты и обсуждение

Как известно, в среднеанглийском языке только намечается тенденция к выработке устойчивого порядка слов, современный твёрдый порядок слов окончательно установился лишь в конце XVII в., то есть примерно к концу ранненовоанглийского периода [2, с. 208; 6, с. 270]. Неустойчивость языковых норм просматривается и в изучаемой структуре. В этой связи для проведения анализа представлялось необходимым принять определённые элементы за «обязательные» составляющие оборота. Такими «обязательными» словами будем считать подлежащее *I* (*Y*), сказуемое *pray* (записанное также в виде *praye* и *preye*, *prey*, в последних двух вариантах просматривается старофранцузский корень *preier*) и дополнение *yow* или *the* (*the*, *þe*). Тогда другие присутствующие в обороте элементы примем за вариативные, и структуры, имеющие разного рода расхождения с «обязательным» составом, будем рассматривать как разновидности оборота.

В первую очередь обратимся к лексико-грамматическим особенностям рассматриваемого вводного предложения. Слова «обязательных» компонентов в нём расположены в разном порядке. Последовательность «подлежащее *y* + сказуемое *prey* + дополнение *þe*» видим во вводной структуре предложения *Dere leman, y prey þe þi wille þatow tel to me.* (“The Romance of Guy Warwick”, p. 64). Оборот, употреблённый в предложении *And if ye wol nat so, my lady swete, Than preye I thee, to-morwe with a spere That Arcita me thurgh the herte bere.* (Chaucer G., “The Knightes Tale”, s. 2253), имеет другой порядок слов, глагол *preye* выносится на первое место, за ним следует подлежащее и дополнение. Дополнение *the* размещается после подлежащего вводного оборота в предложении *Speke no sich wordis, son, I the pray.* (“Abraham. The Towneley Plays”, p. 46).

Количество слов во вводном предложении не постоянно. “Обязательные” компоненты могут претерпевать редукцию, но также могут принимать и дополнительные элементы.

Если «обязательные» слова элиминируются, то это происходит только с местоимением-дополнением. Пример потери дополнения видим во вводном предложении структуры *Honoureth hir, and loveth hir, I preye, Who-so me loveth; ther is na-more to seye* (Chaucer G., “The Clerkes Tale”, s. 370).

В ряде случаев состав маркера расширяется. В предложении *And specially, here I the pray, To spede the as fast as thou may* (“Caesar Augustus. The Towneley Plays”, p. 82) наблюдаем оборот, в котором в качестве дополнительного элемента использовано наречие *here*, поставленное в препозицию к “обязательным” компонентам. В составе вводного оборота предложения *And therfor, sir, I wold the pray, Thy best counsel thou wold me say* (“Caesar Augustus. The Towneley Plays”, p. 83) видим модальный глагол *wold*, размещённый между подлежащим и дополнением. Все приведённые выше предложения содержат маркеры, в которых после глагола *pray* следует беспредложное дополнение. Употребление предложного дополнения с образованием сочетания *pray to thee* является особенностью, которой характеризуется вводная клаузема в конструкции *Telle me thyn hert I pray to the* (“Abraham and Isaac”, p. 54).

Далее рассмотрим расположение оборота в принимающем предложении. В том случае, если *I pray yow / thee* является единственным прагматическим маркером в предложении (исходим из

пунктуационной разметки текстов в цитируемых изданиях и считаем знаком, маркирующим конец предложения, точку), то наиболее характерно его расположение в начале и финале, как в примерах: *Tel on thy tale, maunciple, I thee preye* (Chaucer G., “The Maunciples Tale”, s. 103) и *I pray Be, dame, be stille* (“The Fysshers and Marynars. York Plays”, p. 49).

Расположение внутри принимающего предложения, как в примере *But tak it not, I prey yow, in desdeyn* (Chaucer G., “The Prologue”, s. 790), является гораздо менее частотным. Здесь прагматический маркер отделяет обстоятельство *in desdeyn* (“пренебрежительно, презрительно”) от главных членов предложения и выполняет в тексте, с одной стороны, функцию смягчения императива, и, с другой стороны, увеличивает объём строфы для рифмования между собой слов *desdeyn* и *pleyn*:

But tak it not, I prey yow, in desdeyn;

This is the poynt, to speken short and pleyn.

Если в предложении, помимо *I pray yow / thee*, употреблены и другие маркеры, предикативные или непредикативные, то их расположение в конструкции тяготеет к трём основным вариантам.

Первый вариант размещения маркеров назовём «рамочным». В этом случае маркеры располагаются в начале и финале предложения, образуя своеобразное фатическое обрамление для информативной части предложения. Так, структура *Loo! here at hande Come hedir faste, dame, I Be praye* (“The Fysshers and Marynars. York Plays”, p. 47) начинается междометием *loo* и завершается комбинацией обращения *dame* и оборота *I Be praye*. Если маркеров в начале предложения несколько, то первым обычно стоит непредикативный, как союз *and* в примере *And therforee, if that I misspoke or seye, Wyte it the ale of Southwerk, I yow preye* (Chaucer G., “The Knightes Tale”, s. 3140), рядом находится ещё один непредикативный маркер, наречие *therforee*, завершает конструкцию оборот *I yow preye*. В отрывке “No fors,” quod he, “*now, sir, for goddes sake, What shal I paye? telleth me, I preye.*” (Chaucer G., “The Chanouns Yemannes Tale”, s. 1357) наблюдаем комбинацию трёх маркеров – наречия *now*, обращения *sir* и оборота *for goddes sake*, – они образуют начало предложения, а две предикативные структуры, императив *telleth me* и сочетание *I preye* размещены в финале. В следующем отрывке видим «рамочное» размещение трёх маркеров, наречия *Nowe*, оборота *I Be pray* и существительного-обращения *Isaak*, которые образуют окружение императивного предложения *kysse me hartely*:

Nowe kysse me hartely, I Be pray,

Isaak, I take my leue for ay (“The Parchemyners and Bokebynders. York Plays”, p. 63).

Приведённые далее два варианта расположения прагматических маркеров в предложении назовем «точечными», оба они предполагают размещение маркеров в виде финальной или начальной группировки.

Концентрацию маркеров в финале предложения наблюдаем в примере *What is Magnesia, good sir, I yow preye?* (Chaucer G., “The Chanouns Yemannes Tale”, s. 1457), где автор использовал обращение *good sir* и *I yow preye* при оформлении вопросительной структуры.

Сосредоточение всех маркеров в начале предложения иллюстрируется несколькими следующими примерами. В конструкции *I pray Be, dame, be stille* (“The Fysshers and Marynars. York Plays”, p. 49) императив предваряется оборотом *I pray Be* и обращением *dame*. Четыре маркера, среди которых видим три непредикативных (союз *And* и наречия *here* и *specially*) и предикативный *I the pray*, размещаются в начале предложения *And specially, here I the pray, To spede the as fast as thou may* (“Caesar Augustus. The Towneley Plays”, p. 82). Ещё более разнообразен состав фатической части в предложении *And therfor, sir, I wold the pray, Thy best counsel thou wold me say* (“Caesar Augustus. The Towneley Plays”, p. 83), где используются союз *And*, наречие *therfor*, обращение *sir* и предикативный оборот *I wold the pray*. Междометие *Ha*, обращение *gode suster*, наречие *yet* и две предикативные структуры *I preu* и *Tell me* входят в состав начальной группировки вопросительного предложения *Ha, gode suster, yet I prey Tell me, why ye be so besey And with these halters thus begone?* (Gower J., “Confessio Amantis”, p. 48).

Одним из авторских приёмов является такое оформление прямой речи, при котором комментарий вклинивается между двумя прагматическими маркерами. Так например, в отрывке *Sir knizt, he seyde, y prey Be, Tel me Bi name and whenne tow be* (“The Romance of Guy Warwick”,

р. 54) наблюдаем сочетание *he seyð*, размещённое между обращением *Sir kniȝt* и оборотом *y prey þe*.

В рифмованном тексте для *I pray yow/thee* весьма характерным является расположение в конце строфы. Порядок «обязательных» составляющих в обороте при этом будет зависеть от рифмуемого слова.

Например, в отрывке –

‘Sadok’ seyð Sedyn ‘lete me be

Wiþ gode loue y pray þe;’ (“The Romance of Guy Warwick”, p. 104)

завершающий строфу глагол *be* диктует такой порядок слов во вводном предложении, при котором дополнение *þe* требуется поставить после глагола *pray*.

Намерение автора рифмовать слово *after* обуславливает иной порядок слов в обороте, с размещением дополнения *þe* перед глаголом *praye*:

Lizt luflych adoun and lenge, I þe praye,

And quat-so þy wylle is we schal wyt after (“Sir Gawain and the Green Knight”, s. 8).

Если изучаемая структура размещается автором в рифмованном тексте таким образом, что она не завершает строфу, то порядок слов обусловлен ритмом. В отрывке –

I wol don sacrifice, and fyres bete.

And if ye wol nat so, my lady swete,

Than preye I thee, to-morwe with a spere

That Arcita me thurgh the herte bere (Chaucer G., “The Knightes Tale”, s. 2253) видим пример расположения маркера в начале строфы. На второе, пятое и восьмое слово в строчке *Than preye I thee to-morwe with a spere*, в соответствии с требованием ритма, должно падать ударение, поэтому в обороте *preye I thee* глагол как обязательное ударное слово, в отличие от двух местоимений, которые обычно не имеют ударения, стоит на первом месте.

Сочетание *I pray yow / thee* может быть представлено в тексте в форме не только вводного, но и главного предложения. В последнем случае за оборотом следует *that*-придаточное. Такой вариант встретился нам в «Кентерберийских рассказах». В функции главного предложения видим *I pray yow* в структуре *I preye yow that ye wol reeve on me* (“The Milleres Tale”, s. 3362). Аналогично наблюдаемому для вводной структуры, состав оборота может быть расширен. Так, в предложении *I pray yow alle that ye nat yow greve* (“The Reves Tale”, s. 3911) расширение происходит посредством добавления в состав дополнения ещё одного местоимения *alle*. Так же, как и вводная структура, образующий главное предложение оборот может комбинироваться с другими прагматическими маркерами. Совместное расположение *preye I thee* и наречия *than* в начале предложения иллюстрируется примером *Than preye I thee, to-morwe with a spere That Arcita me thurgh the herte bere* (“The Knightes Tale”, s. 2253).

Заключение

При изучении ряда структурных и стилистических характеристик прагматических маркеров, построенных глаголом *pray* и функционирующих в предложениях реплик персонажей в произведениях XIV-XV вв., были отмечены следующие особенности.

Различия диалектов, на которых записывались произведения, отсутствие устоявшихся грамматических норм, а, возможно, и различное произношение составляющих оборот слов, обуславливает разницу в графическом отражении трёх основных компонентов оборота – подлежащего (*I* или *Y*), сказуемого (*pray, praye, prey, preye*), дополнения (*yow, thee, the, þe*).

Сочетание «подлежащее + сказуемое + дополнение» может быть принято за «обязательное», поскольку прослеживается тенденция к сохранению этих трёх слов в составе оборота.

На рассматриваемом историческом этапе оборот не является устоявшейся структурой. Состав оборота расширяется (за счёт наречия *here I the pray*, модального глагола *I wold the pray*, предлога *I pray to the*) или сужается (при редукции местоимения, служащего дополнением *I preye*). Порядок слов в обороте изменяется в зависимости от требований рифмы или предпочтения автора (*I þe*

praye, y pray þe, preye I thee). В предложении авторы оформляют *I pray yow / thee* не только как вводную клаузулу, но и как главную, принимающую *that*-придаточную.

Расположение оборота относительно принимающего предложения зависит от того, является ли *I pray yow / thee* единственным прагматическим маркером или он скомбинирован с другими маркерами, предикативными, или непредикативными. Будучи единственным маркером в предложении, оборот преимущественно размещается в начале или финале конструкции, вклинивание в принимающее предложение не характерно и является индивидуальным выбором автора. При сочетании оборота с другими маркерами наблюдаются два варианта их размещения в предложении: «точно», с концентрацией нескольких маркеров в начале или финале конструкции, и «рамочно», с размещением фатических составляющих в пре- и постпозиции от информативной части предложения. С конструкцией *I pray yow / thee* комбинируются обращения (*dame, sir, good sir, gode suster, son*), союзы (*and*), наречия (*nowe, specially, than* (вариант *then*), *therfor*), модально-предикативные фатические структуры, представленные императивом (*telleth me, tell me*), устоявшиеся сочетания (*for goddess sake*).

© Меркурьева Н.Ю., 2021

Источники иллюстративного материала

1. Chaucer Geoffrey. The complete works of Geoffrey Chaucer. V. 4. Oxford: at the Clarendon Press, 1900. 667 p.
2. Gower John. Confessio Amantis. London: Bell and Daldy Fleet Street, 1857. 396 p.
3. Abraham and Isaac. The N-Town Play. Early English Text Society. S.S.11. Oxford: Oxford University Press, 1991. 413 p.
4. The Romance of Guy of Warwick. Early English Text Society. London: Trübner, 1883. 674 p.
5. Sir Gawain and the Green Knight. Oxford: Clarendon Press, 1967. 69 p.
6. Caesar Augustus. The Towneley Plays. London: Published for the Early English Text Society by K. Paul, Trench, Trübner, 1897. 460 c.
7. The Fysshers and Marynars. York Plays. Oxford: At the Clarendon Press, 1885. 269 p.
8. The Parchemyners and Bokebynders. York Plays. Oxford: At the Clarendon Press, 1885. 269 p.

Список литературы

1. Аракин В. Д. История английского языка / В. Д. Аракин. М.: Физматлит, 2009. 304 с.
2. Аракин В. Д. Очерки по истории английского языка / В. Д. Аракин. М.: Физматлит, 2007. 288 с.
3. Большой англо-русский словарь под общим руководством И. Р. Гальперина. Т. 2. Москва: Русский Язык, 1988. 1072 с.
4. Власян Г.Р. Особенности функционирования маркеров англоязычного разговорного дискурса / Г. Р. Власян. // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 115-120.
5. Зайдес К.Д. Прагматические маркеры предикативного типа в устной спонтанной речи: подходы к описанию / К. Д. Зайдес. // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 2. С. 375-396.
6. Иванова, И. П., Чахоян, Л.П., Беляева, Т.М. История английского языка / И. П. Иванова, Л. П. Чахоян, Т. М. Беляева. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 512 с.
7. Мюллер В. К. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. Москва: Русский Язык, 1982. 887 с.
8. Никола М. И. Английская литература XIV века: становление поэзии и прозы, истоки традиций. Автореф. дис. ...докт. филол. наук: 10.01.05 / Никола Мария Ивановна; Моск. пед. гос. ун-т Москва, 1995. 23 с.
9. Online Etymology Dictionary. <https://www.etymonline.com>. (дата обращения 10.03.2021)
10. Смирницкий А. И. Лекции по истории английского языка / А. И. Смирницкий М.: Добросвет, 2006. 236 с.
11. Шустова С.В. Прагматический потенциал дискурсивных маркеров. / С.В.Шустова, Н.П. Царенко. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 4. С. 163-170.
12. Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка / В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1969. 286 с.
13. Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. 1999. № 31. P. 931-952.
14. Gonzales M. Pragmatic Markers and Discourse Coherence Relations in English and Catalan Oral Narrative // Discourse Studies. 2005. № 77(1). P. 53-87.
15. Mueller S. Discourse Markers in Native and Non-native English Discourse. Amsterdam: J. Benjamins, 2005. 290 p.
16. The Oxford History of English. Ed. by L. Mugglestone. Oxford: Oxford University Press, 2006. 485 p.
17. Shiffrin D. Discourse Markers / D. Schiffrin. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
18. Verdonik D., Rojc M. et al. Annotating Discourse Markers in Spontaneous Speech Corpora on an Example for the Slovenian Language // Language Resources and Evaluation. 2007. V. 41. № 2. P. 147-180.

References

1. Arakin, V.D. *Istoriia angliiskogo iazyka* [A history of the English language] / V.D. Arakin. Moscow: Fizmatlit, 2009. 304 p.
2. Arakin, V.D. *Ocherki po istorii angliiskogo iazyka* [Essays in the history of the English language] / V.D. Arakin. Moscow: Fizmatlit, 2007. 288 p.
3. *Bolshoi anglo-russkii slovar pod obshchim rukovodstvom I.R. Galperina*. V. 2. [English-Russian Dictionary under the guidance of I.R. Galperin]. Moscow: Russkii Iazyk, 1988. 1072 p.
4. Vlasian, G.R. Osobennosti funktsionirovaniia markerov angloiazыchnogo konversatsionnogo diskursa [Functioning of markers of English conversational discourse] / Vlasian G.R. // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Irkutsk State Linguistic University Bulletin]. 2011, 4, P. 115-120.
5. Zaides, K.D. Pragmaticheskie markery predikativnogo tipa v ustnoi spontannoi rechi: podkhody k opisaniiu. [Approaches to the description of predicative pragmatic markers in oral spontaneous speech] / K.D. Zaides // *Communikativnye issledovaniia* [Communication Studies]. 2019, 6 (2), P. 375-396.
6. Ivanova, I.P., Chakhoian L.P. et al. *Istoriia Angliiskogo iazyka* [The History of the English Language] / I.P. Ivanova, L.P. Chakhoian, T.M. Beliaeva. Saint-Petersburg: Lan, 1999. 512 p.
7. Miuller, V.K. *Anglo-russkii slovar* [Russian-English Dictionary] / V.K. Miuller. Moscow: Russkii Iazyk, 1982. P. 887 p.
8. Nickola, M.I. *Angliiskaia literatura XIV veka: stanovlenie poezii i prozy, istoki traditsii* [English literature of XIV century: formation of poetry and prose, origins of traditions]. PhD dissertation abstract / M.I. Nickola. Moscow State Pedagogical University: Moscow, 1995. 23 p.
9. Online Etymology Dictionary. Available at: <https://www.etymonline.com>. (Accessed 10 March 2021)
10. Smirnitskii, A.I. *Leksii po istorii angliiskogo iazyka*. [Lectures on the English language history] / A.I. Smirnitskii. Moscow: Dobrosvet, 2006. 236 p.
11. Shustova, S.V., Tsarenko, N.M. Pragmaticheskii potentsial diskursivnykh markerov [Pragmatic potential of discourse markers] / S.V. Shustova, N.M. Tsarenko // *Teoreticheskaiia i prikladnaia lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 2019, 5 (4), P. 163-170.
12. Iartseva, V. N. *Razvitie natsional'nogo literaturnogo angliiskogo iazyka* [The development of national literary language]/ V.N. Iartseva. Moscow: Nauka, 1969. 286 p.
13. Fraser, B. What are discourse markers? // *Journal of Pragmatics*. 1999. № 31. P. 931-952.
14. Gonzales M. Pragmatic Markers and Discourse Coherence Relations in English and Catalan Oral Narrative // *Discourse Studies*. 2005. № 7(1). P. 53-87.
15. Mueller, S. *Discourse Markers in Native and Non-native English Discourse*. Amsterdam: J. Benjamins, 2005. 290 p.
16. *The Oxford History of English*. Ed. by L. Muggleston. Oxford: Oxford University Press, 2006. 485 p.
17. Shiffrin, D. *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
18. Verdonik, D., Rojc, M., Stabej, M. Annotating Discourse Markers in Spontaneous Speech Corpora on an Example for the Slovenian Language // *Language Resources and Evaluation*. 2007. V. 41. № 2. P. 147-180.

Сведения об авторе:

Меркурьева Наталья Юрьевна – кандидат химических наук, доцент кафедры юриспруденции МГУУ ПМ им. Ю.М. Лужкова. Область научных и профессиональных интересов: теоретическая грамматика, грамматика разговорной диалогической речи, исторический синтаксис английского языка.
E-mail nata2lya1@mail.ru.

About the author:

Merkuryeva, Natalia – PhD, Associate Professor of Moscow Metropolitan Governance Yuri Luzhkov University (Moscow, Russia). Spheres of research interest: theoretical grammar, spoken language grammar, historical syntax. E-mail: nata2lya1@mail.ru

* * *

MOOC-LECTURE IN DIGITAL ACADEMIC DISCOURSE: KEY FEATURES

N.V. Panich

Moscow State Institute of International Relations (University),
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454 Russia

Abstract. *The article considers the traits of digital academic discourse and the discursive features of MOOC lectures, i.e. video lectures from massive open online courses (MOOCs), which are described as a subgenre of distance lectures. The research bears considerable relevance given the need for the analysis of transformation processes in academic discourse amid the widespread use of information and communication technologies in the higher education system and the advance of online learning. The article describes the evolution of lectures from classroom (analogue) to digital ones, with the latter defined as a genre of academic discourse. The research studies video lectures presented by major British and American universities on the Coursera and EdX websites. It presents some distinguishing characteristics of a MOOC-lecture, specifying, among others, its extralinguistic traits which impact on its linguistic features, particularly the addressee factor. The theoretical perspective on the matter can be applied in linguistic disciplines, which aim at undergraduate and postgraduate students opting for the scientific path in the international context.*

Key Words: *digital academic discourse, computer-mediated academic communication, digital lecture, MOOC-lecture, Massive Open Online Courses*

ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МООК-ЛЕКЦИИ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ДИСТАНТНОЙ ЛЕКЦИИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Н.В. Панич

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, 119454, пр. Вернадского 76

Аннотация. *Настоящая статья посвящена рассмотрению дискурсивных характеристик академического интернет-дискурса (АИД) и его субжанра – интернет-лекций, размещённых на сайтах массовых открытых онлайн-курсов (МООК-лекций), которые представлены как разновидность дистанционных академических лекций. Актуальность исследования определяется не-*

обходимостью сформировать представление о трансформационных процессах в академическом дискурсе в связи с масштабным внедрением информационно-коммуникационных технологий в систему высшего образования и последующим развитием онлайн-обучения. В качестве материала исследования использованы Coursera- и Edx-курсы англоязычных лекторов из крупных университетов Великобритании и США. Рассматривается становление дистанционной (виртуальной) лекции как жанровой разновидности академического дискурса; MOOK-лекция обособляется от других видов лекций, выделяется ряд характеристик, которые оказывают воздействие на её языковые параметры, в том числе обосновывается значимость изменений в образе получателя информации. Рассмотрение проблематики с теоретических позиций может иметь прикладное значение для лингвистических дисциплин, в задачи которых входит подготовка научных кадров к работе в международном контексте.

Ключевые слова: дистанционный академический дискурс, академический интернет-дискурс, MOOK-лекция, виртуальная академическая коммуникация, эволюция академического дискурса

Введение

Во время пандемии 2020 года академическая среда испытала на себе воздействие вынужденного массового перехода на дистанционный формат образования, который, помимо прочего, предполагал включение в учебный процесс цифрового образовательного контента, который уже был подготовлен и размещён в Интернете. Это вызвало к жизни потребность в осмыслении изменений, которые затрагивают академический дискурс в связи с активным внедрением информационно-коммуникационных технологий в процесс реализации образовательных задач и развитием дистанционного образования, в том числе и на уровне высшей школы. В связи с интеграцией российской образовательной системы в глобальный контекст, где основным языком профессионального общения является английский, интерес представляет в первую очередь реакция англоязычной академической коммуникации на новые обстоятельства развёртывания дискурса.

Целью работы является краткое обобщение теоретических основ изучения академического интернет-дискурса (АИД) и его конститутивных признаков, а также рассмотрение становления его субжанровой разновидности – MOOK-лекции, то есть виртуальной лекции, размещённой на сайте массовых открытых онлайн-курсов, и её особенностей. В качестве материала исследования использованы лекции англоязычных преподавателей крупных университетов Великобритании и США с сайтов Coursera и Edx.

В связи с отсутствием единой позиции среди учёных в отношении содержания понятия «академический дискурс», необходимо уточнить, что в данной работе мы разводим понятия «научный» и «академический дискурс», рассматривая их как смежные, характеризующиеся совпадением ряда функций, но предполагающие комплементарные отношения между коммуникантами. Двигаясь в русле представлений Я.В. Зубковой [3] и отталкиваясь от истоков значения слова «академический» (в Оксфордском словаре английского языка его синонимами являются слова «образовательный» («educational»), «учебный» («instructional») и «педагогический» («pedagogical»)), мы устанавливаем отношения тождества между академическим дискурсом и учебно-педагогическим и считаем, что первый представляет собой социально обусловленную систему организации профессионально-педагогического коммуникативного взаимодействия, протекающего в высшем учебном заведении между преподавателями (адресантами) и студентами (реципиентами) с целью подготовить специалистов высшего уровня квалификации и заложить у реципиента «систему профессиональных знаний и профессионального мышления» [12]. В связи с этим, полностью за рамками рассмотрения остаётся профессиональное устное и письменное общение между исследователями (конференции, доклады, защиты кандидатских и докторских диссертаций, публикации статей, монографии).

Особенность дистанционной учебно-педагогической коммуникации заключается в том, что формирование академической среды с помощью электронного модуса происходит на стыке виртуального и педагогического, что неизбежно отличает его от традиционного академического дискурса, протекающего непосредственно в здании высшего учебного заведения. Так, с компьютерным АИД сближает 1) дистантный характер взаимодействия участников коммуникации (по времени и/или в пространстве); 2) опосредованность общения аналоговыми и цифровыми средствами коммуникации [7]; 3) значительная степень проницаемости, которую Е.Н. Галичкина определила как принципиальную возможность включения в процесс коммуникации любого человека [2]; 4) «диалектическое единство устной и письменной коммуникации» [4]; 5) потенциальная мультимедийность; 6) иллокутивность, предполагающая диалогичность взаимодействия, то есть личное участие (социально-ролевое или предметное) коммуникантов, наличие ответного действия; 7) глобальность, отсутствие границ, позволяющее осуществлять взаимодействие за пределами своей культуры, и 8) «особая конвенциональность и наличие фиксированных правил общения», нетикет [8]. Несмотря на присутствие схожего признака (кодифицированность речевого взаимодействия), языковые нормы, регулирующие речевую деятельность в рамках двух дискурсов, разнятся и требуют отдельного исследования на эмпирическом материале для определения лингвистического тяготения гибридного дискурса к одному из его составляющих.

Общей для интернет-дискурса и академического дискурса будет интерактивная составляющая, стремление к диалогизации общения как основы взаимодействия и организации отношений участников коммуникации, даже в отсутствие непосредственного контакта между ними.

В то же время некоторые характеристики интернет-дискурса и академического дискурса вступают в определённое противоречие, как, например, симметричность общения. В то время, как Е.Н. Галичкина и Н.А. Лепшеева указывают на присутствие принципиального статусного равноправия у компьютерно-опосредованной коммуникации, в рамках учебно-педагогического дискурса общение участников является ассиметричным и протекает в соответствии с заданными ситуацией ролями, поэтому речь идёт об отсутствии равенства, так как коммуникация фактически представляет собой передачу информации от отправителя (преподавателя) к потребителю (обучающемуся). В этом вопросе нам близко понимание Л.В.Куликовой, которая в своём определении академического дискурса подчёркивала нормативную организацию речевого взаимодействия, «учитывающего статусно-ролевые характеристики основных участников общения [...] в сфере университетского образования) [5, с. 298].

Также, в связи с функционалом, возложенным социумом на систему высшего образования, проблемным, на первый взгляд, представляется однозначное применение к академической среде такого признака интернет-коммуникации, как добровольность контактов [10, с. 24]. Необходимо уточнить, что стоит разграничить образовательный контент, который создаётся изначально под специфику канала передачи информации, и тот, который экстренно переносится в дистанционный формат с применением доступных образовательных технологий и инструментов коммуникации. Мы рассматриваем только электронно-опосредованную академическую коммуникацию, которая изначально предполагала применение информационно-коммуникативных технологий.

Учитывая, что АИД, как было указано выше, принадлежит к институциональным дискурсам, для выделения его типологических характеристик к нему применена схема системообразующих признаков, предложенная В.И.Карасиком в рамках субъектного подхода к дискурсу [6]. Участниками академической коммуникации являются статусно квалифицированные участники: преподаватель-лектор (агент), принадлежащий структурному объединению по специальностям (кафедра) и направлениям (факультет) и обучающийся (клиент), дистантное двунаправленное взаимодействие которых преследует целью содействовать овладению реципиентом профессиональных знаний, умений и навыков, и достичь преемственности и непрерывности передачи знаний [13], причём оба коммуниканта осознают и поддерживают значимость образовательного процесса. С традиционным учебно-педагогическим дискурсом АИД сближают отношения постоянного взаимооценивания агента и клиента, причём с акцентуацией направленности в сторону второго, то есть активность преподавателя в вопросе оценивания будет ситуативно более значима.

Пространственно-временные рамки носят условный характер, учитывая виртуальность интернет-среды, где разворачивается АИД. Так, А.А. Селютин указывает на «размытость» структуры хронотопа, при этом географическая удалённость коммуникантов не влияет на доступность информации, а представление о времени носит субъективированный характер [9, с. 123].

Своеобразным ответом на использование нового канала для передачи значимой в учебном плане информации стало становление значительного жанрового разнообразия АИД, что призвано отразить многообразие форм институционального взаимодействия в этой среде: онлайн-лекции и вебинары, академические интернет-форумы, онлайн-конференции, академические блоги и т.д. Стоит отметить, что ряд жанров и субжанров представляются аналогичными существующим в оффлайне, но в силу указанных выше параметров, заимствованных АИД из интернет-дискурса, невозможно априори, без сравнения типовых структур (жанровых схем) и устойчивых языковых характеристик, поставить между ними знак равенства.

Кратко остановимся на эволюции академической лекции, которая и привела к возникновению такой её субжанровой разновидности, как МООК-лекция. С момента своего появления в XII веке лекция остаётся неизменной составляющей традиционной академической коммуникации, отличительной чертой которой является двойственность её природы: она занимает промежуточное положение между письменной и устной формой языка. Ей свойственна высокая информационная плотность материала, которая характерна скорее для академической прозы, но при этом преподнесение материала идёт в условно диалогической форме («монолог в диалоге»), так как от неё ожидается «вовлечение слушателей в общение» для эффективной реализации коммуникативных задач. «Объяснение как форма обращения к сознанию слушателя требует очевидного диалога и, соответственно, диалогических языковых моделей, свойственных устной речи» [11]. Сделаем оговорку, что за рамками работы остаются публичные лекции в рамках общественной просветительской деятельности. Хотя они также ставят своей задачей повышение образовательного уровня, но они не преследуют цель на системной основе содействовать достижению, а затем и сертифицировать определённый уровень профессиональной подготовленности специалиста.

С точки зрения своей базовой функции как транслятора знаний лекция трансформировалась незначительно, несмотря на некоторые видоизменения под социальный заказ. К настоящему моменту она перестала рассматриваться как единственный источник получения знаний и более востребованным становится интегрирование диалогической составляющей, что сближает её с семинарскими занятиями (обучающиеся вовлекаются в дискуссию, выполняют задания лектора, могут выступать как со-лекторы). Тем не менее, в условиях интернет-коммуникации из-за возможности асинхронного взаимодействия с широкой аудиторией задействован именно потенциал лекции как средства массового обучения.

Несмотря на необходимость адаптировать лекционный материал в связи с размыванием образа потенциального реципиента информации (она доступна миллионной аудитории по всему миру), лекции на МООК-платформах отчасти сохраняют традиционные структурные и логические особенности: в них присутствуют определённые компоненты (вступительная часть, тематическое освещение различных вопросов, подведение итогов), наличествует преимущество и системность. Типологически преобладают такие традиционные разновидности лекции, как информационная и обзорная, также могут присутствовать вводные лекции, которые призваны сформировать у обучающегося представление о лекторе, структуре курса, значимости учебной дисциплины). Тем не менее, стоит подчеркнуть, что наиболее трудные для восприятия смысловые блоки часто переведены в письменную форму, особенно установочные моменты вступительной лекции, касающиеся задач и структуры курса. В целом можно сказать, что происходит перераспределение информации между устной и письменной формой, что связано с трудностями в поддержании дистантного контакта с условным обучающимся и вызванной этим необходимостью представлять информацию более подробно и достаточно часто обращаться к категории мультимедальности для сохранения доступности и наглядности лекций.

Некоторые виды лекций из типологии Н.В. Бордовской и А.А. Реан [1] – лекция с запланированными ошибками, бинарная лекция (сократическая беседа преподавателей), лекция-конферен-

ция между обучающимися (включает презентацию докладов и дискуссию) – не представлены в силу специфики организации, требующей поддержания непосредственного диалога. Можно отметить попытку нескольких лекторов придать лекции проблемный характер и через соответствующий форум подтолкнуть обучающихся к совместному поиску решения. Или на том же форуме организовать подобие консультации и в вопросно-ответной форме дать требуемые пояснения. Но в обоих случаях за попыткой сохранить информационный функционал академического взаимодействия утрачивается собственно формат устной презентации информации.

Поиск оптимальной стратегии для установления и поддержания контакта с трудно дифференцируемым анонимным реципиентом требует от МООК-лектора, с одной стороны, точного соблюдения этикетных норм при максимальном абстрагировании от любой культурной привязки, и привлечение речевых тактик для обеспечения успешности коммуникации.

В связи с этим можно наметить следующие актуальные перспективы изучения МООК-лекций как субжанра дистанционной лекции:

- анализ речевых тактик, нацеленных на установление и поддержание контакта, в том числе с учётом конкретного типа МООК-лекции;
- выработку свода правил сетевого нетикета, регулирующего академическую коммуникацию в рамках МООК-лекции в англоязычном дискурсе.

Заключение

Обобщая сказанное выше, можно утверждать, что:

1) академический интернет-дискурс сформировался под воздействием мультимедийных технологий как отдельный, гибридный вид дискурса, вобравший в себя целый ряд признаков обоих своих составляющих и характеризующийся значительным жанровым разнообразием;

2) эволюция традиционной лекции под воздействием глобализационных процессов и технологического развития вызвала к жизни становление МООК-лекции как отдельного субжанра дистантной академической лекции, которая сочетает функционал традиционной лекции и масштабность охвата дистантной, что приводит к формированию собственного набора лингвистических средств для усиления интерактивности и реализации коммуникативно-прагматических задач, стоящих перед адресантом.

© Панич Н.В., 2021

Список литературы

1. Бордовская Н. В. Педагогика: Учебное пособие/ Н. В. Бордовская, А. А. Реан. СПб.: Питер, 2008. 304 с.
2. Галичкина Е. Н. Характеристики компьютерного дискурса [Электронный ресурс] / Е. Н. Галичкина // Вестник ОГУ. 2004. №10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-kompyuternogo-diskursa> (дата обращения: 01.05.2021).
3. Зубкова Л. И. Конститутивные признаки академического дискурса/ Л. И. Зубкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 28-32.
4. Кутузов А. Б. Коммуникативные особенности дискурса компьютерных сетевых форумов [Электронный ресурс] / А. Б. Кутузов // III Лазаревские чтения. Челябинск. 2006. С. 306-311. – URL: https://www.academia.edu/2984908/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8_%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81%D0%B0_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D1%8C%D1%8E%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D1%85_%D1%84%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%BC%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 03.05.2021).
5. Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме / Л. В. Куликова. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2006. 392 с.
6. Карасик В.И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус [Электронный ресурс] / В. И. Карасик // Известия ВГПУ. 2015. №1 (96). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-diskursa-topik-format-modus> (дата обращения: 11.05.2021).

7. Лепшеева Н. А. Жанровые особенности компьютерного дискурса [Электронный ресурс] / Н. А. Лепшеева // Вестник ЧелГУ. 2009. №43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-kompyuternogo-diskursa> (дата обращения: 15.05.2021).
8. Моргун Н. Л. Научный сетевой дискурс как тип текста : Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Моргун Наталья Леонидовна. Тюмень, 2002. – URL: https://elibrary.com.ua/m/files/get_file/1541.pdf (дата обращения: 10.05.2021).
9. Селютин А. А. Пространство и время в интернет-коммуникации: влияние постмодернизма / А. А. Селютин // Вестник Челябинского гуманитарного университета, 2012. №6 (260). С. 122–124.
10. Смирнов Ф. О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языке : дис. ... канд. филол. наук. / Смирнов Федор Олегович. Ярославль, 2004. 224 с.
11. Таланина А. А. Онлайн-лекция как жанр интернет-дискурса [Электронный ресурс] / А. А. Таланина // МИРС. 2018. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-lektsiya-kak-zhanr-internet-diskursa> (дата обращения: 14.05.2021).
12. Шпенюк И. Е. Научно-академический дискурс как институциональный тип дискурса [Электронный ресурс] / И. Е. Шпенюк // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2016. № 4 (97). С. 132-137. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/76002027.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).
13. Щербинина Ю.В. Педагогический дискурс: типическое и архетипическое [Электронный ресурс] / Ю. В. Щербинина // Наука и школа. 2010. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-diskurs-tipicheskoe-i-arhetipicheskoe> (дата обращения: 10.05.2021).

References:

1. Bordovskaya, N. V., Rean A. A. *Pedagogika: Uchebnoe posobie* [Pedagogy: Study guide] / N. V. Bordovskaya, A. A. Rean. SPb.: Piter, 2008. 304 p. [in Russian]
2. Galichkina, E. N. *Kharakteristiki komp'yuternogo diskursa* [Characteristics of computer mediated discourse] [Electronic resource] / E. N. Galichkina // *Vestnik OGU*. 2004. №10, <https://cyberleninka.ru/article/n/kharakteristiki-kompyuternogo-diskursa> (accessed: 01.05.2021) [in Russian].
3. Zubkova, L. I. *Konstitutivnye priznaki akademicheskogo diskursa* [Distinguishing features of academic discourse] / L. I. Zubkova // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2009. № 5. p. 28-32 [in Russian].
4. Kutuzov, A. B. *Kommunikativnye osobennosti diskursa komp'yuternykh setevykh forumov* [Communicative features of network forums] [Electronic resource] / A. B. Kutuzov // *III Lazarevskie chteniya*. Chelyabinsk. 2006. p. 306-311, https://www.academia.edu/2984908/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8_%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81%D0%B0_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D1%8C%D1%8E%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D1%85_%D1%84%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%BC%D0%BE%D0%B2 (accessed: 03.05.2021) [in Russian].
5. Kulikova, L. V. *Kommunikativny stil' v mezhekul'turnoi paradigme* [Communication style in an intercultural paradigm] / L. V. Kulikovaya. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 2006. 392 p. [in Russian].
6. Karasik, V.I. *Interpretatsiya diskursa: topik, format, modus* [Discourse interpretation: topic, format, modus] [Electronic resource] / V. I. Karasik // *Izvestiya VGPU*. 2015. №1 (96), <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-diskursa-topik-format-modus> (accessed: 11.05.2021) [in Russian].
7. Lepsheeva, N. A. *Zhanrovye osobennosti komp'yuternogo diskursa* [Genre traits of computer mediated discourse] [Electronic resource] / N. A. Lepsheeva // *Vestnik ChelGU*. 2009. №43, <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-kompyuternogo-diskursa> (accessed: 15.05.2021) [in Russian].
8. Morgun, N. L. *Nauchny setevoy diskurs kak tip teksta* [Scientific network discourse as a type of text]: dis. ... of PhD in Philology: 10.02.01 / Morgun Natalia Leonidovna. Tyumen', 2002, https://elibrary.com.ua/m/files/get_file/1541.pdf (accessed: 10.05.2021) [in Russian].
9. Selyutin, A. A. *Prostranstvo i vremia v internet-kommunikatsii: vliianie postmodernizma* [Space and time in internet communication: the impact of postmodernism] / A. A. Selutin // *Vestnik Chelyabinskogo gumanitarnogo universiteta*, 2012. №6 (260). p. 122–124 [in Russian].
10. Smirnov, F. O. *Natsional'no-kul'turnye osobennosti elektronnoi kommunikatsii na angliiskom i russkom iazyke* [National and cultural features of electronic communication in English and Russian] : dis. ... of PhD in Philology. / Smirnov Fedor Olegovich. Yaroslavl', 2004. 224 p. [in Russian].
11. Talanina, A. A. *Onlain-lektsiia kak zhanr internet-diskursa* [Online-lecture as a genre of Internet-discourse] [Electronic resource] / A. A. Talanina // *MIRS*. 2018. №2, <https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-lektsiya-kak-zhanr-internet-diskursa> (accessed: 14.05.2021) [in Russian].
12. Shpenyuk, I. E. *Nauchno-akademicheskii diskurs kak institutsional'ny tip diskursa* [Scientific and academic discourse as an institutional type of discourse] [Electronic resource] / I. E. Shpenyuk // *Izvestiya Gmel'skogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny*. 2016. № 4 (97). p. 132-137, <https://core.ac.uk/download/pdf/76002027.pdf> (accessed: 10.05.2021) [in Russian].
13. Shcherbinina, YU.V. *Pedagogicheskii diskurs: tipicheskoe i arhetipicheskoe* [Pedagogical discourse: typical and archetypal] [Electronic resource] / YU. V. Shcherbinina // *Nauka i shkola*. 2010. №2, <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-diskurs-tipicheskoe-i-arhetipicheskoe> (accessed: 10.05.2021) [in Russian].

Сведения об авторе:

Панич Наталья Владимировна – старший преподаватель кафедры английского языка №3, МГИМО. Сфера научных интересов: прагматика и академический дискурс (англистика); E-mail: n.v.panich@mail.ru

About the author:

Panich, Natalia Vladimirovna – Senior Lecturer at English Department №3, MGIMO University. Scholarly interests: pragmatics, academic discourse; E-mail: n.v.panich@mail.ru

* * *

AMERICAN PRESIDENTS AND POLITICIANS IN RHYMING SLANG

K. Stepanyan

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Y. Gorshunov

Bashkir State University at Birsk,
10, Internacionalnaya st., Birsk, 452453, Russia

E. Gorshunova

Russian Academy of National Economy and Public Administration
82/1 prospect Vernadskogo, Moscow 119571, Russia

Abstract. *The article is aimed at identifying onomastic rhymes as part of rhyming slang and analyzing them from a socio-cultural perspective. They are built on the names of American celebrities from the world of politics and social activities and believed to be fixers of cultural and historical items that are of certain value from the point of view of culture-oriented linguistics, cross-cultural communication and the general study of culture. The research methods applied are determined by the purpose and objectives of the research and include a descriptive and a linguistic ones, the latter comprising context and definitional analysis, and also semantic interpretation.*

The rhymes are based on the names that have been widely represented in the media from the middle of the twentieth century to the present day, thus forming part of the modern cultural collective memory of the carriers of the English-speaking culture. The noted tendency of preferential creation of new rhymes, exploiting precedent onyms, became dominant in the development of rhyming slang at the turn of the century. The authors come to the conclusion that the rhymes illustrating the world of high politics have been added to the well-mastered and familiar onomastic rhymes, built on the names of celebrities from the world of cinema, pop music, popular culture and sports. The article brings to light the rhymes that have not yet been recorded in authoritative slang dictionaries.

The research results can be of interest to the specialists working on the topics of intercultural communication, linguistic and cultural studies, cultural linguistics, political linguistics, euphemization, contrastive linguistics of the English and Russian languages.

Key Words: *rhyming slang, precedent name, cultural memory, English-speaking culture*

АМЕРИКАНСКИЕ ПРЕЗИДЕНТЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ В РИФМОВАННОМ СЛЕНГЕ

К.А. Степанян

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

Ю.В. Горшунов

Башкирский государственный университет (Бирский филиал)
г. Бирск, ул. Интернациональная, 10, 452453, Россия

Е. Ю. Горшунова

Российская академия народного хозяйства и госслужбы,
119571, г. Москва, проспект Вернадского 82, стр.1

Аннотация. Статья нацелена на выявление ономастических рифм в составе рифмованного сленга и проведение их социокультурного анализа. Ономастические рифмы построены на именах видных политических, государственных и общественных деятелей США и рассматриваются как фиксаторы культурно-исторических реалий, обладающих лингвострановедческой и лингвокультурологической ценностью. Для проведения исследования использовались следующие методы: описательный и лингвистический метод, включающий контекстный, дефиниционный анализ и метод семантической интерпретации.

В фокусе внимания авторов оказались основанные на именах рифмы, широко представленные в СМИ начиная с середины XX века вплоть до наших дней и входящие, таким образом, в современную культурную коллективную память носителей англоговорящей культуры. Отмеченная тенденция предпочтительного создания новых рифм, эксплуатирующих прецедентные онимы, стала доминирующей в развитии рифмованного сленга на рубеже столетий. Авторы приходят к выводу, что к хорошо освоенным и привычным ономастическим рифмам, построенным на именах знаменитостей из мира кино, поп-музыки, массовой культуры и спорта, добавились рифмы, иллюстрирующие мир высокой политики. В статье отмечены рифмы, ещё не зафиксированные в авторитетных словарях сленга. Результаты исследования могут быть практически полезными и интересными для специалистов, разрабатывающих темы межкультурной коммуникации, лингвострановедения, лингвокультурологии, политической лингвистики, эвфемии, контрастивной лингвистики английского и русского языков.

Ключевые слова: рифмованный сленг, прецедентное имя, культурная память, англоговорящая культура

ВВЕДЕНИЕ

Статья нацелена на выявление ономастических рифм в составе рифмованного сленга, построенных на именах американских знаменитостей из мира политики и общественной деятельности, чтобы дать им надлежащую социокультурную характеристику как фиксаторам культурно-исторических реалий, обладающих лингвострановедческой и лингвокультурологической ценностью.

О рифмованном сленге имеется богатая литература, включающая словари, монографии, диссертационные исследования, статьи. Рифмованный сленг – перспективная и интенсивно разрабатываемая тема в современной англоязычной лингвистике. Современных исследователей интересуют такие проблемы рифмованного сленга, как территориальная и социальная дифференциация, его эволюция, новые тенденции в развитии, выполняемые функции (например, эвфемистическая, игровая) и др. Новый вектор исследования – лингвострановедческая перспектива [3]. Объёмная библиография представлена в монографии [5].

Суть рифмованного сленга заключается в том, что для общения используется код, заменяющий обычное слово какой-либо фразой, которая рифмуется с этим словом, например, *stairs* ▷ *apples and pears*; *believe* ▷ *Adam and Eve*; *beers* ▷ *Britney Spears*. Таким образом, ***apples and pears* = *stairs*; *Adam and Eve* = *believe*; *Britney Spears* = *beers***. Часто в среде истинных носителей кокни одно из слов хорошо известной рифмы (как правило, второе) вообще опускается, что делает сленг ещё более трудным для восприятия: *china* < *china plate* = *mate*; *bone* < *dog and bone* = *phone*; *plates* < *plates of meat* = *feet*.

Для решения заявленной нами цели методом сплошной выборки были отобраны рифмы, эксплуатирующие имена исторических и современных государственных и политических деятелей США, из ряда словарей сленга и рифмованного сленга [9], [10], [11], [12], [15] и других источников. Прежде всего, это имена президентов, которые оставили заметный след в истории США. В список «зарифмованных» президентов, получивших «прописку» в рифмованном сленге, вошли имена Авраама Линкольна, Дуайта Эйзенхауэра, Джорджа Буша, Барака Обамы и Дональда Трампа, причём последний «засветился» в рифмованном сленге ещё до своего президентства, когда был известен как глава фирмы The Trump Organization и организатор конкурсов красоты the Miss USA и Miss Universe, а также известных американских политиков наших дней.

В статье мы продолжаем развивать тему, затронутую в работах [1], [8]. Анализ ономастических рифм свидетельствует о том, что во многих случаях рифмованный сленг основан на использовании имён литературных, фольклорных и мифологических персонажей [1], исторических и современных государственных и политических деятелей [8], [2], известных спортсменов [4], популярных музыкантов, поп-идолов, киноактёров и т.д. Тенденция предпочтительного использования модели образования новых рифм, основанных на эксплуатации имён широко известных, модных или популярных личностей, стала определяющей в развитии рифмованного сленга на рубеже столетий.

Как выяснилось, создатели рифмованного сленга не всегда обходятся благосклонно или почитительно с именами политиков, нередко рифмуя их с референтами, обозначающими в некоторых случаях нечто неприятное [См., например, 12, с. 38]. Так, имя 16-го президента США Авраама Линкольна, главная заслуга которого – отмена рабства [6, с. 662], [14, с. 765] рифмуется со словом ***stinking***, имеющим значения *foul-smelling; disgusting, contemptible, very bad or unpleasant* (зловонный, вонючий; отвратительный, противный, ужасный): ***Abraham Lincoln/Abie Lincoln* = *stinking***, как в примерах: *There's a dead cat in the garden and it's Abraham Lincoln!* *Your plates are Abraham Lincoln!* (*plates* < *plates of meat* = *feet*). Согласно общепринятой точке зрения и социальным опросам, Линкольн по-прежнему остаётся одним из лучших и самых любимых президентов Америки, хотя во время президентства он подвергался суровой критике. Национальный герой американского народа безусловно заслуживает более комплиментарных рифм!

Рифма ***Eisenhower* = *shower*** основана на имени 34-го президента Америки генерала Дуайта Дэвида Эйзенхауэра, который был президентом два срока с 1953 по 1961 гг. Генерал Эйзенхауэр занимает особое и очень важное место в истории Второй мировой войны: с поразительной скоростью он превращается из малоизвестного штабного офицера в одного из ведущих полководцев [6, с. 1239], главнокомандующего вооружёнными силами США в Европе и командующего вооружёнными силами союзников. Он пользовался необычайной популярностью, и потому ему советовали заняться политикой. Выйдя в отставку в 1952 году, Эйзенхауэр выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах и победил с большим преимуществом [6, с. 1239]. Став президентом, Эйзенхауэр отстаивал интересы большого бизнеса у себя на родине. Во внешней политике он был

апологетом Холодной войны [7, с. 1135]. В США широко распространено прозвище Эйзенхауэра Ike [14, с. 420]. Рифма **Eisenhower = shower** интересна тем, что она однословна, что не типично для рифмованного сленга. В основном, рифмы по своей структуре являются двухкомпонентными образованиями. Феномен и суть рифмованного сленга, как мы отметили выше, заключается в замене обычного слова или устойчивого словосочетания рифмующимся с ним выражением (как правило, двухкомпонентным), которое в дальнейшем может подвергнуться сокращению и потере рифмующуюся часть, например, **Ruby Murray = curry** (в основу положено имя известной ирландской певицы Руби Мюррей, которая была одной из самых популярных певиц на Британских островах в 1950-х гг.). **Ruby Murray/Murry** ▸ **ruby**: Let's go for **a ruby** = Let's go for a curry (Давайте съедим карри). Когда двучленная рифма подвергается сокращению, опускается, как правило, последнее слово. Обычно в речи в подходящем контексте используются сокращённые варианты. Например, абсолютно естественно звучит усечённое **butcher's**, производное от **butcher's hook = look** и **minces**, производное от **mince pies = eyes**: Let's take a **butcher's** at your black **minces** [15, с. 45], что в переводе на нормальный язык означает Let's have a look at your black eyes [15, с. 47].

Джордж Буш-младший был 43-м президентом США в 2001–2009 годах. Он запечатлён в рифмованном сленге рифмой **George Bush = mush** (face), редуцируемой в разговорной стихии до первого компонента: He clocked 'im one right in the **George** (Он вмазал ему по физиономии). Буш стал президентом США в 2000 году, сменив на этом посту Билла Клинтона.

Первый (и пока единственный) афроамериканец на посту президента США, президент с фамилией африканского и средним именем арабского этимологического происхождения – Барак Хуссейн Обама II. Имя 44-го президента США и Лауреата Нобелевской премии мира 2009 года положено в основу многозначной рифмы **Barack Obama = charmer**: I tell you mate, he's a right **Barack** (Скажу тебе, приятель, он настоящий обаяшка (он неотразим). He's gorgeous! What an Obama! (Он великолепен! Какая прелесть!); **Barack Obama = farmer**: Bunch of **Baracks** taking to the streets again! (Сборище фермеров снова протестует на улицах!); **Barack Obama = Pyjamas**: She was wearing her **Barack Obamas** (На ней была пижама). Go put your **Barackas**, eh? (Иди, надень пижаму, а?). Рифма используется часто в сокращённой версии **Barack**.

В основу многозначной рифмы **Donald Trump = 1) dump и 2) hump** положено имя 45-го президента США Дональда Трампа. Рифма соотносится с негативными референтами, что наглядно подтверждает тезис, что создатели рифмованного сленга не всегда благосклонно или почтительно обходятся с именами политиков, нередко рифмуя их с референтами, обозначающими в некоторых случаях нечто неприятное или неодобряемое обществом [8]. Рифма **Donald Trump = dump**, defecate позволяет деликатно избежать вульгарного или прямого обозначения дефекации: *Oooh I could do with a Donald Trump right now*. Второе значение рифмы сексуальное **Donald Trump = hump** (a sexual intercourse, a quickie): Had a **Donald Trump** in the back of the car. Относительно недавно рифма приобрела новое значение **Donald Trump = hump**, a bad mood, a fit of sulks (дурное настроение, тоска, депрессия): My girlfriend is starting to get the right **Donald Trump**. (У подружки портится настроение; начинается депрессия).

Рифма **Donald Trump** заслуживает социокультурного комментария. Вначале она была однозначной. Возникнув в 1990-х годах, рифма соотносилась со словом **dump** в значении an act of defecation. Дж. Грин отмечает, что в основу первоначальной рифмы легло имя Дональда Трампа, который в то время был известен как застройщик (property developer) [12, с. 81] и являлся одним из самых богатых людей в Америке [14, с. 1442]. Благодаря экстравагантному стилю жизни и откровенному стилю общения, а также благодаря своему успешному реалити-шоу «Кандидат», в котором он выступал как исполнительный продюсер и ведущий, Дональд Трамп стал знаменитостью. Вступив в борьбу за пост Президента США 16 июня 2015 года, Трамп неожиданно выиграл президентскую гонку у Хилари Клинтон и стал, таким образом, 45-м президентом США, войдя в историю как самый пожилой президент, и первый в истории США президент без опыта работы в правительстве или опыта военной службы. Также Дональд Трамп считается самым богатым американским Президентом за всю историю существования США. Его президентская кампания проходила под лозунгом “Make America Great Again” и получила беспрецедентное освещение в

американских СМИ. Президентство Трампа отмечено скандалами. В декабре 2019 года Трамп стал третьим президентом в истории США, подвергшимся импичменту из-за серьёзных обвинений в злоупотреблении властью и препятствовании правосудию. Но импичмент не состоялся, так как противникам Трампа не удалось набрать две трети голосов. Более того, британская газета *Financial Times* включила его в список 50 человек, которые определили облик десятилетия. На момент написания данной статьи в США прошли президентские выборы, официальные итоги которых всё ещё не были объявлены спустя три недели, и Трамп долго не признавал своего поражения. 45-й президент США заявил, что проиграет на выборах только в случае нечестных действий со стороны демократов, его соперников. В случае победы на выборах Дональд Трамп пообещал избавиться от зависимости американской экономики от КНР. Тем не менее, фортуна отвернулась от Трампа. Новым президентом США избран представитель Демократической партии Джо Байден, который, таким образом, в возрасте 77 лет, стал старейшим в истории страны президентом на момент избрания.

Среди американских политиков конца XX – начала XXI века в рифмованном сленге зафиксированы также имена Роберта Макнамары, Кондолизы Райс, Джона Маккейна.

Рифма **Macnamare = barrow** (Glasgow Rh. Sl.) обыгрывает имя Роберта Стрэйнджа Макнамары (McNamara, Robert S.), американского политика-республиканца, который был министром обороны США в 1961–1968 годах (при Джоне Кеннеди и Линдоне Джонсоне) [14, с. 815]. Он получил прозвище «Архитектор Вьетнамской войны», так как был её идеологом. Макнамара отвечал за применение системного анализа в государственной политике и, по сути, стоял у истоков дисциплины, которую сегодня называют «политическим анализом». С 1968 по 1981 годы Макнамара занимал пост президента Всемирного банка. В рифме, имеющей помету «характерна для Глазго», ощущается шотландское произношение: **Macnamare = barrer** (т. е. **barrow**).

Имя первой чернокожей женщины на посту госсекретаря США Кондолизы Райс отражает рифма **Condoleezza Rice = price**: Check the **Condoleezza Rice** on that item. (Проверить цену на этот товар). Кондолиза Райс сменила на этом посту Колина Пауэлла, в жилах которого течёт многонациональная кровь. Она стала второй женщиной в истории США (после Мадлен Олбрайт) на посту госсекретаря. Как и Колин Пауэлл, Кондолиза Райт была советником президента по национальной безопасности во время первого срока президентства Джорджа Буша. Кондолиза Райс в разной степени владеет русским, немецким, французским и испанским языками, профессионально играет на пианино; никогда не была замужем. Её считают одной из влиятельнейших женщин-политиков за всю историю США.

На имени американского политика и государственного деятеля Джона Сиднея Маккейна III основана рифма **John McCane = insane** (That bloke's gone **John McCane**). Он представлял Республиканскую партию и был сенатором США от штата Аризона с 1987 года до своей кончины в 2018 году. На выборах Президента США 2008 года Маккейн проиграл кандидату от Демократической партии Баракку Обаме. Джон Маккейн был известен своим резким отношением к российской внешней политике и критическим отношением к политике Президента России Владимира Путина. Маккейн считался одним из наиболее заметных «ястребов» в США. Его позиция по ряду знаковых вопросов внутренней политики (проблемы социального обеспечения, аборт, смертная казнь) носила отчётливо консервативный характер. Известно, что в последние годы своей жизни политик боролся с неизлечимым заболеванием, которое могло быть следствием пыток и избиений, которым он подвергался в лагере военнопленных, когда во время войны во Вьетнаме был сбит управляемый им самолет. Маккейн был освобождён из плена только 15 марта 1973 года, проведя более пяти лет в заключении. Освобождение стало возможным после подписания Парижских соглашений между США и ДРВ, согласно которым американские войска покидали Вьетнам. По ходу изложения заметим, что к слову *insane* в рифмованном сленге есть и другие рифмы, эксплуатирующие имена политиков мирового масштаба, например, **Saddam Hussein = insane** (You must be **Saddam Hussein**), которая первоначально рифмовалась со словом *rain* [12, с. 225].

Рифмованные единицы, созданные на основе прецедентных имён политиков и государственных деятелей, возникли относительно недавно. Например, в современном словаре рифмованного

сленга [9] отсутствуют рифмы *Abraham Lincoln = stinking*; *George Bush = mush*; *Barack Obama = 1) charmer*; 2) *farmer*; 3) *Pyjamas*; *Donald Trump = dump*; *Macnamare = barrow (barrer)*; *Condoleezza Rice = price*; *John McCane = insane* и зарегистрирована только одна – *Eisenhower = shower*. В другом авторитетном словаре [12] из семи рассмотренных выше рифм мы находим только рифму *Donald Trump = dump*.

Приведённый выше обзор показывает, что «засветившихся» в рифмованном сленге американских политиков не так много, зато намного больше имён американских знаменитостей из мира кино, поп-музыки и масс-культуры, причём ономастические рифмы с именами кино-идолов появились несколькими десятилетиями раньше. Приведём примеры в доказательство сделанного утверждения. Так, одна из первых рифм, основанная на имени голливудского киноактёра Эррола Флинна *Errol Flynn = chin*, датируется 1940-ми годами [12, с. 87]. Флинн играл авантюрных героев [14, с. 591]. Его собственная частная жизнь вызывала такое же пристальное внимание, как и его роли. Ряд громких скандалов в течение 1940-х годов испортили актёру его карьеру [7, с. 1056]. Имя американского киноактёра Грегори Пека, получившего Оскар за роль в фильме «Убить пересмешника», отражено в рифме *Gregory Peck = 1) neck* и 2) *cheque* и датируется 1950-ми годами [12, с. 107], австралийская рифма *Betty Grable = a table* датируется тем же периодом [12, с. 33] и эксплуатирует имя американской актрисы, певицы и танцовщицы, пик популярности которой пришёлся на период Второй мировой войны, когда Бетти Грейбл была признана американскими солдатами девушкой №1 с открытки [5, с. 245]. Новые рифмы, ещё не отражённые в словарях [9], [12], – *Richard Gere = 1) queer (homosexual)*; 2) *beer (I'm just going out for a couple of Richards)* и *Marilyn Monroes = toes*. Первая рифма основана на имени Ричарда Тиффани Гира, популярного американского киноактёра, обладателя премии «Золотой глобус» и секс-символа 1980-х и 1990-х годов. Вторая рифма эксплуатирует имя американской киноактрисы, секс-символа 1950-х Мэрилин Монро [14, с. 879], жизнь которой и её трагическая смерть стали публичным спектаклем.

В 1970-90-е годы к рифмам, основанным на именах Голливудских звёзд, добавились рифмы, эксплуатирующие имена кумиров поп-музыки, например, рифма *Stevie Wonder = 1) thunder* [12, с. 241], которая приобрела новое значение 2) *chunder (be sick: I can feel a Stevie coming on)*. Имя популярной американской поп-певицы Бритни Спирс, обладательницы премии «Грэмми», отражает многозначная рифма *Britney Spears (чаще, Britneys) = beers* [12, с. 43], а также *'ears'* и *'tears'* (*Dry away those Britney Spears*). Новая рифма *Billy Ocean = sun tan lotion* эксплуатирует сценическое имя англо-карибского музыканта Лесли Себастиана Чарльза, который является одним из наиболее характерных представителей поп-музыки 1980-х.

Завершая статью, отметим, что британским политикам в отношении рифмованного сленга повезло больше, чем их американским коллегам. Составитель словаря рифмованного сленга Дж. Грин даже составил небольшую шутивную подборку рифм, основанных на использовании имен парламентариев, которую он иронично озаглавил “Dishonorable Members”: *Douglas Hurd = turd/third*, *enoch = towel*, *Harold Macmillan = villain*, *House of Lords = cords*, *John Prescott = waistcoat*, *John Selwyn = bummer*, *Lord Sutch = clutch/crutch*, *Ted Heath = thief/teeth*, *Tony Ben = ten (pounds)*, *Tony Blair = hair* [12, с. 38]. Приведённый список далёк от завершения. Только за последние два десятилетия появились новые рифмы, эксплуатирующие имена нового поколения британских политиков. Социокультурный комментарий списка составил предмет отдельной статьи [8].

Подведём итоги. Мы рассмотрели образцы рифмованного сленга с ономастической основой, представленные именами политических и общественных деятелей современной Америки. К хорошо освоенным и привычным ономастическим рифмам, построенным на именах знаменитостей из мира кино, поп-музыки, массовой культуры и спорта, в последние десятилетия добавились рифмы, иллюстрирующие мир высокой политики.

Прецедентные имена, положенные в основу рифм, актуальны для сознания носителей англоговорящей культуры, входят в их картину мира и современную культурную коллективную память. В список зарифмованных президентов, получивших «прописку» в рифмованном сленге, вошли имена Авраама Линкольна, Дуайта Эйзенхауэра, Джорджа Буша, Барака Обамы и Дональда Трампа. Среди американских политиков конца XX – начала XXI века в рифмованном сленге за-

фиксированы также имена Роберта Макнамары, Кондолизы Райс, Джона Маккейна. В контексте культурной грамотности [13] рифмованный сленг является показательным примером, дающим основания для выводов о значимости той или иной исторической личности в массовом обыденном сознании. В статье [8] мы дали анализ более 20 рифмам по заявленной теме против 8 рифм, представленных в данной статье. Наличие значительно большего количества рифм, эксплуатирующих имена британских политиков, по сравнению с именами американских, мы объясняем рядом причин: носители и пользователи британского рифмованного сленга хорошо знают своих политиков, сам рифмованный сленг зародился на Британских островах, а британский рифмованный сленг остаётся доминирующим среди социально-территориальных вариантов.

© Степанян К.А., Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю., 2021

Список литературы

1. Горшунов Ю. В. Античные, библейские, мифологические и легендарные исторические личности и события в рифмованном сленге // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. №4. С. 1047–1051.
2. Горшунов Ю. В. Герои и злодеи Второй мировой войны в компрометирующих контекстах английской идиоматики и рифмованного сленга // Тенденции развития науки и образования. № 61. Май 2020 (часть 8). С. 22–25.
3. Горшунов Ю. В. Достопримечательности Лондона в рифмованном сленге / Ю. В. Горшунов, Е. Ю. Горшунова // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. №1. С. 168–174.
4. Горшунов Ю. В. Кумиры спорта (теннис) в рифмованном сленге / Ю. В. Горшунов, Е. Ю. Горшунова // Modern Humanities success. №2. 2018. С. 14–16.
5. Горшунов Ю. В. Эвфемизмы в рифмованном сленге: монография. Бирск: БФ БашГУ, 2016. 256 с. (на англ.) = Gorshunov, Yu. V. Euphemistic uses of Rhyming slang: monograph. Birk, Bashkir State University at Birk, 2016. 256 p.
6. Кто есть кто в мире / Гл. ред. Г. П. Шалаева. М.: СЛОВО, Эксмо, 2007. 1264 с.: ил.
7. Новый большой иллюстрированный энциклопедический словарь: М.: «Издательство «АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2004. LIII, [1256] с.: ил., карт.
8. Степанян К. А. Британские государственные, общественные и политические деятели конца XX – начала XXI века в рифмованном сленге [British state, public and political figures of the late 20th - early 21st century in rhyming slang] / К. А. Степанян, Ю. В. Горшунов, Е. Ю. Горшунова // Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 3(23) 2020 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМОУниверситет, 2020. С. 42–47.
9. Ayto J. The Oxford Dictionary of Rhyming Slang. London, 2003. 309p.
10. Franklyn J. A Dictionary of Rhyming Slang. London: Routledge, 1994. 202p.
11. Green J. Cassell's Dictionary of Slang. WS Bookwell, 2003. 1326 p.
12. Green, Jonathon. The Big Book of Rhyming Slang. Cassell, 2002. 334 p.
13. Hirsh E. D. Jr. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. - Boston, 1987. 276 p.
14. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1999. 1568 p.
15. Perkins, D. C. Cockney Rhyming Slang. A Domino Book, 2004. 48p.

References

1. Gorshunov, Yu. V. Antichnye, bibleiskie, mifologicheskie i legendarnye istoricheskie lichnosti i sobytiia v rifmovannom slenge [Biblical, mythological and legendary historical figures and events of the antique times in rhyming slang] // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2017. T. 22. №4. S.1047–1051.
2. Gorshunov, Yu. V. Geroi i zlodei Vtoroi mirovoi voyny v komprometiruiushchikh kontekstakh angliiskoi idiomatiki i rifmovannogo slenga [World War II heroes and villains in compromising contexts of English idioms and rhyming slang] // *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*. № 61. Mai 2020 (chast' 8). S. 22–25.
3. Gorshunov, Yu. V. Dostoprimechatel'nosti Londona v rifmovannom slenge [London places of interest in rhyming slang] / Yu. V. Gorshunov, E. Yu. Gorshunova // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2019. T. 24. №1. S. 168–174.
4. Gorshunov, Yu. V. Kumiry sporta (tennis) v rifmovannom slenge [Sports idols (tennis) in rhyming slang] / Yu. V. Gorshunov, E. Yu. Gorshunova // *Modern Humanities success*. №2. 2018. C. 14–16.
5. Gorshunov, Yu. V. *Evfemizmy v rifmovannom slenge: monografiia*. [Euphemistic uses of Rhyming slang: monograph] Birk: BF BashGU, 2016. 256 s. (na angl.)
6. *Kto est' kto v mire* [Who's Who in the World] / Gl. Red. G. P. Shalaeva. M.: SLOVO, Eksmo, 2007. 1264 s.: il.
7. *Novyi bol'shoi illiustrirovannyi entsiklopedicheskii slovar'* [New large illustrated encyclopedic dictionary]: M.: «Izdatel'stvo «AST»: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: IPTs «Dizain. Informatsiia. Kartografiia», 2004. LIII, [1256] s.: il., kart.
8. Stepanian, K. A. Britanskii gosudarstvennye, obshchestvennye i politicheskie deiateli kontsa XX – nachala XXI veka v rifmovannom slenge [British state, public and political figures of the late XXth - early XX1st century in rhyming slang] /

- K. A. Stepanian, Yu. V. Gorshunov, E. Yu. Gorshunova // *Filologicheskie nauki v MGIMO: Zhurnal*. № 3(23) 2020 / Gl. Red. V.A. Iovenko. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 42–47.
9. Ayto, J. *The Oxford Dictionary of Rhyming Slang*. London, 2003. 309p.
 10. Franklyn, J. *A Dictionary of Rhyming Slang*. London: Routledge, 1994. 202p.
 11. Green, J. *Cassell's Dictionary of Slang*. WS Bookwell, 2003. 1326 p.
 12. Green, Jonathon. *The Big Book of Rhyming Slang*. Cassell, 2002. 334 p.
 13. Hirsh, E. D. Jr. *Cultural Literacy: What Every American Needs to Know*. – Boston, 1987. 276 p.
 14. *Longman Dictionary of English Language and Culture*. Longman, 1999. 1568 p.
 15. Perkins, D. C. *Cockney Rhyming Slang*. A Domino Book, 2004. 48p.

Сведения об авторах:

Степанян Кристина Александровна – старший преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО (У) МИД России, (Россия, г. Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика, языкознание, обучение иностранным языкам, лингвокультурология, лингвострановедение, английский язык. E-mail: stepanyan.k@inno.mgimo.ru

Горшунов Юрий Владимирович – доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного университета (Бирский филиал) (Россия, г. Бирск). Сфера научных и профессиональных интересов: общее и частное языкознание, социолингвистика, словообразование, лексикология, ономастика, фразеология, семантика, стилистика, прагматика, риторика, английский язык. E-mail: gorshunov_@rambler.ru

Горшунова Елизавета Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент РАНХиГС (Россия, г. Москва), Сфера научных и профессиональных интересов: общее и частное языкознание, социолингвистика, словообразование, лексикология, ономастика, фразеология, семантика, стилистика, прагматика, риторика, английский язык. E-mail: ms.gorshunova@gmail.com

About the authors:

Kristina Stepanyan – Assistant Professor of MGIMO University Moscow, Spheres of research and professional interest: English teaching, cultural linguistics, E-mail: stepanyan.k@inno.mgimo.ru

Yurij Gorshunov – Doctor of Philology, professor of Bashkir State University at Birsk, (Russia, Birsk), Spheres of research and professional interest: English, teaching, cultural linguistics, E-mail: gorshunov_@rambler.ru

Elizaveta Gorshunova – PhD, Associate Professor of RANEPa Moscow, Spheres of research and professional interest: English, teaching, cultural linguistics, E-mail: ms.gorshunova@gmail.com

* * *

PROFESSIONAL ESSAY IN LAW AS A TYPE OF DISCOURSE: ARGUMENTATIVE ASPECT

E.L. Tunitskaya

Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 6a,
Vorobyovskoe shosse, Moscow, 119285

N.P. Khomiakova

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The authors of the article introduced the term 'a professional essay' by which is meant a genre of scientific academic discourse. A professional essay in law is a variant, which is characterized by its specific argumentation based on formal and dialectical logic. The formal logic is based on the principles of syllogism. At the same time, one should not equate the logic of discourse with its linguistic structure. For example, the functioning of discursive connectors in the process of argumentation occurs according to the laws of language and is described on the basis of its linguistic specifics (breadth and contextual conditionality of meaning, contextual synonymy, etc.)*

Key Words: *professional essay, professional essay in law, juridical reasoning, academic discourse, specific argumentation, formal logic, dialectical logic, syllogism, discursive connector*

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЭССЕ В ОБЛАСТИ ПРАВА КАК ВИД ДИСКУРСА: АРГУМЕНТАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Е. Л. Туницкая

ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации»
Москва, 119285, Воробьевское шоссе, 6а.

Н. П. Хомякова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, 119454, проспект Вернадского, 76

Аннотация. Понятие профессионального эссе было выдвинуто авторами настоящей статьи как жанра научного академического дискурса. Профессиональное эссе в области права представляет его разновидность, которая характеризуется специфической аргументативной направленностью, включающей формальную логику и диалектическую логику. Формальная логика основывается на принципах силлогизма. В то же время не следует отождествлять логику дискурса и его языковую структуру. Например, функционирование дискурсивных коннекторов в процессе аргументации происходит по законам языка и описывается с учётом их языковой специфики (широта и контекстуальная обусловленность значения, контекстуальная синонимия и т.п.)

Ключевые слова: профессиональное эссе, профессиональное эссе в области права, юридическое рассуждение, научный академический дискурс, аргументативная направленность, формальная логика, диалектическая логика, силлогизм, дискурсивный коннектор

В своих предшествующих публикациях [3; 4] авторы настоящей статьи выдвинули понятие *профессионального эссе*, под которым понимается научное произведение, создаваемое в процессе познавательной деятельности субъектов науки особой категории – студентов-нефилологов, предпринимающих свои первые попытки написания исследовательских работ на родном и иностранном языках, адресованное соответствующему компетентному дискурсивному сообществу – преподавателям данного учебного заведения [4, с. 20].

В соответствии с его коммуникативной целеустановкой, композиционными формами и тематической одноплановостью, профессиональное эссе соотносится авторами с академическим подтипом научного дискурса и определяется как его особая разновидность. Было показано также, что профессиональное эссе это *кросскультурное родовое* понятие по отношению, с одной стороны, к таким его видовым коррелятам, как курсовая работа и выпускная квалификационная работа, характеризующих российскую образовательную культуру, а с другой стороны, по отношению к концептам *Dissertation* и *Mémoire de recherche*, присущих сопоставляемой французской интеллектуальной культуре.

Таким образом, с точки зрения объекта, речь идёт о создании русскоязычными студентами дебютных исследовательских работ на изучаемом ими языке, в нашем случае французском. В идеале их произведения должны отвечать всем критериям и требованиям, предъявляемым к работам данного академического типа (подтипа) во французских вузах.

Одновременно авторами были выделены специфические структурно-дискурсивные характеристики *профессионального эссе в области права*, которое носит композитный характер и включает две дискурсивные составляющие – научную и правовую. Первая из них генерирует определённую совокупность текстовых образований/ функционально-семантических типов речи, присущих научному дискурсу (сообщение, дефиниция, сравнение, толкование, доказывание), а вторая представлена различными разновидностями правового дискурса (законодательного, судебного, договорного).

Указанная совокупность дискурсивных элементов обеспечивает доминирующую *аргументативную* направленность речевого произведения, создаваемого правоведами [5; 7; 12; 13].

Объём статьи позволяет охарактеризовать лишь аргументативный аспект правового эссе, отвлекаясь от его терминологического аспекта и иных дискурсивных характеристик.

В настоящей статье предлагается углублённый анализ сути юридического рассуждения как сугубо аргументативного процесса, имеющего целью создание профессионального эссе в области права. Он осуществлён нами на примере французского языка и применительно к студентам-юристам, изучающим международное право, что предполагает знание элементов гражданского права, договорного права, европейского права, международного частного права, международного унифицированного права. Обозначенная цель настоящей статьи обязывает нас в первую очередь

напомнить о том, что российская и французская доктрины выдвигают совпадающие характеристики речемыслительных процессов, присущих работникам юридического труда, обусловленных спецификой выполняемой ими профессиональной деятельности.

Так, юрист-логик В. П. Малахов высказывает мысль о специфике юридического мышления, которое он квалифицирует как логико-формальное, что определяется самой природой права [1, с. 210].

Аналогичную позицию занимает французский юрист Пьер Сандевуар, утверждающий, что право как отрасль науки является «особым способом мышления, разрешения проблем» ... [13, с. 105]. Этот автор также отмечает, что рассуждения и действия юриста любой специализации обусловлены «юридической логикой».

Все эти факторы находят отражение в создаваемых юристами речевых формах: в обвинительной речи прокурора, в защитительном выступлении адвоката, в решении, вынесенном судьёй, в исследовании, представленном учёным.

Характерно, что французская доктрина использует понятие юридического рассуждения в описании всех разновидностей речевых произведений, созданных правоведами. Так, по мнению Пьера Сандевуара, «вся техника права – науки нормативной – вращается вокруг рассуждения» [13, с. 107; 11, с. 7].

Все вышеуказанные авторы, признавая, что юридические рассуждения различаются в зависимости от выполняемой деятельности (деятельность судьи, адвоката, научного исследователя, юрисконсульта) [13], подчёркивают доминирующую черту, присущую любому виду юридического рассуждения – его логический и дедуктивный характер, обуславливающий его специфическую аргументативность [5; 7; 8; 11; 12; 13].

В этой связи эквивалентными обозначениями рассматриваемого понятия во многих работах французских исследователей становятся выражения – логическое рассуждение, дедуктивное рассуждение, аргументативное рассуждение (*raisonnement logique*, *raisonnement déductif*, *raisonnement argumentatif*), которое противопоставляется диалектическому рассуждению (*raisonnement dialectique*), практикуемому авторами литературных и философических трудов [5; 12]. Указанное сущностное качество юридического рассуждения учёные связывают с тем, что оно основано на постоянном сопоставлении определённых норм права с конкретными фактами и ситуациями, по поводу которых надлежит сделать логический и достоверный вывод. Юрист призван доказательно разъяснить и расположить концепции, принципы, синонимы, вытекающие из заданных норм, которые он полагает правомерным применить. В этой связи в его сознании неизменно происходит переход от права к фактам и наоборот, где факты подлежат рассмотрению на основе положений права, а право применяется с целью рассмотрения этих фактов. Задача юриста состоит в том, чтобы выявить и обосновать это соответствие [5, с. 135, 136].

Очевидно, юридическое рассуждение должно иметь логическую основу, соответствующую нормативным функциям и применению права, что уменьшит риск субъективности и неточности в оценке явлений [13, с. 145].

Такое рассуждение, по строгости напоминающее математическое, основывается на использовании жёстких методов формальной логики и дедукции, на принципе силлогизма [5; 7; 11; 13]. Этот принцип состоит в том, что если какая-либо ситуация или факты рассматриваются в соответствии с определённой нормой права, положением закона, регламента или договора, то эта ситуация или факты должны в обязательном порядке регулироваться той же нормой или положением.

Структура силлогизма показана нами в следующей таблице, включающей большую посылку (правовую норму, закон), меньшую посылку (изложение ситуации, фактов) и вывод. Наиболее очевидно и последовательно рассматриваемый принцип используется в судебном постановлении. Вывод жёстко привязан и вытекает из предшествующих эксплицитно или имплицитно выраженных силлогических умозаключений. Он являет собой вердикт, который устанавливает, удовлетворил ли суд на основании представленных положений действующего права исковую жалобу или её отклонил.

Приведём пример силлогического рассуждения, лежащего в основе вынесенного судебного решения, представив фрагменты постановления Кассационного суда №05-17741 от 9.1.2002, где большая посылка обусловлена положениями регламента №44/2001 Европейского союза от 2000 года «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам».

Силлогизм, обуславливающий мотивацию судебного решения	
Посылки: Большая: В сфере международного права статья 23 Регламента (СЕ) по 44/2001 от 20.12.2000 признает действительность оговорки об исключительной подсудности на том лишь основании, что одна из сторон домицилирована в государстве-члене ЕС и указанный юрисдикционный орган находится на территории государства-члена; Меньшая: Компания Люксембург (акционерное общество) подала на господина Х..., имеющего французское гражданство и проживающего в Лондоне, иск в торговый суд Парижа, в соответствии с оговоркой об исключительной подсудности, включённой в приложение к договору, заключённому между г. Х... и указанной компанией в 1997; Г-н Х... критикует обжалуемое постановление апелляционного суда, подтвердившее решение нижестоящей судебной инстанции за то, что оно признало юрисдикцию торгового суда Парижа по рассмотрению данного спора. Заключение: является правомерной оговорка об исключительной подсудности, предоставляющая юрисдикцию торговому суду Парижа, на которую дали обоюдное согласие люксембургская компания и г-н Х..., французский гражданин, проживающий в Лондоне, даже если последний не имеет статус коммерсанта; Апелляционный суд надлежащим образом обосновал своё решение; На этом основании: Кассационный суд отклоняет жалобу	Les règles de droit: Majeure: En matière internationale, l'article 23 du Règlement (CE) no 44/2001 du Conseil du 22 décembre 2000 reconnaît la validité de la clause attributive de juridiction aux seules conditions que l'une des parties au moins soit domiciliée dans un Etat signataire et que la juridiction désignée soit celle d'un Etat contractant; Mineure: La société Luxembourg SA, a assigné M. X..., de nationalité française et domicilié à Londres, devant le tribunal de commerce de Paris, en application d'une clause attributive de juridiction contenue dans un «protocole» de 1997; M. X... fait grief à l'arrêt confirmatif attaqué d'avoir dit que le tribunal de commerce de Paris était compétent pour statuer sur le litige. Conclusion : La clause attributive de compétence convenue entre une société luxembourgeoise et un Français, même non commerçant, résidant à Londres, donnant compétence au tribunal de commerce de Paris, est valable; La cour d'appel a légalement justifié sa décision; Par ces motifs La Cour de cassation rejette le pourvoi

Пьер Сандеуар сопоставляет силлогизм с методами формальной логики, которая является неотъемлемой составляющей юридической логики в целом [13, с. 214].

Жан-Луи Бержель прибегает к выражению «жёсткая логика силлогизмов» (la logique rigoureuse des syllogismes) и утверждает, что без неё решения юристов превратились бы в произвол [5, с. 147].

Как это было указано выше, формальная логика присуща в той или иной степени любому виду юридического рассуждения. Применительно к рассуждению, имеющему целью создание творческого произведения – профессионального эссе в области права, – обращение к силлогическим умозаключениям будет обусловлено выбором темы исследования. Если она связана с анализом какой-либо концепции, содержания законодательства, то такой выбор обязывает автора прибегнуть к сопоставлению различных правовых норм, нормативных положений, воспроизвести в своей работе фрагменты судебных постановлений, используя силлогизмы.

Кроме того, принципы формальной логики лежат в основе важнейшей функции юриста, характеризующей его речевое поведение, каковой является **функция толкования**.

Существенно добавить, что французская правовая доктрина солидарно квалифицирует логико-коммуникативную процедуру толкования как первую по значимости в юридическом рассуждении: она влияет и обеспечивает специфическую аргументативность в целом такого рассуждения.

Так, Пьер Сандеуар рассматривает толкование как фундаментальную деятельность юриста в рамках романо-германской правовой системы [13, с. 139]. Процедуру толкования он связывает с выявлением точного смысла представленных фактов, установлением очевидности того, что кажется двусмысленным или запутанным [цит. работа, с. 140].

Целенаправленность процедуры толкования была изучена Жераром Корню (Gérard Cornu), который выделяет следующие случаи её применения:

- подтверждение правомерности применения какой-либо нормы права;

- установление сферы применения какой-либо нормы права;
- анализ какой-либо практической ситуации, то есть констатация какого-либо факта, юридическая квалификация;
- вывод в форме заключения или решения: в этом случае рассуждение опирается на правила формальной логики – принцип силлогизма [7, с. 709].

Присоединяясь к нашим зарубежным коллегам в их оценке процедуры толкования и апеллируя к собственному опыту изучения исследовательских работ французских авторов разного уровня ответственности – от уровня *Dissertation juridique* до уровня *Thèse de doctorat*, отметим следующее: не будет преувеличением констатировать, что ни одна из них не обошлась без обращения к процедуре толкования, применительно к какому-либо из вышеуказанных случаев её направленности. Приведём, в этой связи, два примера рассматриваемого вида речевого сообщения, один из которых заимствован из *Dissertation juridique* под названием «*La propriété du dessus*» (Право собственности владельца земельного участка на то, что находится на этом участке) [10], а другой из *Mémoire de DEA*, озаглавленного «*Le rapprochement du droit européen des contrats, enjeux et perspectives*» (Сопоставление положений европейского договорного права, вызовы и перспективы) [6].

Цитируемая нами ниже *Dissertation juridique* посвящена проблематике имущественного права. Объектом толкования в ней выступают статьи 552, 553, 554 гражданского кодекса Франции, которые закрепляют право владельца земельного участка на приращённую стоимость. Оно направлено на то, чтобы сфокусировать объём права такого владельца, выявив то, на что он права не имеет. С этой целью толкование эксплицируется путём использования глаголов, обладающих модулем полагания, волеизъявления и оценивания, занимающих начальную позицию в предложении. Они вводят в создаваемое текстовое образование те фрагменты собственно нормативных актов, которые и являются предметом обсуждения:

«*Tirant les conséquences de l'attribution de la propriété du «dessus» au maître du sol, l'article 552, al.2 du Code civil précise que (см. 552 §2 Гражданского кодекса уточняет, что) le propriétaire peut faire au-dessus toutes les plantations et constructions qu'il juge à propos.*»;

«*L'article 553 décide que (см. 553 устанавливает, что) toutes constructions, plantations et ouvrages sur un terrain... sont présumés faits par le propriétaire à ses frais et lui appartenir*»...;

«*Quant à l'article 554, il oblige le propriétaire d'un terrain (что касается стп.554, то она обязывает собственника участка) qui a utilisé, pour construire, des matériaux ne lui appartenant pas, à les payer...*»

Эти посылки обуславливают последующий вывод, который логично из них вытекает, образуя дедуктивное рассуждение в форме силлогизма. Вывод приносит искомый ответ на обозначенную проблему:

«*La propriété du «dessus» dont il est question est donc la propriété des bâtiments ou des végétaux, non celle de l'air ou de l'espace (право собственности на то, что находится на земле, о котором идёт речь, включает, таким образом, право собственности на постройки и насаждения, но не на то, что находится в воздухе и в окружающем пространстве)*»;

«*Il résulte d'une telle analyse (из этого анализа следует) que le propriétaire d'un terrain ne saurait s'opposer au survol de son bien par des aéronefs: il n'y a pas atteinte à son droit, dès lors que la faculté de bâtir ou planter sur son domaine n'est en rien affectée.*»

Отметим, что заключительный этап процедуры толкования, представляющий собой выводы из развёрнутого дедуктивного рассуждения, конструируется при помощи выделенных выражений, со значением обобщения, подтверждения, завершения.

Перейдём к рассмотрению второго примера толкования нормативных актов, заимствованного из выше обозначенного *Mémoire de DEA*, где использование данного типа речевого сообщения также подчинено общей логике развёртывания текста научного произведения.

Этот пример интересен, прежде всего, подробным описанием правовой ситуации (меньшая посылка), которая стоит во главе всей дедуктивной цепочки и обуславливает её развёртывание. В ситуации речь идёт о последовательном сближении законодательств стран ЕС в области договорного, акционерного, уголовного, а также процессуального права. Сотрудничество в этой последней области права всё шире опирается на феномен «коммунитаризации», то есть унификации норм права на основе регламентов и директив. Приводим фрагмент этого описания:

«...S'il est beaucoup question de rapprochement en matière de droits des contrats, il s'agit en fait d'une évolution actuelle du droit communautaire qui s'inscrit dans un cadre plus général. Ce mouvement se retrouve dans des domaines aussi variés que le droit des marchés publics, le droit des sociétés ou le droit pénal» [6, с. 8].

Далее автор исследования приступает к истолкованию статей 61 и 65 договора об учреждении Европейского Экономического Сообщества (большая посылка), призванных повлиять на представленную правовую ситуацию. При этом специфично, что оно буквально срастается с процедурой описания правовой ситуации (меньшая посылка), поскольку автор лишь называет нужные статьи, но не цитирует их, как если бы он был уверен в том, что компетентный читатель конечно же их знает, – приём использования усечённого силлогизма, характерный для профессионального эссе в области права указанного уровня. Толкование обозначенных актов автор осуществляет, выявляя их значимость с точки зрения принятия мер, обеспечивающих коммунитаризацию профессионального права:

*«Il résulte de la combinaison des articles 61 c et 65 du traité CE que le Conseil **doit arrêter** les mesures permettant **d'améliorer et de simplifier** la coopération en matière d'obtention des preuves. **C'est ainsi qu'a été pris** un règlement le 28 mai 2001 relatif à la coopération entre les juridictions des Etats membres dans le domaine de l'obtention des preuves en matière civile ou commerciale.»* [6, с. 8].

Как явствует из представленного текста, автор весьма категорично обозначает в нём, через посредство толкования, свою позицию, касающуюся действенности и последствий обсуждаемых нормативных актов. С этой целью он прибегает к использованию ряда глаголов и выражений, обладающих волятивным модусом: *devoir arrêter les mesures* (быть должным установить необходимые меры); *prendre un règlement* (принять регламент); *avoir pour vocation de privilégier l'entraide judiciaire* (быть предназначенным для того, чтобы обеспечить приоритет юрисдикционной взаимопомощи); *interdire toute fluidité spatiale* (запретить всякую нестабильность в рассматриваемой правовой сфере).

Процедура толкования завершается не менее категоричным и очевидным выводом, обязательность выполнения которого передаётся автором через использование волятивного выражения «*être nécessaire*».

*«Or, la liberté de circulation des mesures d'instruction, comme celle des personnes ou des capitaux, **est nécessaire** au bon fonctionnement du marché commun.»*

Таким образом, приведённый пример процедуры толкования, основанный на правилах силлогизма, убеждает в том, что эти правила могут видоизменяться (порядок представления большей и меньшей посылок; усечённость первой из них и развёрнутость второй), что отнюдь не умаляет распространённости и эффективности такого вида толкования в научных произведениях рассматриваемого профиля.

Подчеркнём повторно, что представители французской доктрины неизменно рассматривают толкование как важнейшую составляющую общей аргументативной направленности юридического рассуждения. Функция аргументирования, по убеждению этих учёных, носит главенствующий и собирательный характер применительно к рассматриваемой категории профессионалов. Она состоит не только в жёстком и доказательном предъявлении норм и фактов, но и в умении убеждать, которое образует её вторую, также очень важную составляющую [5; 13].

В этой связи Пьер Сандевуар выделяет два подвида юридической аргументации: рациональная аргументация опирается на методы формальной или конкретной логики, а менее рациональная состоит в убеждении [13, с.173-175].

Юрист-лингвист Жерар Корню, защищая, по сути, идентичную позицию, выделяет в юридическом толковании два направления. Одно из них связано с применением процедуры формальной логики (*l'opération qui s'appuie sur la logique formelle*) и состоит в приложении норм права к конкретной ситуации (*l'application d'une règle de droit à un cas*), а другое предполагает создание и выдвижение доводов в рамках аргументативной процедуры (*plus spécialement argumentation: élaboration et agencement de raisons*) [7, с. 709].

Жан-Луи Бержелъ убеждает в том, что поскольку право регулирует ситуации, связанные с человеческим и социальным фактором, а не только с абстрактными нормами, оно не может быть сопряжено лишь с жёстким «математическим» рассуждением. Юридическое рассуждение это комплексное рассуждение, охватывающее совокупность доводов, число, качество и выдвижение которых направлено на то, чтобы достичь убеждения [5, с. 135-137].

Представленные позиции позволяют заключить, что аргументативность творческих исследовательских работ в области права опирается также и на диалектическую логику и широко черпает из риторической науки.

Формальная логика и логика диалектическая обеспечивают композицию дискурса – чередование разделов, последовательность подразделов и абзацев. Но при анализе юридического дискурса важна и его языковая форма.

Об этом напоминает, например, французский исследователь М. – Л. Матье – Изорш [11]. Выполняя исследование в русле логики, учёный, тем не менее, справедливо подчёркивает, что любой аргумент работает лишь в определённом ситуативном контексте. Связку «контекст – аргумент» автор именует термином «*moule argumentative*», имея в виду, что аргумент каждый раз словно заливается в определённую форму, которая зависит от аудитории, на которую надо воздействовать. По мнению М. – Л. Матье – Изорш, аргументирующий должен оттолкнуться от положения, которое данная аудитория готова принять, чтобы привести её к нужному выводу по формуле «если А, то Б». Таким образом, успех аргументации обусловлен предварительным принятием аудиторией определённого исходного суждения. Подобное принятие может быть обеспечено авторитетом самого убеждающего, авторитетом третьего лица или закона, на который убеждающий ссылается, данными статистики, ссылкой на исторический факт, на общепринятую точку зрения и т.п.

Эти соображения напрямую адресуют нас к известному положению лингвопрагматики о presupпозиции как условию успешной коммуникации. Таким образом, исследование специфики юридического рассуждения переводит описание в сферу языкознания. По данному аспекту М. – Л. Матье – Изорш высказывается вполне определённо: нельзя впрямую отождествлять логику и языковую семантику. Исследование логики построения юридического рассуждения должно сочетаться с анализом языковой структуры правового дискурса.

Научный дискурс носит дискуссионный характер, а поэтому даёт богатый материал для изучения роли языка в аргументации. Не пытаясь дать исчерпывающий перечень языковых единиц, оформляющих рассуждение, назовём в качестве примера средства актуального членения высказывания единицы с модальным значением, рассмотренные выше. Но в первую очередь обращают на себя внимание дискурсивные, или прагматические коннекторы, относящиеся к различным частям речи и обеспечивающие формальную и смысловую связанность предложений и их частей, а также сверхфразовых единств.

Рассмотрим функционирование коннекторов в научном правовом дискурсе на примере аутентичной магистерской диссертации [6]. Данные языковые единицы легко вычлениваются в тексте, что облегчает научное наблюдение и позволяет ответить на вопрос, какие связующие единицы наиболее употребительны в правовом дискурсе и в чём их специфика.

Дискурсивные коннекторы продуктивно изучать с опорой на аргументативную теорию О. Дюкро и Ж.-П. Анскомбра [9]. Преимущество подхода французских исследователей заключается в движении от формы к содержанию: от практического наблюдения над функционированием дан-

ных языковых единиц в дискурсе к обобщениям и выводам. Аргументативная теория О. Дюкро позволяет учесть широкозначность дискурсивных коннекторов, зависимость их семантики от контекста, она не исключает учёт в описании регистра речи и особенностей авторского словоупотребления¹.

Следует подчеркнуть, что виртуальный диалог полемического характера рассматривается в рамках данной теории вовсе не как транскрипция дискуссии с реальным оппонентом: автор научного дискурса излагает заведомо неверное или неточное, недостаточно аргументированное суждение, которое затем опровергается или дополняется, а аудитория призвана разделить логику опровержения или дополнения и таким образом прийти к верному выводу. Причём в научном дискурсе довольно часто не уточняется имя реального оппонента в этом полемическом диалоге, а сам диалог рассматривается как приём аргументации и как способ лингвистического описания.

Анализ названной монографии указывает на многочисленность используемых дискурсивных коннекторов, причём автор явно отдаёт предпочтение одним, используя их многократно в ущерб прочим. Статистически наиболее употребительными в магистерской диссертации оказались коннекторы: *ainsi, mais, car, toutefois, en effet*.

Например, уступительное союзное наречие *toutefois* употреблено 7 раз на 25-и страницах, а близкие по значению *tout de même* и *néanmoins* – один раз, причём лишь для того, чтобы избежать повторного употребления одной и той же единицы в рамках одного абзаца. Объём проведённого исследования не позволяет определить, является ли этот выбор характерным для жанра профессионального юридического эссе или он в большей степени отражает личные авторские предпочтения. Тем не менее, очевидно, что учёт жанровых и индивидуальных особенностей употребления языковых единиц в исследовании языка профессионального эссе необходим.

«*Mais comme nous l'avons vu, les modalités de ce rapprochement sont multiples, elles relèvent essentiellement des règlements et des directives. Toutefois (тем не менее, однако), une harmonisation souple est souvent privilégiée car le droit communautaire obéit aux principes de subsidiarité...*» [6, с. 7].

Попутно, применение аргументативного подхода позволяет, в ряде случаев, уточнить семантику и функцию того или иного коннектора. Так, коннектор *toutefois*, служит не для опровержения предшествующего суждения, приписываемого виртуальному оппоненту, а для снятия самого противоречия между первым и вторым суждением: и то, и другое верно в определённых рамках. Для опровержения первого суждения использовались бы дискурсивные наречия *en fait, en réalité* (на деле, в реальности).

Широкозначность и наличие у дискурсивных коннекторов контекстуально зависимых значений можно проиллюстрировать употреблением наречия *ainsi*. Сравним:

«*Comme il (le consommateur) ne se sent pas en sécurité, il préfère se contenter de ce que lui offre son marché national. Ainsi (= c'est pourquoi, donc, par conséquent), une grande partie de consommateurs est exclue des avantages que représente le marché unique* [6, с. 16].

«*Selon les auteurs, ces différents types de rapprochement ne sont pas définis de la même manière, ainsi (=par exemple, en effet), le Vocabulaire Capitaine retient qu'une harmonisation peut consister à «unifier des ensembles législatifs différents.... »* [6, с. 4].

Если в первом примере контекст актуализирует семантику вывода, то во втором – значение доказательного примера, иллюстрации.

Одновременно, приведённые выше примеры удачно иллюстрируют явление контекстуальной синонимии дискурсивных коннекторов.

Употребление распространённого в правовом дискурсе союзного наречия *en effet* также удачно иллюстрирует положение о синонимии коннекторов и контекстуальной обусловленности их семантики.

¹ Отметим, что формальное отсутствие коннекторной связи (бессоюзное предложение) не препятствует аргументативному анализу, поскольку позволяет опираться на смысл соположенных частей высказывания.

Так, в предшествующем высказывании *en effet* служит для подтверждения авторского суждения через использование примера; тогда как ниже, используя *en effet*, автор аргументирует свою позицию, указывая на причину события, обычно общеизвестную:

*«Il est temps de songer à une unification des règles juridiques de plusieurs pays, **en effet (=car)**, la disparité des lois nationales semble incompatible avec la multiplication des échanges [6, с. 3]».*²

Что касается коннектора *car* (ибо), то его употребительность в правовом дискурсе подтверждает прежде всего необходимость учёта регистра речи, в данном случае – официального, в анализе единиц данного класса.

Кроме того, применение аргументативного подхода и в этом случае позволяет уточнить семантику и функцию союза. В ряде изданий *car* рассматривается как квази-синоним *parce que*, занимающий ту же позицию в высказывании и отличающийся лишь отнесением к официальному регистру речи. На деле, у этих коннекторов разная пресуппозиция: *car* обычно указывает на общеизвестную причину, наличие которой не требует доказательства, тогда как *parce que* вводит суждение причины, которое аудитория может воспринять как необоснованное. В таком случае, удачной синонимической заменой *car* в контексте научного правового дискурса будет *en effet* или *puisque*. Впрочем, *puisque* в анализируемом материале практически отсутствует, ввиду, как нам представляется, его большей разговорной направленности.

*«Le bilan de ce mode de rapprochement est globalement insuffisant **car (=en effet et ce que vous connaissez bien)** ces conventions n'ont de valeur qu'une fois ratifiées... Puis dans leur application, des atteintes peuvent être portées à l'unification **car (=en effet et ce que vous connaissez bien)** les juges nationaux ont des interprétations différentes des textes » [6, с. 5-6].*

Нами было отмечено, что контекстуально обусловленное значение коннектора может также стать основным в данном типе дискурса или у данного автора. В частности, союз *si*, передающий, прежде всего, условное значение, в рассматриваемом дискурсе не указывает на условие, а употребляется преимущественно как контекстуальный синоним сложного коннектора *même si* в значении возможности, допущения. Взаимодействие с коннектором *tout de même* обеспечивает всему высказыванию в целом уступительное значение.

*«Si le commerce transfrontalier implique des dépenses supplémentaires pour les entreprises, celles de grande taille y trouvent **tout de même** un avantage incontestable...» [6, с. 14].*

Таким образом, аргументативная функция языковых единиц не изоморфна логике, хотя служит для её выражения, но требует отдельного изучения с учётом собственно лингвистических закономерностей широкозначности, контекстуальной обусловленности и взаимовлияния, синонимии, маркированности по регистру речи, авторскому словоупотреблению. Формирование умения использовать языковые средства построения дискурса (рассуждения) – одна из задач курса обучения языку профессии.

Заключая статью, подчеркнём, что феномен профессионального эссе в области права был в ней рассмотрен в дихотомическом плане – как разновидность жанра научного академического дискурса и одновременно как речевое произведение, олицетворяющее его итоговое воплощение. В этом рассмотрении акцент был сделан на специфику его аргументативности, которая состоит в генерировании элементов формальной/дедуктивной логики, присущей правовой науке и элементов диалектической логики, характеризующей собственно научное исследование. В этой связи французская доктрина соотносит речевые произведения, создаваемые представителями различных юридических профессий, с различными видами рассуждений, которые варьируют в соответствии с каждой профессией. Авторы статьи охарактеризовали одну из таких разновидностей речевого произведения – профессиональное эссе в области права, включив в рассмотрение и его собственно языковые параметры (аргументативные коннекторы).

© Туницкая Е.Л., Хомякова Н.П., 2021

² Более подробно функционирование широкозначного коннектора *en effet* рассматривается в статье Е.Л. Туницкой [2]:

Список литературы

1. Малахов В.П. Логика для юристов. М.: Академический проект, 2002. 387с.
2. Туницкая Е.Л. Сопоставительный анализ дискурсивных коннекторов “en fait” и “en effet” во французском языке// Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Выпуск 2 (818). М.: МГЛУ, 2019. С. 114 – 128.
3. Хомякова Н.П. Профессиональное эссе как одна из базовых технологий формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов-нефилологов//Ежегодный сборник статей преподавателей иностранных языков ВАВТ. М.: ВАВТ, 2019. С. 89-99.
4. Хомякова Н.П., Туницкая Е.Л. Французский научный академический дискурс как аспект курса по иностранному языку специальности в вузах нефилологического профиля. Монография. М.: Языки народов мира, 2020. 170 с.
5. Bergel J.-L. Méthodologie juridique. Droit privé. P.: PUF, 2001. 140 p.
6. Clermont M. Le rapprochement du droit européen des contrats : enjeux et perspectives. Mémoire de DEA– Lille, École doctorale des sciences juridiques, politiques, économiques et de gestion, 2003. 177p.
7. Cornu G. Vocabulaire juridique. P.: Presse Universitaires de France, 2007. 925 p.
8. Damette E., Dargirolle F. Méthode de français juridique. P.: Dalloz, 2012. 360 p.
9. Ducrot O. Opérateurs argumentatifs et visée argumentative// Cahiers de linguistique française. Genève, 1983. №5. P. 36-54.
10. Goubeaux G., Bihl Ph. Les épreuves écrites en droit civil: Dissertation, Consultation, Commentaire d'arrêt. P.: L G D J, 2001. 269 p.
11. Mathieu Izorche M.-L. Le raisonnement juridique. P.: PUF. 2001. 439 p.
12. Pansier F.-Y. Méthodologie du droit. P.: Litec, 2015. 210p.
13. Sandevor P. Introduction au droit. P.: Dunod, 1991. 320p.

References

1. Malakhov, V.P. *Logika dlia iuristov* [Logic for lawyers]. M.: Akademicheskii proekt, 2002, 387s.
2. Tunitskaya E.L. Sopostavitel'nyi analiz diskursivnykh konnektorov “en fait” i “en effet” vo frantsuzskom iazyke [Comparative analysis of discourse connectors “en fait” and “en effet” in French]// *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. Vypusk 2 (818). M.: MGLU, 2019. S. 114–128.
3. Khomiakova, N.P. Professional'noe esse kak odna iz bazovykh tekhnologii formirovaniia inoyazychnoi kommunikativnoi kompetentsii studentov-nefilologov [Professional essay as one of the basic technologies for the formation of foreign language communicative competence of non-philological students] // *Ezhegodnyi sbornik statei prepodavatelei inostrannykh iazykov VAVT*. M.: VAVT, 2019. S. 89–99.
4. Khomiakova, N.P., Tunitskaya E.L. *Frantsuzskii nauchnyi akademicheskii diskurs kak aspekt kursa po inostrannomu iazyku spetsial'nosti v vuzakh nefilologicheskogo profilia. Monografiya* [French scientific academic discourse as an aspect of a foreign language course in a specialty in non-philological universities]. M.: Iazyki narodov mira, 2020. 170 s.
5. Bergel, J.-L. *Méthodologie juridique. Droit privé*. P.: PUF, 2001. 140 p.
6. Clermont, M. *Le rapprochement du droit européen des contrats : enjeux et perspectives*. Mémoire de DEA – Lille, École doctorale des sciences juridiques, politiques, économiques et de gestion. 2003. 177p.
7. Cornu, G. *Vocabulaire juridique*. P.: Presse Universitaires de France, 2007. 925 p.
8. Damette, E., Dargirolle, F. *Méthode de français juridique*. P.: Dalloz, 2012. 360 p.
9. Ducrot, O. Opérateurs argumentatifs et visée argumentative// *Cahiers de linguistique française*. Genève. 1983. №5. P. 36-54.
10. Goubeaux, G., Bihl, Ph. *Les épreuves écrites en droit civil: Dissertation, Consultation, Commentaire d'arrêt*. P.: L G D J. 2001. 269 p.
11. Mathieu Izorche, M.-L. *Le raisonnement juridique*. P.: PUF. 2001. 439 p.
12. Pansier, F.-Y. *Méthodologie du droit*. P.: Litec. 2015. 210 p.
13. Sandevor, P. *Introduction au droit*. P.: Dunod. 1991. 320 p.

Сведения об авторах:

Тунцкая Елена Леонидовна – доктор филологических наук, доцент профессор кафедры романо-германских языков ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации». Специальность – 10.02.05 – Романские языки.
E-mail: thon@list.ru; ETunitskaya@vavt.ru

Хомякова Наталья Петровна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры французского языка МГИМО. Специальность: 13.00.02. – Теория и методика обучения и воспитания (иностраннные языки). E-mail: khomiakova4340@gmail.com

About the authors:

Tunitskaya E.L. – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Romance-Germanic Languages of the Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Speciality – 10.02.05 – Romance languages. E-mail: thon@list.ru; ETunitskaya@vavt.ru

Khomiakova N.P. – Ed. Doctor, Associate Professor of the Department of the French Language at Moscow State Institute of International Relations (University). Speciality – 13.00.02. – Theory and Methods of Teaching and Education (foreign languages). E-mail: khomiakova4340@gmail.com

* * *

DYNAMIC PROPERTIES OF ABSTRACTS TO WORKS OF FICTION IN ENGLISH

M.V. Cherkunova

Samara National Research University,
34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russia

E.V. Ponomarenko

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article is devoted to dynamic transformational processes within contemporary English minitexts (small-format texts). The paper reflects the findings of a research that encompasses 500 advertising abstracts to works of fiction. Transformational dynamics is disclosed in terms of linguosynergetics based on a dynamic-and-systemic representation of evolutionary developments in book abstract discourse. Particularly, the conventional invariant discourse features are considered; non-systemic stochastic elements are revealed in such texts; abstract discourse ability of generating senses which exceed mechanic addition of text units meanings, i.e. functional synergism, is under analysis.*

The authors argue that fluctuations are observed on the lexical, structural and contextual levels of text organisation. The analysis of the data obtained leads to the conclusion that the system features of book abstracts are currently undergoing transformation of their pragmasemantic parameters, which are moving towards those of purely advertising discourse.

Today's trend to the reduction of the verbal communication volume shows that the prospect for further investigation of minitexts (including book abstract discourse) lies in the elaboration of the pragmasemantic synergism concept, with the said discourse feature being of special significance to the texts aimed at compact incorporation of considerable contents.

Key Words: *small-format text, linguosynergetics, advertising abstract, system features, transformation dynamics, fluctuations, communicative attractor*

For citation: Cherkunova M.V., Ponomarenko E.V. 2021. Dynamic Properties of Abstracts to Works of Fiction in English. Philological Sciences at MGIMO. Vol. 7. No 2(26). P. 98-107

ДИНАМИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА АННОТАЦИЙ К АНГЛОЯЗЫЧНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М.В. Черкунова

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34

Е.В. Пономаренко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена изучению динамических трансформационных процессов в современных англоязычных малоформатных текстах. Работа отражает результаты исследования, выполненного на материале 500 рекламных аннотаций к произведениям художественной литературы. Трансформационная динамика раскрывается в терминах лингвосинергетики – с опорой на динамико-системное представление эволюционных процессов в дискурсе аннотаций. В частности рассматриваются конвенциональные инвариантные дискурсивные свойства аннотаций, выявляются асистемные хаотизирующие элементы в таких текстах, анализируется способность дискурса аннотаций к функциональному синергизму и порождению больших смыслов, чем простая сумма значений единиц текста. Авторы приходят к выводу, что хаотизирующие колебания обнаруживаются на лексическом, структурном и содержательном уровнях текстовой организации. Проведённый анализ позволяет прогнозировать вектор развития прагма-семантического пространства аннотации в сторону рекламного дискурса.

Современные тенденции к сокращению объёма вербальной коммуникации показывают, что перспектива дальнейшего изучения дискурса аннотации и других малоформатных текстов видится в разработке концепции прагма-семантического синергизма. Это связано с тем, что данное свойство дискурса особенно значимо для текстов, в которых необходимо компактно инкорпорировать немалое содержание.

Ключевые слова: малоформатный текст, лингвосинергетика, рекламная аннотация, системные свойства, трансформационная динамика, флуктуации, коммуникативный аттрактор, функциональный синергизм.

Для цитирования: Черкунова М.В., Пономаренко Е.В. 2021. Динамические свойства аннотаций к англоязычным произведениям художественной литературы. *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 2(26). С. 98-107.

Введение

Сегодня, в эпоху глобализации и повсеместной цифровизации, информационное поле современного социума перегружено огромным количеством постоянно меняющихся данных. Информация поступает получателям по самым разным аудиальным, визуальным, технически усовершенствованным каналам в непрерывном режиме, однако перцептивные возможности человеческого организма не безграничны; существует определённый лимит, после которого происходит перенасыщение информацией, а её восприятие и переработка становятся крайне затруднительными. В связи с этим возникает насущная необходимость в организации

информационного потока и выбора эффективных, в том числе языковых, средств обеспечения необходимого баланса между физической протяжённостью информационного отрезка и его смысловой насыщенностью. Данное обстоятельство неизбежно влечёт за собой потребность в оптимизации вербального пространства, в связи с чем традиционно существовавшие коммуникативные практики ощутимо меняются в сторону сокращения текстового объёма при максимальном сохранении содержательной составляющей [18]. Наиболее заметно данная тенденция проявляется в повсеместном распространении текстов малого объёма, или малоформатных текстов, к разряду которых можно отнести всевозможные чаты, блоги, твиты, смс, подписи в сети Инстаграмм, сообщения в соцсетях и т.д.

Наряду с появлением новых, онтологически малоформатных жанров, происходят изменения внутри традиционных жанровых образований. Процессы реорганизации привычных текстовых форматов неизбежно сопровождаются «размыванием» их классических системных свойств и выработкой комплекса новых языковых инструментов, способных эффективно выполнять прагматическую задачу в условиях меняющейся коммуникативной реальности.

В этом плане крайне актуальным представляется обращение к изучению именно малоформатных текстовых образований. С одной стороны, они обладают всеми признаками текстуальности и представляют собой полноценные законченные, связные, ситуативно обусловленные коммуникативные фрагменты [22]. С другой стороны, в силу своего обозримого объёма, малоформатные тексты позволяют максимально наглядно проследить механизмы взаимодействия элементов на всех уровнях текстовой структуры, и в конечном счёте выявить динамические процессы, обеспечивающие целостность и устойчивость прагма-семантической системы текста в условиях меняющейся коммуникативной среды.

Объекты и методы исследования

Настоящее исследование ставит своей целью изучение и описание системных свойств современных англоязычных малоформатных текстов с точки зрения динамики и трансформации формально-содержательных параметров текстовой организации. Объектом изучения служат аннотации к произведениям художественной литературы, представленные в рекламных интернет-каталогах ведущих международных издательств за 2018-2020 гг. Общий объём выборки составил около 500 текстов, размер которых варьируется в пределах 500-1500 знаков.

Аннотация определяется как «краткая характеристика произведения печати (или неопубликованного документа) с точки зрения его содержания, оформления, направленности, происхождения и т.д. Целевое назначение аннотации – проинформировать читателей о существовании работы определённого содержания и характера» [9, с. 936].

Выбор объекта исследования обусловлен тем обстоятельством, что аннотации художественных произведений, с одной стороны, представляют собой вторичный текст, созданный на основе первоисточника и зеркально отражающий смысловую структуру исходного текста [3]. С другой стороны, в процессе сжатия смысла и перехода в другую жанровую категорию, а именно – в разряд рекламных текстов, данные вторичные образования претерпевают существенные системные трансформации на всех уровнях текстовой организации. Помимо этого, необходимость адаптации традиционной аннотации к новым экстралингвистическим условиям, таким как функционирование в новой семиотической среде (Интернет вместо традиционного бумажного каталога или обложки книги), повсеместное снижение интереса аудитории к чтению художественной литературы, изменение когнитивно-познавательных установок современного поколения потенциальных потребителей книжной продукции (digital natives, поколение Z) [1; 8; 13; 19], – приводит к масштабному сдвигу в системе устоявшихся дискурсивных маркеров текста книжной аннотации.

Эффективным инструментом для анализа и описания системных разноуровневых изменений текстовой структуры является, на наш взгляд, методология функциональной лингвосинергетики. Её основные теоретические положения были разработаны в трудах Т.И. Домброван,

Н.В. Мамоновой, Г.Г. Москальчук, Н.С. Олизько, В.А. Пищальниковой, Е.В. Пономаренко, А.В. Радюк, А.А. Харьковской, Д.С. Храменко и др. [5; 6; 7; 10; 11; 14; 15; 16; 20; 21]

В рамках данного подхода дискурс трактуется как открытая нелинейная неравновесная система, постоянно взаимодействующая с внешней средой (сознанием коммуникантов и коммуникативной ситуацией) на пути к функциональному аттрактору, то есть к реализации коммуникативной цели. В процессе развёртывания дискурса под воздействием меняющейся внешней среды (реакции партнёра, включения новых аргументов, разъяснений, возражений и т.п.) в системе возникают хаотические колебания, которые представляют собой элементы (речевые единицы) или процессы (комбинирование смысловых компонентов), не отвечающие исходным условиям смысловой системы дискурса [7]. Подобные флуктуации, с одной стороны, носят дезорганизующий характер по отношению к начальным тенденциям системы, с другой – являются катализатором, который мобилизует её саморегулятивные функциональные (прагма-семантические) свойства. Благодаря согласованному, когерентному поведению элементов дискурса в ответ на хаотизацию происходит перестройка и упорядочение системы – из внешней среды поступают новые смысловые компоненты, которые помогают удержать траекторию движения дискурса к заданной коммуникативной цели. В конечном счёте система переходит к новому состоянию прагма-семантической упорядоченности.

Важнейшим синергическим свойством дискурса является функциональная нелинейность – способность речевых единиц сочетаться таким образом, что срабатывает формула «два плюс два равно пяти», то есть общее прагма-семантическое пространство дискурса формируется не как простая сумма значений единиц текста, а как новые смыслы, превосходящие эту сумму [7; 11; 17 и др.]. Эту способность речи отмечал в своё время академик Л.В. Щерба и другие классики языкознания, хотя синергетика в то время ещё не разрабатывалась.

Рассмотрение с данных позиций дискурсивных свойств малоформатных текстов аннотаций позволяет выявить закономерности поведения сложных дискурсивных систем такого типа и определить динамику их смысловой самоорганизации. Синергетика характеризуется как динамико-системное направление научных исследований именно потому, что изучает взаимодействие стабильных, системных свойств объекта в сочетании с подвижными, динамическими свойствами.

Результаты и их обсуждение

В рамках лингвосинергетической концепции анализ динамических свойств дискурсивной системы следует начинать с её равновесного (то есть исходного, типового) состояния, ибо динамика функционирования дискурса раскрывается как движение его смысловой системы на фоне инвариантных проявлений организации текста.

Так, инвариантная модель рекламной аннотации может быть представлена следующим образом:

- 1) заголовок, в 100 % текстов представленный собственно названием рекламируемой книги;
- 2) фамилия(и) автора(ов) произведения;
- 3) основной текст, включающий в среднем 2-3 абзаца, построенных по классическому принципу «перевернутой пирамиды», где так называемый лид вводит общую информацию о месте действия, персонажах и ключевой коллизии, а последующие абзацы сообщают дополнительные подробности сюжета; при этом в целом выдерживается нейтрально-книжный стиль с элементами оценки;
- 4) цитатный блок, в котором приводятся эмоционально насыщенные позитивные отзывы о книге, принадлежащие авторитетным печатным изданиям либо известным деятелям литературы, культуры и т.п.;
- 5) информация об авторе (сопровождающаяся фотографией) – данный текстовый блок предлагает информацию, касающуюся литературного творчества автора, описывает основные этапы становления его/её творческого пути, перечисляет официальные литературные награды, а также

приводит ключевые биографические сведения, существенные для понимания истоков творчества писателя и содержания рекламируемой книги;

6) иллюстрация (фотография обложки книги);

7) информационный блок, включающий сведения о сроках выхода книги из печати, её стоимости, полиграфическом исполнении и т.п. [12].

Структурные блоки располагаются в указанной последовательности (за исключением иллюстративного компонента, который нелинеен по отношению к тексту и не имеет фиксированного положения), отражая тем самым относительную значимость указанных элементов для выстраивания прагматического вектора развёртывания информации и поступательного движения всей системы к коммуникативному аттрактору – внушению потребителю мысли о необходимости приобретения той или иной книги.

Как показал анализ эмпирического материала, данные системные признаки являются типовыми для рассмотренных аннотаций. Однако на всех уровнях организации текста аннотации выявляются также асистемные свойства. Так, ряд текстов (приблизительно 15 %) имеют структурные флуктуации, которые проявляются в частности в наличии такого дополнительного структурного элемента, как слоган:

Sophisticated and hilarious must-read [Legend Press, 2019, p. 7].

Blogging brides. Clean eating. Dirty tricks [Legend Press, 2019, p. 27].

Shifting patterns of fate and the universality of souls [Legend Press, 2018, p. 20].

Слоган является чужеродным, хаотизирующим элементом для прагма-семантической системы текста книжной аннотации. Традиционно слоганы сопровождают рекламу товаров широкого потребления, где им отводится роль инструмента оказания эмоционального воздействия [2; 4]. В корпусе рассмотренных аннотаций слоганы фактически дублируют функцию цитатного блока. С другой стороны, наличие слогана разрушает традиционно создаваемую аннотацией иллюзию самостоятельности выводов, сделанных реципиентом о художественном произведении на основе всесторонней информации о сюжете книги, её авторе/ах, с учётом экспертного мнения, оформленного в виде цитаты.

Кроме того, в ряде аннотаций первый абзац основного текста – лид – также принимает на себя функцию слогана; он графически выделен другим шрифтом, полностью лишён фактической информации о содержании книги, но, напротив, содержит субъективно-оценочное суждение о произведении, например:

A brilliant example of black modernism and one of the earliest queer fictions in African American writing [Penguin Press, 2020, p. 49].

Ещё одним хаотизирующим свойством аннотаций на уровне структуры является нарушение традиционной последовательности структурных блоков за счёт вынесения цитатных включений в наиболее сильную позицию текста – в его начало. Усиление смысловой нагрузки данного элемента также осуществляется посредством шрифтового варьирования – цитата выделена значительно более крупным шрифтом относительно основного текста аннотации; соотношение выглядит примерно следующим образом:

“A page-turning, jaw-dropping thriller of action and surprise. A riveting debut.”

An LA screenwriter is killed shortly after completing his latest script, Fall OUT – a thriller destined to be a blockbuster but written with a secret double purpose... [Urbane Publications, 2020, p. 12]

Создаётся впечатление, что основной текст аннотации, содержащий информацию о сюжете произведения, набран настолько мелко, чтобы читатель подсознательно ограничивался знакомством с цитатами, зачастую не переходя к чтению основной части аннотации. Таким образом, можно говорить о тенденции к смещению прагматических акцентов от собственно содержания произведения в сторону его оценки за счёт манипулирования последовательностью традиционных структурных элементов внутри текста в сочетании с использованием параграфемных средств.

Также не очень характерным для рассмотренных аннотаций признаком оказалось наличие структурных элементов с подзаголовками “*Key Selling points*” и “*Target Market*” (8 % аннотаций

содержат данный раздел). В данном случае открытая экспансия маркетинговой терминологии представляет собой девиацию с точки зрения конвенциональных норм выстраивания внутреннего пространства аннотации. При этом необходимо отметить, что спектр «продающих» преимуществ книги довольно разнообразен; как правило, они дублируют сведения, присутствующие в тексте аннотации, и варьируются от указания на наличие у автора литературных наград/номинаций (*Author shortlisted for Amazon Rising Star Award*) до упоминания коммерческого успеха книги (*Strong commercial female fiction*), актуальности содержания в условиях текущей социокультурной обстановки (*Highly topical novel, inspired by the rise of racism and nationalism*), описания предполагаемой аудитории книги, её жанровой принадлежности (*Intelligent thriller for fans of scandi and tartan noir*), интересного сюжета (*...a dark and original novel about search for meaning and identity*) и даже красивой обложки (*Unique and modern cover design perfect for gifts and collections*).

Помимо нетипичных элементов в структуре аннотации, асистемные характеристики проявляются также на уровне смыслового наполнения данных малоформатных текстов. В частности в инвариантной модели обязательный раздел аннотации под названием “About the Author”, как уже отмечалось, описывает главным образом веки литературной биографии писателя с незначительными отсылками к личной жизни. В качестве примера можно привести следующий типичный биографический блок:

Daisy Johnson was born in 1990. Her debut short-story collection, Fen, was published in 2016. In 2018 she became the youngest author ever to be shortlisted for the Man Booker Prize with her debut novel Everything Under. She is the winner of the Harper's Bazaar Short Story Prize, the A.M. Heath Prize and the Edge Hill Short Story Prize. She currently lives in Oxford by the river [Vintage, 2020, p. 18].

То есть традиционно достойный автор литературного произведения представляется как человек, прошедший поступательный путь развития творческого потенциала, заслуживший своё место в профессии, авторитет которого засвидетельствован рядом профессиональных наград. Однако при анализе эмпирического материала было установлено, что 12 % аннотаций в справке об авторе подчёркивают не столько аспекты творческой биографии, сколько наличие непосредственного личного опыта в самых разнообразных социальных и профессиональных сферах (*a lawyer experienced in child protection, criminal law and refugee law; the book is inspired by her childhood growing up in a sweet shop in Torquay; she is a librarian at University of Brighton; Stephen now works as a teacher at Nottingham, having also lived and worked in Lithuania and Mallorca; Dan Mooney is a writer, air traffic controller and amateur filmmaker*). Кроме того, всё шире используется упоминание аспектов повседневной, обыденной жизни автора, таких как место проживания (*Originally from Manchester, she lives in Sydney, Australia; Marcus Low is a Cape Town based writer*), семейное положение (*Maria lives with her husband and two children*), наличие питомцев (*She lives with her dog, Bollo; ...lives in Mid Devon with ... too many cats*), хобби (*When she is not writing, she is reading; Holly hosts a parenting podcast; Jea has played saxophone in “Hoodwink”, an all-female indie rock-band, and travelled extensively*) и т.п. Например:

Mark has worked extensively in the justice system, before deciding to write. Originally from Italy, Mark grew up in a rural Australian town. Now he lives in Melbourne and his second novel The Rip is out in 2020 [Legend Press, 2019, p. 5].

Таким образом, можно заключить, что в текстах аннотаций присутствует тенденция к дерегламентации дискурса на уровне читательских ожиданий за счёт сокращения дистанции между автором и читателем; автор литературного произведения представляется в первую очередь как обычный человек, повествующий о личных переживаниях, описывающий такие события, с которыми он знаком не понаслышке. Ценность приобретают личные качества и непосредственный социальный опыт в противовес профессиональным заслугам и признанию профессионального сообщества.

С данным наблюдением также согласуется наметившаяся тенденция приводить в качестве цитаты не только мнения литераторов (например, *Daniel Lewis, international bestselling author [Urbane Publications, 2020, p. 12]*) или специализированных печатных изданий (*Observer, Fiction to Watch Out For in 2020 [Vintage, 2020, p. 18]*), но также людей, профессионально не связанных с литера-

турой (например: *The Reverend Jonathan Aitken, Prison Chaplain* [Urbane Publications, 2020, p. 14]; *Annie West, award-winning illustrator* [Legend Press, 2018, p. 22]).

Наконец, следует также отметить, что аннотации представляют крайне интересный случай функционального синергизма дискурса – упоминавшейся выше нелинейности прагма-семантического пространства ($2+2=5$). Эксплуатируя данную способность речи, авторы аннотаций составляют тексты с высокой плотностью смысловых компонентов, которые не только совокупно создают нужное впечатление, но и взаимоусиливают прагматический потенциал друг друга при концентрации текстовых единиц общего семантического поля. Например:

MARK GRENSIDE began his working career at Lloyds of London, specializing in Kidnap, Ransom and Extortion Insurance. At 25 it was time for a career change and he started his media career working for Jim Henson and The MuppetsTM. He went on to create and produce a number of television series and mini-series. At the same time he started a music management company launching a million seller artist Neneh Cherry. He is a co-founder of seed to shelf CBD producer Dragonfly Bioscience and a founder in two separate digital companies. He lives with his wife, a pug and a French Bulldog in Malta [Urbane Publications, 2020, p. 12].

Очевидно, что в приведённом тексте функциональный аттрактор, к которому направлены все траектории смыслового развития дискурса, – представление автора книги как человека успешного, опытного, разностороннего, которому есть чем поделиться с читателем. Это впечатление формируется путём взаимодействия таких средств, как:

- перечисление сфер деятельности, показывающее широту профессиональных интересов (insurance, media career, television (mini-)series, music management, digital companies),
- ссылка на авторитетные и популярные проекты (Lloyds of London, The MuppetsTM, Dragonfly Bioscience),
- сообщение об успешности его деятельности в этих проектах (launching a million seller artist, seed to shelf CBD producer),
- упоминание о месте проживания, придающем особый флёр образу автора (Мальта считается одним из самых живописных, исторически и культурно значимых мест в Европе).

Сочетание всех этих смысловых компонентов не просто сообщает ряд данных, но, несомненно, формирует в сознании читателя привлекательную фигуру деятельного человека, культурно «подкованного» и знающего толк в бизнесе. Отсюда вывод (невербализованный, но явно напрашивающийся): его книга может быть привлекательна и полезна для людей разных профессий, интересов и поколений, её нужно купить.

Заключение

Таким образом, анализ функциональных свойств малоформатных текстов рекламных аннотаций к произведениям англоязычной художественной литературы показал, что как системные, так и асистемные элементы присутствуют на всех уровнях структурно-функциональной организации аннотаций. С одной стороны, асистемные компоненты вызывают хаотические колебания и ведут к некоторой дерегламентации смыслового пространства дискурса – нарушению читательских ожиданий, что в свою очередь вызывает всплеск читательского интереса и катализирует эволюционное развитие дискурсивного пространства в направлении оптимального аттрактора. С другой стороны, совокупность выявленных колебаний, в частности системного внедрения интердискурсивных элементов на уровне лексического, структурного и содержательного наполнения аннотации, позволяет сделать вывод о движении прагма-семантического плана данной дискурсивной системы в сторону рекламного дискурса. В частности введение в структуру текста аннотации слогана и слоганоподобных элементов, смещение смысловых акцентов с информативных блоков на эмотивные (в том числе за счёт внутритекстовых структурных перестановок в сочетании с использованием параграфемии), внедрение рекламной терминологии, насыщение аксиологическими смыслами личного мнения в противовес профессиональному – данные функционально-стилистические колебания свидетельствуют о перестройке конвенциональных

системных свойств книжных аннотаций и трансформации концептуальной схемы эффективного развития смыслового пространства данного типа дискурса.

Его существенным свойством является также прагма-семантический синергизм, при котором общее смысловое пространство дискурса не сводится к механическому сложению значений единиц текста, а порождает новые смыслы, выходящие за рамки этой механической суммы значений. Данное свойство дискурса особенно значимо для малоформатных текстов, в которых необходимо компактно инкорпорировать немалое содержание, что представляет обширное поле для дальнейших исследований.

© Черкунова М.В., Пономаренко Е.В., 2021

Список использованных источников

1. Legend Press, 2018. – Legend Press Catalogue 2018. – URL: https://issuu.com/tomchalmers/docs/legend_press_catalogue_2018 (Accessed 12 April 2021).
2. Legend Press, 2019 – Legend Press Catalogue, 2019. – URL: https://issuu.com/tomchalmers/docs/legend_press_catalogue_lbf_for_email (Accessed 12 April 2021).
3. Penguin Press, 2020 – Penguin Press Spring/Summer 2020. – URL: <https://www.penguin.co.uk/content/dam/prh/company-pages/catalogues/penguin-press/PenguinPressCatalogueSS20.pdf> (Accessed 12 April 2021).
4. Urbane Publications, 2020 – Urbane Publications 2020 Catalogue. – URL: https://issuu.com/urbanepublicationslimited/docs/urbane_cat_2020 (Accessed 12 April 2021).
5. Vintage, 2020 – Vintage books catalogue July-December 2020. – URL: <https://www.penguin.co.uk/company/contact-us---offices/catalogues.html> (Accessed 12 April 2021).

Список литературы

1. Конькова Т.Ю. Формирование у школьников интереса к чтению классической художественной литературы как научно-педагогическая проблема / Т.Ю. Конькова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2017. № 1 (75). С. 152-158.
2. Кораблева Е.А. Экспрессивные синтаксические средства в англоязычных рекламных текстах для аудитории разных возрастных групп / Е.А. Кораблева, О.И. Алешина // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. № 1(2). С. 37-49. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-2-37-49>
3. Кушнина Л.В. Текст научной аннотации в эпистемическом освещении / Л.В. Кушнина, С.К. Филипсон // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 2. С. 8-19.
4. Леденева С.Н. О дискурсивных свойствах рекламных текстов / С.Н. Леденева // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 4 (12). С. 36-42. URL: <https://philnauki.mgimo.ru/jour/article/view/6> (дата доступа 15.03.2021).
5. Мамонова Н.В. Лингвосинергетические особенности траекторий смыслового развития дискурса / Н.В. Мамонова // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 841-846.
6. Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста / Г.Г. Москальчук. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. 240 с.
7. Пономаренко Е.В. О функциональной самоорганизации речевых средств в английском деловом дискурсе / Е.В. Пономаренко // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 5 (106). С. 80-84. URL: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/3382/3283> (дата доступа 11.04.2021)
8. Трубникова Н.В. Поведение потребителей в интернет-среде: поколение Z и его приоритеты / Н.В. Трубникова, А.В. Порудчикова // Коммуникология. 2018. № 3 (6). С. 93-103.
9. Тумина Л.Е. Аннотация / Л.Е. Тумина // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / Отв. ред. М.И. Панов. М.: Олимп, 2005. С. 936.
10. Харьковская А.А. Функциональная парадигма малоформатных англоязычных текстов / А.А. Харьковская // Материалы Международной лингвистической конференции «Язык – Текст – Дискурс: традиции и инновации, 21-23 сентября 2009 года». Ч. 2. Самара: Самарский университет, 2009. С. 14-19.
11. Храмченко Д.С. Синергизм персуазивной прагматики в английском дискурсе масс-медиа / Д.С. Храмченко, А.В. Радюк // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 4(16). С. 38-44.
12. Черкунова М.В. Аннотация как вид малоформатного текста / М.В. Черкунова // Малоформатные тексты в различных типах англоязычного дискурса: сб. научн. ст. / Отв. ред. А.А. Харьковская, И.Б. Кравченко. Самара: Изд-во «Самара-ма», 2019. С. 149-159.
13. Buckingham D. Digital Generations: Children, Young People, and the New Media / D. Buckingham, R. Willett. Routledge, 2013. 352 с.
14. Dombrovan T.I. Linguistic synergetics: origin, key concepts and application / T.I. Dombrovan // Записки з романо-германської філології. 2016. № 2 (37). Р. 95-107.

15. Khranchenko D.S. Planning the functional field of business English discourse: linguosynergetic approach / D.S. Khranchenko // Вопросы прикладной лингвистики. 2015. no. 18. P. 151-163.
16. Khranchenko D.S. Functional-linguistic parameters of English professional discourse / D.S. Khranchenko // Professional Discourse & Communication. 2019. no. 1(1). P. 9-20. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20>
17. Malakhova V.L. Functional properties of possessive nominations and their impact on the pragmatic and semantic systemity of the English discourse / V.L. Malakhova // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Science and Arts SGEM 2017. Conference Proceedings, Book 3. Science and Society, Volume II. Psychology and Psychiatry. Language and Linguistics, 2017. P. 745-752. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/32/S14.096
18. Malinowska A. Cultural materialism and popular processes of late modernity / A. Malinowska // A. Malinowska, K. Lebek (Eds.), Materiality and popular culture: The popular life of things. New York & London, Routledge, 2017. P. 13-24.
19. Micheli M. What is New in the Digital Divide? Understanding Internet Use by Teenagers from Different Social Backgrounds / M. Micheli // Communication and Information Technologies Annual. 2015. P. 55-87.
20. Olizko N.S. Semiotic and synergetic methods of text analysis / N.S. Olizko, N.V. Mamonova, M.A. Samkova // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Proceedings of the X International Conference. Chelyabinsk State University. 2020. P. 1056-1063.
21. Ponomarenko E.V. The notion of functional synergism in linguistics / E.V. Ponomarenko // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018 Proceedings. Austria, Vienna. Book 1 (5). 2018. P. 501-508.
22. Vedeneva Y.V. Minitexts of poetic titles as markers of the English cognitive paradigm / Y.V. Vedeneva, A.A. Kharkovskaya, V.L. Malakhova // Training, Language and Culture. 2018. no. 2(2). P. 26-39. DOI: 10.29366/2018tlc.2.2.2

References

1. Kon'kova, T. Iu. Formirovanie u shkol'nikov interesa k chteniiu klassicheskoy khudozhestvennoy literatury kak nauchno-pedagogicheskaya problema [The formation of students' interest in reading classical literature as a scientific and pedagogical problem] / T. Iu. Konkova // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Art]. 2017. no. 1(75). P. 152-158 (in Russian).
2. Korableva, E.A. Ekspressivnye sintaksicheskie sredstva v angloiazychnykh reklamnykh tekstakh dlia auditorii raznykh vozrastnykh grupp [Expressive syntactic means in English advertisements for the target groups of different ages] / E.A. Korableva, O.I. Aleshina // *Diskurs professional'noi kommunikatsii* [Professional Discourse & Communication]. 2019. no. 1(2). P. 37-49 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-2-37-49>
3. Kushnina, L.V. Tekst nauchnoi annotatsii v epistemicheskom osveshchenii [Research paper abstracts from epistemic perspective] / L.V. Kushnina, S.K. Filipson // *Vestnik PNPU. Problemy iazykoznanii i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin]. 2020. no. 2. P. 8-19 (in Russian).
4. Ledeneva, S.N. O diskursivnykh svoistvakh reklamnykh tekstov [Discursive features of advertisements] / S.N. Ledeneva // *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philology at MGIMO]. 2017. no. 4 (12). P. 36-42, <https://philnauki.mgimo.ru/jour/article/view/6> (Accessed 15 March 2021) (in Russian).
5. Mamonova, N.V. Lingvosinergeticheskie osobennosti traektorii smyslovogo razvitiia diskursa [Linguosynergetic features of the trajectories of the semantic development of discourse] / N.V. Mamonova // *Kognitivnye issledovaniia iazyka* [Cognitive Language Research]. 2016. no. 25. P. 841-846 (in Russian).
6. Moskal'chuk, G.G. *Strukturnaia organizatsiia i samoorganizatsiia teksta* [Structural organization and self-organization of the text] / G.G. Moskal'chuk. Barnaul: Altai State University Publishing, 1998. 240 p. (in Russian).
7. Ponomarenko, E.V. O funktsional'noy samoorganizatsii rechevykh sredstv v angliiskom delovom diskurse [About functional self-organization of verbal means in English business discourse] / E.V. Ponomarenko // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, Gumanitarnaia seriia* [Samara State University Bulletin. Humanities series]. 2013. no. 5 (106). P. 80-84, <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/3382/3283> (Accessed 11 April 2021) (in Russian).
8. Trubnikova, N.V. Povedenie potrebiteli v internet-srede: pokolenie Z i ego priority [Consumer Behavior in Internet Environment: Generation Z and its priorities] / N.V. Trubnikova, A.V. Porudchikova // *Kommunikologiya* [Communicology]. 2018. no. 3 (6). P. 93-103 (in Russian).
9. Tumina, L.E. Annotatsiia [Abstract] / L.E. Tumina // *Effektivnaia kommunikatsiia: istoriia, teoriia, praktika: Slovar'-spravochnik* [Efficient communication: history, theory, practice: book of reference] / ed. by M.I. Panov. Moskva: Olimp, 2005. P. 936 (in Russian).
10. Khar'kovskaia, A.A. Funktsional'naia paradigma maloformatnykh angloiazychnykh tekstov [Functional paradigm of English miniformat texts] / A.A. Khar'kovskaia // *Materialy Mezhdunarodnoi lingvisticheskoi konferentsii «Iazyk – Tekst – Diskurs: traditsii i innovatsii, 21-23 sentyabria 2009 goda»* [Language – Text – Discourse: traditions and innovations. International linguistic conference proceedings, 21-23 September 2009]. Part 2. Samara: Samarskii universitet, 2009. P. 14-19 (in Russian).
11. Khranchenko, D.S. Sinergizm persuazivnoi pragmatiki v angliiskom diskurse mass-media [Synergism of persuasive pragmatics in English mass media discourse] / D.S. Khranchenko, A.V. Radiuk // *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philology at MGIMO]. 2018. no. 4 (16). P. 38-44 (in Russian).
12. Cherkunova, M.V. Annotatsiya kak vid maloformatnogo teksta [Abstract as a miniformat text] / M.V. Cherkunova // *Maloformatnye teksty v razlichnykh tipakh angloiazychnogo diskursa. Sbornik nauchnykh statei* [Miniformat texts in different types of English discourse. Selected scientific papers] / Ed. by A.A. Khar'kovskaia, I.B. Kravchenko. Samara, 2019. P. 149-159 (in Russian).
13. Buckingham, D. *Digital Generations: Children, Young People, and the New Media Media* / D. Buckingham, R. Willett. Routledge, 2013. 352 p.

14. Dombrovan, T.I. Linguistic synergetics: origin, key concepts and application / T.I. Dombrovan // *Записки з романогерманської філології*. 2016. № 2 (37). P. 95-107.
15. Khramchenko, D.S. Planning the functional field of business English discourse: linguosynergetic approach / D.S. Khramchenko // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2015. no. 18. P. 151-163.
16. Khramchenko, D.S. Functional-linguistic parameters of English professional discourse / D.S. Khramchenko // *Professional Discourse & Communication*. 2019. no. 1(1). P. 9-20. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20>
17. Malakhova, V.L. Functional properties of possessive nominations and their impact on the pragmatic and semantic systemity of the English discourse / V.L. Malakhova // *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Science and Arts SGEM 2017. Conference Proceedings*, Book 3. Science and Society, Volume II. Psychology and Psychiatry. Language and Linguistics, 2017. P. 745-752. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/32/S14.096
18. Malinowska, A. Cultural materialism and popular processes of late modernity / A. Malinowska // A. Malinowska, K. Lebek (Eds.), *Materiality and popular culture: The popular life of things*. New York & London, Routledge, 2017. P. 13-24.
19. Micheli, M. What is New in the Digital Divide? Understanding Internet Use by Teenagers from Different Social Backgrounds / M. Micheli // *Communication and Information Technologies Annual*. 2015. P. 55-87.
20. Olizko, N.S. Semiotic and synergetic methods of text analysis / N.S. Olizko, N.V. Mamonova, M.A. Samkova // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Proceedings of the X International Conference*. Chelyabinsk State University. 2020. P. 1056-1063.
21. Ponomarenko, E.V. The notion of functional synergism in linguistics / E.V. Ponomarenko // *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018 Proceedings*. Austria, Vienna. Book 1 (5). 2018. P. 501-508.
22. Vedeneva, Y.V. Minitexts of poetic titles as markers of the English cognitive paradigm / Y.V. Vedeneva, A.A. Kharkovskaya, V.L. Malakhova // *Training, Language and Culture*. 2018. no. 2(2). P. 26-39. DOI: 10.29366/2018tlc.2.2.2

Сведения об авторах:

Черкунова Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Россия, Самара). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, функциональная лингвистика, лингвопрагматика, лингвосинергетика, лингводидактика. E-mail: m.cherkunova@mail.ru

Пonomarenko Евгения Витальевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка № 4 МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: функциональная лингвистика, лингвопрагматика, деловой английский язык, системность языка и речи, лингвосинергетика, лингводидактика. E-mail: e.ponomarenko@inno.mgimo.ru

About the authors:

Marina V. Cherkunova – PhD, Associate Professor of English Philology Department, Samara National Research University (Russia, Samara). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, functional linguistics, linguistic pragmatics, linguosynergetics, linguodidactics. E-mail: m.cherkunova@mail.ru

Evgeniya V. Ponomarenko – Doctor habil., Associate Professor, Professor of English Language Department No 4, MGIMO University (Russia, Moscow). Spheres of research and professional interest: functional linguistics, linguistic pragmatics, Business English, systemacy of language and speech, linguosynergetics, linguodidactics. E-mail: e.ponomarenko@inno.mgimo.ru

* * *

SEMANTICS AND SYNTAX OF QUANTITATIVE GROUPS IN THE GERMAN LANGUAGE

E. L. Shubina, I.B.Klienкова

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The work deals with the groups in which the first noun *eine Gruppe* has a quantitative meaning (*eine Gruppe* + Subst.Plural), and the second is a countable noun. The analysis of word combinations consisting of two nouns makes it possible to pose and clarify many questions regarding the interaction of syntax and semantics. The corpus of journalistic texts allowed us to see the quantitative distribution of the models on the basis of which the combinations with the noun *Gruppe* are organized.*

*The combinations without a definition before the second component were organized according to the following models: *eine Gruppe* + Subst.Plural (*eine Gruppe Menschen*); *eine Gruppe* + von + Subst.Plural (*eine Gruppe von Menschen*); *eine Gruppe* + Subst.Adj.Plural / Subst.Part.Plural (*eine Gruppe Freiwilliger*); *eine Gruppe* + von + Subst.Adj.Plural / Subst.Part.Plural (*eine Gruppe von Freiwilligen*);*

*The combinations that have a definition before the second component were organized according to the models: *eine Gruppe* + Adj. / Part. + Subst.Plural (*eine Gruppe fleißiger / fleißige Studenten*); *eine Gruppe* + von + Adj. / Part. + Subst.Plural (*eine Gruppe von fleißigen Studenten*).*

*In our work, the principles of construction and lexical filling of the quantitative group with the noun *Gruppe* were shown, the mechanism of their use by native speakers was demonstrated. During the research, the noun was tested for compatibility with the names of different semantic groups. We have identified permanent semantic relationships with other names that enter into characteristic syntactic relationships with it.*

Key Words: *German, noun, lexical compatibility, genitive constructions, prepositional constructions, case agreement constructions, case system, predicate*

СЕМАНТИКА И СИНТАКСИС КВАНТИТАТИВНЫХ ГРУПП В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Э.Л. Шубина, И.Б. Клиенкова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В работе речь идёт о группах, в которых первое существительное *eine Gruppe* имеет количественное значение (далее *eine Gruppe+Subst.Plural*), а второе существительное обозначает исчисляемое. Анализ словосочетаний, состоящих из двух существительных, даёт возможность постановки и уточнения многих вопросов, касающихся взаимодействия синтаксиса и семантики. Корпус публицистических текстов позволил нам увидеть количественное распределение моделей, на основе которых организованы сочетания с существительным *Gruppe*.

Сочетания, в которых отсутствует определение перед вторым компонентом, были организованы по моделям: *eine Gruppe+Subst.Plural* (*eine Gruppe Menschen*); *eine Gruppe+von+Subst.Plural* (*eine Gruppe von Menschen*); *eine Gruppe+Subst.Adj.Plural/Subst.Part.Plural* (*eine Gruppe Freiwilliger*); *eine Gruppe+von+Subst.Adj.Plural/ Subst.Part.Plural* (*eine Gruppe von Freiwilligen*).

Сочетания, в которых есть определение перед вторым компонентом, были организованы по моделям: *eine Gruppe+Adj./Part.+Subst.Plural* (*eine Gruppe fleißiger/fleißige Studenten*); *eine Gruppe+von+Adj./Part.+Subst.Plural* (*eine Gruppe von fleißigen Studenten*).

В нашей работе были показаны принципы построения и лексического наполнения квантитативной группы с существительным *Gruppe*, был продемонстрирован механизм их использования носителями языка. В процессе исследования существительное прошло проверку на совместимость с именами разных семантических групп. Нами были выявлены постоянные семантические связи с другими именами, вступающие с ним в характерные синтаксические отношения.

Ключевые слова: немецкий язык, существительное, лексическая сочетаемость, генитивное управление, предложное управление, согласование, падежная система, сказуемое

Исследование словосочетаний, состоящих из двух существительных, даёт возможность постановки и уточнения многих вопросов, касающихся взаимодействия синтаксиса и семантики. В данной работе речь пойдёт о сочетаниях, в которых первое существительное *eine Gruppe* имеет количественное значение (далее *eine Gruppe+Subst.Plural*), а второе существительное обозначает исчисляемое. Неопределённый артикль перед существительным *Gruppe* указывает на количество, то есть речь идёт об одной группе лиц, предметов.

Группы существительных с квантификаторами привлекают внимание германистов отсутствием грамматически выраженного генитива, а именно окончанием – (e)s у второго существительного мужского и среднего рода в единственном числе (*eine Menge Volk* вместо устаревшей и практически вышедшей из употребления формы *eine Menge Volks*). У существительных женского рода и существительных во множественном числе давно исчезли окончания генитива (*eine Gruppe Menschen, eine Tasse Milch*):

Nominativ: *eine Gruppe Menschen* (Plural) *eine Tasse Milch* f (Singular)

Genitiv: *einer Gruppe Menschen* (Plural) *einer Tasse Milch* f (Singular)

Dativ: *einer Gruppe Menschen* (Plural) *einer Tasse Milch* f (Singular)

Akkusativ: *eine Gruppe Menschen* (Plural) *eine Tasse Milch* f (Singular)

Отсутствие окончания у второго существительного даёт повод для самых противоречивых суждений о месте данной формы (**Volk, Menschen, Milch**) в падежной системе немецкого существительного. Невозможность определения падежной формы перечисленных существительных приводит к тому, что не представляется возможным однозначно установить вид синтаксической связи в словосочетаниях рассматриваемого типа.

В нашей работе будет проведён семантико-синтаксический анализ квантитативной группы с первым существительным *eine Gruppe*, а именно будут представлены все возможные модели, по которым организуется данное словосочетание. Кроме того, будет выявлена лексическая сочетаемость существительного *eine Gruppe*. Для поиска материала был использован корпус DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache Корпус Берлинской Бранденбургской Академии Наук), который включает в себя художественные, публицистические и научные тексты. Материалом для

исследования послужили примеры из статей газет «die Zeit», «der Tagesspiegel», «Berliner Zeitung», так как существительное *Gruppe* в несколько раз чаще встречается именно в публицистических текстах. Так, в основном корпусе XX века (DWDS-Kernkorpus (1900–1999)) интересующий нас субстантив встретился более пяти тысяч раз, в то время как в художественных текстах 2201 раз.

Для начала обратимся к онлайн-изданию толкового словаря Дудена [3], который определяет данную лексическую единицу как:

– небольшое количество (случайно) собравшихся и рядом стоящих лиц, которые образуют таким образом упорядоченное единство:

*eine kleine, größere **Gruppe** Jugendlicher, Halbstarker, Erwachsener;*

*eine **Gruppe** diskutierender/(seltener:) diskutierende Studentinnen;*

*eine **Gruppe** von Arbeitern, Touristen/(seltener:) eine Gruppe Arbeiter, Touristen;*

*eine **Gruppe** von Bäumen;*

– объединённые общими признаками явления и предметы:

*die **Gruppe** der starken Verben;*

– сообщество, круг людей, которые объединились на основе общих интересов, целей и задач:

*er gehört einer **Gruppe** literarisch interessierter Menschen an.*

Электронный словарь немецкого языка dwds.de толкует существительное *Gruppe* как:

– количество лиц или предметов, которые определённым образом взаимосвязаны друг с другом:

*eine **Gruppe** von Arbeitern, Spaziergängern, Touristen, Politikern;*

*eine **Gruppe** Arbeiter, Kinder, Jugendlicher;*

***Gruppen** von Inseln, Felsen, Sträuchern, Häusern;*

– объединение лиц на основании общих интересов:

*eine fortschrittliche, reaktionäre **Gruppe**.*

Выделяя три типа сочетаемости, а именно морфо-синтаксическую, лексическую и семантическую, Ю. Д. Апресян указывал на наиболее проблемную сочетаемость, а именно лексическую. Из целого ряда слов необходимо выбрать то, с которым это слово сможет соединяться [1, с. 11]. Так, в качестве традиционных примеров лексической сочетаемости часто приводятся словосочетания «щепотка соли» или «горсть орехов» [2, с. 99]. Это употребление можно объяснить объективной реальностью, ведь щепотка и горсть не обозначают просто меру чего-то. Так, «щепоткой» невозможно набрать орехов, а вот горсть соли вполне можно набрать, но такое употребление будет не очень частотным, так как соль редко набирают горстями. Сравнив дефиниции лексемы с количественным значением, можно сделать вывод, что существительное *Gruppe* должно сочетаться с существительными во множественном числе, обозначающими *людей, предметы и явления*. Люди, предметы и явления должны быть связаны между собой, иметь общие признаки, общие интересы. Корпусные данные показали нам количественное соотношение существительных, занимающих вторую позицию в количественных группах.

Под сочетаемостью существительного мы подразумеваем лексическое наполнение анализируемой количественной группы. Существительное *Gruppe* сочетается как с конкретными, так и абстрактными существительными. Среди них в нашем материале выявлены:

1. **Неодушевлённые предметные** существительные, с помощью которых обозначены:

– лекарственные препараты: Schmerzmittel, Antibiotika, Arzneien (Pl.):

*Die europäische Arzneimittelbehörde Emea will eine **Gruppe** neuerer Schmerzmittel, so genannte Coxibe, in einem Eilverfahren mit einer deutlichen Anwendungseinschränkung versehen. (Berliner Zeitung, 25.02.2005).*

*Ein **Gruppe** von Antibiotika kann offenbar nicht nur Bakterien bekämpfen. (Berliner Zeitung, 12.01.2005).*

– строения: Wolkenkratzer, Häuser, Bürogebäude (Pl.):

*Beim Flug über die Spreemetropole stößt man am Alexanderplatz auf eine **Gruppe** von Wolkenkratzern.... (Berliner Zeitung, 27.09.2005).*

- небесные тела: *Kometen, Sterne, Kleinplaneten* (Pl.):
*Sie haben dieselben Eigenschaften wie **eine Gruppe von Sternen*** (Berliner Zeitung, 08.01.2003).
- предприятия и учреждения, организации: *Unternehmen* (Erdölunternehmen, Güterverkehrsunternehmen), *Firmen, Banken, Sparkassen, Museen, Schulen, Universitäten, Brauereien, Verlage, Konzerne* (Öl-und Bergbaukonzerne, Kommunikationskonzerne, Technologiekonzerne), *Entwicklungsorganisationen, Stiftungen, Hedgefonds, Investmentfonds Versicherungen, Aktiengesellschaften, Reiseveranstalter*(Pl.):
*Die Hua Xia Bank zählt zu **einer Gruppe kleiner chinesischer Geschäftsbanken**, die zwar mehrheitlich Staatsbetrieben gehören, aber nicht direkt von der Regierung gesteuert werden.* (Berliner Zeitung, 18.10.2005).
***Eine Gruppe von Reformschulen** hat es versucht.* (Berliner Zeitung, 16.08.2003).
*Die Herrin über die Zitadelle vertritt **eine Gruppe Museen*** (Berliner Zeitung, 31.08.2002).
- части тела живых существ: *Blutkörperchen, Nervenzellen, Hirnzellen, Genen, Darmbakterien* (Pl.):
*Katrin Hoffmann wurde für ihre genetischen Untersuchungen an **einer Gruppe weißer Blutkörperchen**, den so genannten Granulozyten, geehrt* (Berliner Zeitung, 22.07.2002).
***Eine Gruppe von Nervenzellen** – auch Neuronen genannt – kodiert diese Zahl* (Der Tagesspiegel, 24.09.2002).
*Sie hatten 1991 bei Ratten **eine Gruppe von Genen** entdeckt, die den Bauplan für Riechrezeptoren enthalten* (Berliner Zeitung, 18.01.2005).
*ESBL (Extended Spectrum Beta-Laktamase) bezeichnet **eine Gruppe von Darmbakterien** mit einem bestimmten Enzym, das viele Antibiotika unwirksam macht* (Die Zeit, 04.11.2011 Online).
- государства, города, округа, острова: *Staaten, Länder, Städte, Landkreise, Inseln* (Pl.):
*Doch dagegen wenden sich die Afrikanische Union und **eine Gruppe von Staaten** unter der Führung Italiens* (Berliner Zeitung, 11.07.2005).
***Eine Gruppe von 34 Städten und Landkreisen** weist wegen des dort herrschenden Strukturwandels der Wirtschaft eine deutlich höhere Arbeitslosenquote auf* (Berliner Zeitung, 21.01.2005).
*Die Kapverden sind **eine Gruppe von 15 Inseln** im Atlantik, neun davon bewohnt, etwa 450 Kilometer westlich Senegals, 1 500 Kilometer südlich der Kanaren gelegen* (Berliner Zeitung, 27.11.2004).
- произведения печати: *Tageszeitungen, Texte, Gedichte* (Pl.):
***Eine Gruppe deutscher Tageszeitungen**, darunter die Berliner Zeitung, wird von heute an täglich auf das Schicksal der im Irak entführten Susanne Osthoff und ihres Fahrers Chalid al- Schimani hinweisen.* (Berliner Zeitung, 17.12.2005).
- растения: *Hyazinthen, Buchen, Alpenveilchen, Zirbelkiefern* (Pl.):
*Auf dem Weg zur Autovermietung in Frankfurt begegnet mir vor einem Blumenladen **eine Gruppe blutjunger Hyazinthen**....* (Die Zeit, 18.03.2010, Nr.12).
*Unter **einer Gruppe riesiger Buchen** bleibt der Mann stehen* (Die Zeit, 09.09.2010, Nr.37).
*Bert gefällt es, sich an der Treppe zum Casino unter **eine Gruppe roter Alpenveilchen** zu mischen.* (Die Zeit, 18.03.2010, Nr.12).
- произведения искусства *Filme, Videos, Bilder, Gemälde, Skulpturen, Buddhafiguren, Songs* (Pl.):
*Mitmachen können alle, die allein oder in **einer Gruppe Filme, Videos oder DVDs** hergestellt haben* (Berliner Zeitung, 18.01.2005).
*Der Besucher der Ausstellung betritt nun zwei Säle, in denen **eine Gruppe von zwanzig Gemälden** von Caspar David Friedrich versammelt ist* (Die Zeit, 18.04.2013, Nr.17).
- ценные бумаги (Акции (Pl.)):
*Stattdessen sagen ihm die Banken zu, dass sich der Preis des Papiers genauso entwickelt wie eine bestimmte Aktie oder irgendeine andere beliebige Investmentidee -zum Beispiel der Kurswert **einer Gruppe von Aktien** oder ein Marktindex wie bei einem ETF* (Die Zeit, 24.10.2013, Nr.44).
- технические устройства (приборы, оборудование, аппаратура): *Windräder, Werkzeuge* (Pl.):
*In nordwestlicher Richtung sieht sie heute sogar **eine Gruppe von Windrädern**, die 50 Kilometer von Potsdam bei Friesack stehen* (Der Tagesspiegel, 12.09.2003, Nr.12).
- транспорт (*Schiffe, Flugzeuge, Autos, Wagen, Fahrzeuge, Motorräder* (Pl.)):

Wie die Polizei mitteilte, war **eine Gruppe von vier Motorrädern** auf der Bundesstraße 308 unterwegs, als ein Auto auf die Fahrbahn fuhr (Die Zeit, 17.07.2011 Online).

2. **Неодушевлённые непредметные** существительные, обозначающие:

– знаки и символы единиц: *Buchstaben, Moleküle (Pl.)*:

Das ist **eine Gruppe von kohlenstoffhaltigen Molekülen**, die Zucker sowie Zuckeralkohole und Zuckersäuren umfasst (Berliner Zeitung, 27.01.2001).

3. **Одушевлённые предметные** существительные, обозначающие:

– людей: *Studenten, Frauen, Männer, Manager, Sportdirektor(Pl.)*:

Mit dreizehn bekam Robin eine Karte in die hand gedrückt, um **eine Gruppe Kinder** durch den Wald zu führen (Berliner Zeitung, 07.01.1994).

– живые существа, обозначающие:

а) млекопитающих (*Ratten, Schafe, Ziegen, Wölfe, Schimpansen, Affen, Pavianen, Arbeitselefanten, Gnus, Gazellen, Tiere, Wirbeltiere, Waschbären, Hunde, Katzen, Mäuse, Pferde, Löwen, Tiger, Hasen, Wildschweine, Kühe, Delfine, Wale, Bisons, Riesenotter (Pl.)*);

б) земноводных (*Frösche (Pl.)*);

в) пресмыкающихся (*Krokodile, Echsen (Pl.)*);

г) насекомых (*Bienen, Diebsameisen(Pl.)*);

д) птиц (*Vögel, Zugvögel, Krähen, Falken, Amseln, Pinguine, Papageien, Streifengänse(Pl.)*);

е) рыб (*Fische (Pl.)*):

Immer seltener öffnet die Sonne den Blick auf **eine Gruppe Schafe** oder eines der vielen kleinen Wasserrinnale, bis der Bus völlig in der milchig-trüben Masse verschwindet (Berliner Zeitung, 25.03.1994).

Eine Gruppe urtümlicher Frösche kann zwar springen, aber nicht kontrolliert landen (Die Zeit, 21.07.2010 Online).

Wenn in der Mitte des Films **eine Gruppe von Zugvögeln** plötzlich im Manhattan-Abendlicht die World-TradeCenter entlangstreift oder in Paris den Eiffelturm passiert... (Der Tagesspiegel, 03.04.2002, Online).

So trainierten die Forscher **eine Gruppe Bienen** zunächst darauf, eine unbehandelte Futterstelle 400 Meter entfernt vom Bienenstock direkt anzufliegen (Die Zeit, 20.03.2014, Nr.13).

4. **Абстрактные** существительные, обозначающие действия и процессы: *Erkrankungen, Störungen, Krankheiten (Pl.)*:

«So selten eine Krankheit auch sein mag, oft gehört sie doch zu **einer Gruppe von Erkrankungen**, die sich untereinander stark ähneln...», sagt Rüdiger Hauffe (Berliner Zeitung, 04.04.2003).

5. **Собирательные** существительные, обозначающие:

– вещества: *Chemikalien (Pl.)*:

Wie die Forscher in der InternetAusgabe des Fachmagazins «Nature Genetics» berichten, zerstört **eine Gruppe giftiger Chemikalien** im Zigarettenqualm die Eizellen in den Eierstöcken (Berliner Zeitung, 18.07.2001).

– сообщества людей: *Völker, Mannschaften, Teams (Pl.)*:

«Wir Deutschen haben mit unserem Willen, unserer Ehre, unserem Blut **eine Gruppe von Völkern**, die unvergleichlich größer ist als wir selbst, um uns vereint (Der Tagesspiegel, 09.01.1997).

Корпусные данные позволили выявить сочетаемостные возможности субстантива *Gruppe*. Второе существительно представлено:

Таблица 1.

Существительные, выступающие в роли второго компонента

неодушевлёнными предметными существительными	15%
неодушевлёнными непредметными существительными	1,5%
абстрактными существительными	0,5%
собирательными существительными	1%
одушевлёнными существительными	82%

Таким образом, у абсолютного большинства сочетаний второй компонент был выражен *одушевлёнными существительными*, обозначающими людей.

Существительное *eine Gruppe* обнаружило сочетаемость с существительными, обозначающими животных, птиц, а также растениями. Словари не указывали на подобные сочетаемостные возможности, упоминая только людей, предметы и явления. Языковое поведение лексики в данном случае можно объяснить тем фактом, что любое живое существо независимо от экологической ниши на определённом жизненном этапе является членом сообщества себе подобных (например, являются членами семейной группы). Носители языка характеризуют сообщества животных словом *eine Gruppe*, не углубляясь в типологию сообществ (*стая* – большое скопление живых существ на постоянной или временной основе; *стадо* – сообщество животных одного вида, объединённых единым жизненным укладом; группа родственных разнополых и разновозрастных особей (пчелиная семья, семьи слонов, стаи безнадзорных домашних кошек или собак)). В наших примерах существительное *eine Gruppe* выступает скорее всего в значении «некоторого неопределённого количества оказавшихся рядом живых существ, которые попали в поле зрения говорящего».

Материалы исследования показали, что существительное не обладает неограниченной сочетаемостью. Так, не все предметы можно объединить в «группу». Например, нельзя сказать **eine Gruppe Tische, Stühle, Dollar, Münzen*.

Выяснив лексическое наполнение интересующего нас сочетания *eine Gruppe+Subst.Plural*, необходимо рассмотреть, на основе каких моделей строится квантитативная группа. Обратимся сначала к рекомендациям авторов нормативной грамматики Дудена, которые не обошли вниманием лексему *eine Gruppe*, формирующую количественное словосочетание. Авторы не стали рассматривать примеры с нераспространёнными вторыми существительными, так как в этих случаях сложностей не возникает. Второе существительное стоит во множественном числе и не указывает на падежную форму и на вид подчинительной связи:

Nominativ: eine Gruppe Studenten;

Dativ: einer Gruppe Studenten;

Genitiv: einer Gruppe Studenten;

Akkusativ: eine Gruppe Studenten.

Указывать на падежную форму могут лишь существительные во множественном числе, которые получают флексию *-n*:

Nominativ: eine Gruppe Männer;

Dativ: einer Gruppe Männer+n;

Genitiv: einer Gruppe Männer;

Akkusativ: eine Gruppe Männer.

С употреблением второго существительного во множественном числе конкурирует конструкция с предлогом *von+Dativ*. В этом случае очевиден падеж второго существительного и вид подчинительной связи, а именно управление:

Nominativ: eine Gruppe von Studenten;

Dativ: einer Gruppe von Studenten;

Genitiv: einer Gruppe von Studenten;

Akkusativ: eine Gruppe von Studenten.

При появлении имени прилагательного и причастия перед вторым существительным возможны три варианта построения словосочетания, а именно при помощи генитива:

Nominativ: eine Gruppe fleißiger Studenten;

Dativ: einer Gruppe fleißiger Studenten;

Genitiv: einer Gruppe fleißiger Studenten;

Akkusativ: eine Gruppe fleißiger Studenten.

Исчисляемые существительные, распространённые прилагательным, могут присоединять при помощи предлога *von*:

Nominativ: eine Gruppe von fleißigen Studenten;

Dativ: einer Gruppe von fleißigen Studenten;
Genitiv: einer Gruppe von fleißigen Studenten;
Akkusativ: eine Gruppe von fleißigen Studenten.

Существует ещё одна возможность построения данного количественного сочетания, а именно при помощи согласования первого и второго существительных в падеже:

Nominativ: eine Gruppe fleißige Studenten;
Dativ: einer Gruppe fleißigen Studenten;
Genitiv: einer Gruppe fleißiger Studenten;
Akkusativ: eine Gruppe fleißige Studenten.

Грамматика Дудена указывает на преимущественное использование генитива при построении сочетания с прилагательными и причастиями, лишь изредка (*gelegentlich*) встречается форма с аппозицией. Под аппозицией грамматисты подразумевают употребление вторых существительных в том же самом падеже, что и *Gruppe: eine Gruppe meutender Sträflinge/ (редко) meutende Sträflinge/* [5]. Вызывает противоречия и модель с использованием субстантивированных прилагательных и причастий в роли вторых существительных. Авторы Дудена допускают использование генитива и согласование в падеже:

Nominativ: eine Gruppe Gelehrter (Gelehrte);
Dativ: einer Gruppe Gelehrter (Gelehrten);
Genitiv: einer Gruppe Gelehrter (Gelehrter);
Akkusativ: eine Gruppe Gelehrter (Gelehrte).

Необходимо отметить, что субстантивированные прилагательные и причастия могут присоединяться и при помощи предлога *von*: *eine Gruppe von Gelehrten, eine Gruppe von ausländischen Gelehrten.*

Корпус публицистических текстов позволил нам увидеть количественное распределение моделей, на основе которых организованы сочетания с существительным *Gruppe*.

Сочетания, в которых отсутствует определение перед вторым компонентом, были организованы по моделям:

eine Gruppe+Subst.Plural (eine Gruppe Menschen);
eine Gruppe+von+Subst.Plural (eine Gruppe von Menschen).

Второе существительное в модели ***eine Gruppe+Subst.Plural*** стоит во множественном числе и не всегда указывает на падежную форму и на вид подчинительной связи. Так, если речь идёт о существительных с окончанием *-(e)n*, то вид подчинительной связи невозможно определить:

Eine Gruppe (Nominativ) Touristen (?) kreischt, einer Frau fällt beinahe der Selfiestick aus der Hand (Die Zeit, 01.08.2018).

«Jetzt spielen wir Bibliotheksgeist», sagt er und steht plötzlich vor einer Gruppe (Dativ) Touristen (?), die ihn staunend anstarrt (Die Zeit, 25.12.2017).

Eine umweltfreundliche Rakete, schadstoffarm und ohne Explosionsgefahr, das ist die Vision einer Gruppe (Genitiv) Bremer Studenten (?) (Die Zeit, 15.04.2016 Online).

Wandte ich mich zur anderen Seite, sah ich eine Gruppe (Akkusativ) Bikini-Frauen (?) (Die Zeit, 09.08.2017).

Гораздо сложнее обстоит дело с существительными, которые во множественном числе не получают окончания *-(e)n*. В номинативе, генитиве и аккузативе вторые компоненты не получают окончания и их формы не позволяют установить вид подчинительной связи (возможно генитивное управление, согласование и примыкание):

Eine Gruppe (Nominativ) Besucher (?) ist gefangen in der SüdseeAbteilung des Ethnologischen Museums in Dahlem, und kein Wärter kommt vorbei, um aufzuschließen (Der Tagesspiegel, 18.10.2004).

In einem Münchner Hotel alarmierte ein Hotelangestellter die Polizei wegen einer Gruppe (Genitiv) Iraner (?) (Die Zeit, 23.11.2015 Online).

Der Pitbull und der Staffordshire Terrier, die auf dem Schulgelände eine Gruppe (Akkusativ) Kinder (?) angegriffen haben, liegen erschossen auf einer Wiese (Der Tagesspiegel, 26.06.2000).

В дативе существительные встретились в нашей выборке как с окончанием *-n*, так и без окончания *-n*. Флексия *-n* позволяет нам однозначно определить падеж (датив) и вид подчинительной связи (согласование). Вторые существительные без флексии *-n* не дают однозначно установить вид связи. Речь идёт в данных примерах либо о генитивном управлении, либо о примыкании:

Er sitzt pfeifend vor seiner Hütte und zeigt einer Gruppe (Dativ) Schüler (?), wie man aus einem Bündel getrockneten Hanfs ein Seil macht (Die Zeit, 27.05.2010, Nr.22).

Vor einigen Jahren hat ein Berliner Innensenator vor einer Gruppe (Dativ) Werber (?) eine viel beachtete Rede gehalten (Der Tagesspiegel, 07.07.2003).

Am Tag danach war der früher so Unnahbare plötzlich umringt von einer Gruppe (Dativ) Hobbyradler+n (Dativ) (Die Zeit, 12.07.2010 Online).

Lee war den Angaben zufolge mit einer Gruppe (Dativ) Motorradfahrer+n (Dativ) unterwegs (Die Zeit, 06.10.2010 Online).

Doch Elizabeth II. hält erst inne, als sie am Ostportal von einer Gruppe (Dativ) Kinder+n (Dativ) begrüßt und schließlich von Bundestagspräsident Wolfgang Thierse in Empfang genommen wird (Der Tagesspiegel, 18.07.2000).

Второе существительное в модели *eine Gruppe+von+Subst.Plural* стоит во множественном числе и предлог *von* всегда указывает на падежную форму (датив) и на вид подчинительной связи (предложное управление):

Eine Gruppe (Nominativ) von Kindern (Dativ) wohnt in einem geschlossenen Kino, sie schlägt sich mit Diebstählen durch (Berliner Zeitung, 31.12.2005).

Zuvor hatten sie sich dort mit einer Gruppe (Dativ) von Männern (Dativ) geprügelt (Der Tagesspiegel, 21.12.2004).

Das historische Abenteuerepos erzählt von der Forschungsreise einer Gruppe (Genitiv) von Anthropologen (Dativ) nach Südafrika (Der Tagesspiegel, 22.12.2004).

Die Johanniter Unfallhilfe will das ändern und hat eine Gruppe (Akkusativ) von 20 Afghanen (Dativ) in Erster Hilfe ausgebildet (Der Tagesspiegel, 05.12.2004).

Сочетания, в которых отсутствует определение перед вторым компонентом и в роли второго компонента выступают субстантивированные прилагательные и причастия, были организованы по моделям:

eine Gruppe+Subst.Adj.Plural/ Subst.Part.Plural (eine Gruppe Freiwilliger/Reisende;

eine Gruppe+von+Subst.Adj.Plural/ Subst.Part.Plural (eine Gruppe von Freiwilligen/Reisenden).

Второе существительное в модели *eine Gruppe+Subst.Adj.Plural/ Subst.Part.Plural Subst.* стоит в нашей выборке во множественном числе и флексия *-er* позволяет в номинативе, дативе и аккумулятиве однозначно трактовать вид подчинительной связи (генитивное управление) и падежную форму (генитив):

Eine Gruppe (Nominativ) Bewaffneter (Genitiv) sei Sonnabendabend in den Schlafsaal des Internats eingedrungen und habe die jugendlichen Bewohner «niedergemäht» (Berliner Zeitung, 19.12.2000).

Mehrere Türken sind in Potsdam am Mittwochabend von einer Gruppe (Dativ) Deutscher (Genitiv) angegriffen worden (Berliner Zeitung, 31.08.2001).

Die eigentliche Vorlage bildete jedoch eine Gruppe (Akkusativ) Tanzender (Genitiv) im Hintergrund der arkadischen Komposition „Lebensfreude“, die Matisse 1905/1906 erstellte (Der Tagesspiegel, 24.07.2004).

В генитиве флексия *-er* может указывать на генитивное управление и на согласование:

Gegen die Kandidatur Richsteins hatte es heftigen Widerstand einer Gruppe (Genitiv) Unzufriedener (?) gegeben (Der Tagesspiegel, 24.07.2004).

Второе существительное в модели *eine Gruppe+von+Subst.Adj.Plural/ Subst.Part.Plural Subst.* стоит во множественном числе и предлог *von* всегда указывает на падежную форму (датив) и на вид подчинительной связи (предложное управление):

Eine Gruppe (Nominativ) von Studierenden (Dativ) im Saal hat die Aktion aber anders verstanden und antwortet mit kräftigen Buhs (Der Tagesspiegel, 21.01.2004).

Die Getöteten gehörten zu einer Gruppe (Dativ) von Gefangenen (Dativ), die einen Panzergraben ausheben mussten (Berliner Zeitung, 05.12.2000).

Ein Anschlag **einer Gruppe (Genitiv) von Aufständischen (Dativ)** in der östlichen Provinz Paktia nahe der pakistanischen Grenze konnte vereitelt werden (Die Zeit, 23.05.2010, Nr.21).

Sie diskutierten vielmehr, ob nicht die zerstörte Quadriga durch **eine Gruppe (Akkusativ) von Werktätigen (Dativ)** zu ersetzen sei, in ihrer Mitte eine strahlende Mutter mit Neugeborenem (Die Zeit, 20.04.2011).

Сочетания с распространённым прилагательным или причастием вторым компонентом были организованы в нашем материале по моделям:

eine Gruppe+Adj./Part.+Subst.Plural (eine Gruppe fleißiger/fleißige Studenten);

eine Gruppe+von+Adj./Part.+Subst.Plural (eine Gruppe von fleißigen Studenten).

Второе существительное в модели **eine Gruppe+Adj./Part.+Subst.Plural** стоит во множественном числе и флексия –er позволяет в номинативе, дативе и аккузативе однозначно трактовать вид подчинительной связи (генитивное управление) и падежную форму (генитив):

Eine Gruppe (Nominativ)junger Helfer (Genitiv) schleppt volle Müllsäcke davon (Die Zeit, 30.01.2011).

Mit **einer Gruppe(Dativ) großer Güterbahnen (Genitiv)** führt die GDL aber noch Verhandlungen, die am 9. Februar fortgesetzt werden sollen (Die Zeit, 03.02.2011).

Er stellte **eine Gruppe (Akkusativ) ausgestopfter Tiere (Genitiv)** auf den Laufsteg und übte damit Kritik an dem Motto *Survival of the fittest* (Die Zeit, 11.02.2010, Nr.7).

В генитиве флексия –er может указывать на генитивное управление и на согласование:

Die Akte Hormontherapie gehört noch längst nicht geschlossen – das ist auch die Ansicht **einer Gruppe (Genitiv) amerikanischer Wissenschaftler (Genitiv)**, die sich im Wissenschaftsmagazin „Science“ zu Wort gemeldet haben (Der Tagesspiegel, 09.06.2004).

В нашем материале было лишь два примера, в которых прилагательное получило окончание –e. Эта флексия встретила в сочетаниях с первым компонентом в аккузативе и она может указывать на согласование и примыкание:

Im Bamah läuft derzeit das Schauspiel „Wien auf dem Meer“ über **eine Gruppe (Akkusativ) österreichische Juden (?)**, die an der Adria vom Anschluss Österreichs an Hitlerdeutschland erfährt (Der Tagesspiegel, 25.10.2004).

Polizisten fordern **eine Gruppe (Akkusativ) serbische Frauen (?)** auf, ihre jugoslawische Fahne einzurollen (Der Tagesspiegel, 09.01.2000).

Второе существительное в **eine Gruppe+von+Adj./Part.+Subst.Plural** модели стоит во множественном числе и предлог von указывает на падежную форму (датив) и на вид подчинительной связи (предложное управление):

Eine Gruppe (Nominativ) von bewaffneten Männern (Dativ) hat am Freitagmorgen in der ägyptischen Stadt AlArish die Zentrale der Geheimpolizei mit Panzerfäusten angegriffen (Die Zeit, 04.02.2011).

Eine der schmalen Spuren führt zu **einer Gruppe (Dativ) von drei geduckten Lehmhäusern (Dativ)**, die so plötzlich mitten im Nichts auftauchen (Der Tagesspiegel, 23.03.2002).

Bereits 1994 wurde die Immunität **einer Gruppe (Genitiv) von kurdischen Volksvertretern (Dativ)** aufgehoben, und die anderen Parteien im Parlament haben dem applaudiert (Die Zeit, 24.11.2016, Nr.47).

Die wahre Story handelt von den Enthüllungen eines Journalisten in Miami über **eine Gruppe (Akkusativ) von skrupellosen Bodybuildern (Dativ)** (Der Tagesspiegel, 23.03.2002).

Анализ корпуса примеров показал, что в большинстве случаев определение падежной формы не вызывают затруднения. В таблице указано количественное соотношение амбивалентных форм второго компонента и форм, однозначно указывающих на вид подчинительной связи.

Таблица 2.

Амбивалентные формы и формы, указывающие на падеж и вид подчинительной связи

модели	Генитивное управление	Предложное управление	согласование	амбивалентная форма (?)
eine Gruppe+Subst.Pl. (eine Gruppe Menschen)	-	-	94 (0,92%)	1119 (11%)
eine Gruppe+von+Subst.Pl. (eine Gruppe von Menschen)	-	4580 (45%)	-	-

модели	Генитивное управление	Предложное управление	согласование	амбивалентная форма (?)
eine Gruppe+ Subst.Adj.Pl./ Subst.Part.Pl. (eine Gruppe Freiwilliger/Reisende)	305 (3%)	-	1 (0,01%)	7 (0,07%)
eine Gruppe+von+ Subst.Adj.Pl./ Subst.Part.Pl. (eine Gruppe von Freiwilligen/Reisenden)	-	509 (5%)	-	-
eine Gruppe+Adj./Part. +Subst. Plural (eine Gruppe fleißiger/fleißige Studenten)	2544 (25%)	-	-	102 (1%)
eine Gruppe+von+ Adj./ Part.+Subst.Pl. (eine Gruppe von fleißigen Studenten)	-	916 (9%)	-	-
всего	2849(28%)	6005 (59%)	95 (1%)	1228 (12%)

Из таблицы видно, что:

- 1) у подавляющего большинства количественных групп определяется падеж и вид подчинительной связи;
- 2) рекомендации нормативных грамматик не полностью соответствуют реальному грамматическому оформлению сочетаний.

С количественными группами связана ещё одна синтаксическая проблема, а именно проблема согласования подлежащего и сказуемого [6]. Так, нормативная грамматика Дудена допускает спряжение глагола в единственном и во множественном числе. Обычно глагол стоит в единственном числе после сочетания с существительным *Gruppe*, так как формально существительное *Gruppe* стоит в единственном числе: *Eine Gruppe Reisender stieg aus* [7, 4, с. 412] Вместе с этим, авторы допускают употребление глагола во множественном числе: *Eine Gruppe englische Reisende* (вместо обычного генитива *englischer Reisender*) *betraten den Abfertigungsraum* [4, с. 412] Это типично для тех случаев, когда второй компонент согласуется в падеже с первым. Почти все наши многокомпонентные подлежащие не обнаружили вариантов в выборе формы сказуемого: *Eine Gruppe Gazellen liegt im Gras* (*Der Tagesspiegel*). Нами зарегистрирован только один пример со сказуемым во множественном числе *Eine Gruppe Jugendliche, 14, 15 Jahre alt, schlendern vorbei, einer fragt: «Habt ihr Rivos?»* (*Die Zeit* 06.05.2017). В соответствии с рекомендациями нормативных грамматик форма сказуемого ориентировалась на число (множественное) второго компонента (*Jugendliche*).

В нашей работе были показаны принципы построения и лексического наполнения количественной группы с существительным *Gruppe*, был продемонстрирован механизм их использования носителями языка. В процессе исследования существительное прошло проверку на совместимость с именами разных семантических групп. Нами были выявлены постоянные семантические связи с другими именами, вступающие с ним в характерные синтаксические отношения.

© Шубина Э.Л., Клиенкова И.Б., 2021

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю.Д. Апресян. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с. № 4 (43)
2. Крысин Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Л.П.Крысин. Москва: Издательский центр Академия, 2007. 240 с.
3. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in zehn Bänden. 3., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Mannheim u.a. (Dudenverlag) 1999.
4. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle.5., neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. 953 S. – (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)

5. Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 8., überarbeitete Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Mannheim u.a.: Dudenverlag (Duden Band 4), 2009. 939 S.
6. Schrodtt R. Kongruenzprobleme im Numerus bei Subjekt und Prädikat: Die Termqualität geht vor. In: Ludwig M. Eichinger / Werner Kallmeyer (Hgg.): Standardvariation. Wie viel Variation ver trägt die deutsche Sprache? Berlin 2005, 231-246.
7. Shubina E.L., Blühdorn H. Pseudopartitive Nominalgruppen vom Typ Nquant+Adj+N in der deutschen Literatursprache des 17. bis 20. Jahrhunderts. Deutsche Sprache 43, 2015, S. 220-254.

References

1. Apresian, I.U.D. *Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaia semantika (sinonimicheskie sredstva iazyka)* [Selected Works. T. 1. Lexical semantics (synonymous language means)] / I.U.D. Apresian. 2 e izd., ispr. i dop. Moskva: SHkola «IAzyki russkoj kul'tury», 1995. 472 s. № 4 (43).
2. Krysin, L. P. *Sovremenny russkii iazyk. Leksicheskaia semantika. Leksikologiya. Frazeologiya. Leksikografiya: ucheb. posobie dlia stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii* [Modern Russian language. Lexical semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography: textbook. manual for stud. philol. fac. higher. study. Establishments] / L.P.Krysin. Moskva: Izdatel'skii tsentr Akademiia, 2007. 240 s.
3. Duden. *Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in zehn Bänden* [The large dictionary of the German language in ten volumes] 3., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Mannheim u.a. (Dudenverlag) 1999.
4. Duden. *Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle* [Correct and good German: Dictionary of linguistic cases of doubt] 5., neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. 953 S. – (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)
5. Duden. *Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch* [The grammar. Indispensable for correct German] 8., überarbeitete Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Mannheim u.a.: Dudenverlag (Duden Band 4), 2009. 939 S.
6. Schrodtt, R. Kongruenzprobleme im Numerus bei Subjekt und Prädikat: Die Termqualität geht vor [Congruence Problems in number with subject and predicate: The terms quality comes first] In: Ludwig M. Eichinger / Werner Kallmeyer (Hgg.): *Standardvariation. Wie viel Variation ver trägt die deutsche Sprache?* Berlin 2005, 231-246.
7. Shubina, E.L., Blühdorn, H. Pseudopartitive Nominalgruppen vom Typ Nquant+Adj+N in der deutschen Literatursprache des 17. bis 20. Jahrhunderts [Pseudopartitive nominal groups of the type Nquant + Adj + N in the German literary language of the 17th to 20th centuries] *Deutsche Sprache* 43, 2015, S. 220-254.

Сведения об авторах:

Шубина Эльвира Леонидовна – профессор кафедры немецкого языка МГИМО МИД России, доктор филологических наук, профессор. E-mail: elvira.shubina@mail.ru

Клиенкова Ирина Борисовна – старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России, кандидат филологических наук. E-mail: irina.klienкова@mail.ru

About the authors:

Elvira L. Shubina – Dr., Professor at the Department of German, MGIMO.
E-mail: elvira.shubina@mail.ru

Irina B. Klienкова – Senior Lecturer at the Department of German, MGIMO, PhD.
E-mail: irina.klienкова@mail.ru

* * *

MODELING CULTURAL AND LANGUAGE ENVIRONMENT AS A FACTOR OF PREPARING SPECIALISTS FOR INTERCULTURAL COMMUNICATION

N. E. Merkish

Moscow State Institute of International Relations (University),
119454, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 76

Abstract. *This article discusses the problem of modeling cultural and language environment in the preparation of specialists for intercultural communication. Intercultural communication presupposes that the interlocutors have the necessary amount of information about the specifics of the culture in contact, mentality, value system, traditions, peculiarities of the interlocutor's speech and non-speech behavior. The simulated environment contains the necessary amount of information, the assimilation of which contributes to the success of international specialists in intercultural communication.*

The purpose of the article was to develop criteria for the selection of media materials, to determine the functions of a multimedia environment, as well as to identify the advantages and controversial aspects of its creation. In the course of the research, methods of analysis of scientific and theoretical sources, analysis and systematization of empirical experience were used.

The article presents the concept of multimedia cultural and language environment, understood as a cultural and linguistic communicative space created for educational purposes with the help of multimedia, in which the perception of a foreign language speech and the culture it broadcasts is realized.

Based on the goals of training international specialists, the following criteria for the selection of authentic media materials are being developed: compliance with the value attitudes of modern Russian society, compliance with the topic of educational programs, novelty of information, availability of language design of texts. The functions of the multimedia cultural and linguistic environment are educational, informational, diagnostic, motivational.

Key Words: *cultural and language environment, intercultural communication, training of international relations students, foreign language teaching, media text, criteria for the selection of media texts*

МОДЕЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ КАК ФАКТОР ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н.Е. Меркиш

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье исследуется проблема моделирования культурно-языковой среды при подготовке специалистов к межкультурной коммуникации. Цель статьи состоит в выявлении источников для создания среды и разработке алгоритма их анализа, а также в определении критериев отбора медиаматериалов, выявлении функций мультимедийной среды и рассмотрении преимуществ и спорных моментов её создания. В процессе исследования использовались методы анализа научно-теоретических источников, анализа и систематизации эмпирического опыта. В статье представлено понятие цифровой культурно-языковой среды как созданного в учебных целях на основе цифровых технологий культурно-языкового коммуникативного пространства, в котором реализуется восприятие иноязычной речи и транслируемой ею культуры.

В соответствии с целями подготовки специалистов международного профиля разработаны критерии отбора аутентичных медиаматериалов: соответствия ценностям российского общества, соответствия проблематике вузовских учебных программ, новизны представленной информации, доступности лексико-грамматического оформления. В качестве функций цифровой культурно-языковой среды выделяются обучающая, информационная, диагностирующая, мотивационная.

Пребывание студентов в культурно-языковой среде характеризуется рядом преимуществ, играющих ключевую роль в их подготовке к межкультурной коммуникации. Учебное «погружение» возможно реализовать в любой удобный момент времени, цифровая среда обеспечивает моментальное поступление новой информации, возможна реализация метакогнитивных стратегий в обучении.

Однако современное иноязычное медиaprостранство способно оказывать и негативное влияние на обучающихся, влияет на структуру ценностей молодых людей. Поэтому важной задачей является развитие критического мышления студентов, а также их умения мыслить самостоятельно и отстаивать собственные позиции в межкультурном диалоге.

Ключевые слова: культурно-языковая среда, межкультурная коммуникация, обучение студентов-международников, обучение иностранному языку, медиатекст, критерии отбора медиатекстов

1. Введение

Одной из основных задач современного языкового образования является подготовка специалистов к ведению межкультурной коммуникации, реализуемой в профессиональной деятельности. Однако ограниченный объём учебного времени, предназначенного для изучения иностранного языка в вузе, заставляет задуматься о поиске новых путей, ведущих к достижению поставленных целей.

В качестве оптимального решения заявленной проблемы представляется создание культурно-языковой среды, моделирующей нахождение студентов в стране изучаемого языка. Подобное учебное «погружение» способствует значительному повышению эффективности обучения и является важным этапом подготовки специалистов к коммуникации с носителем языка.

Межкультурная коммуникация, понимаемая как коммуникация между представителями различных культур, предполагает наличие у собеседников необходимого объёма сведений о специфике контактируемой культуры, менталитете, системе ценностей, традициях, особенностях речевого и неречевого поведения. На её успех могут повлиять многочисленные факторы, в том числе и такие, как разница в профессиональной подготовке коммуникантов, их манере поведения или выборе языковых средств [12, с.60]. Моделируемая иноязычная среда несёт в себе необходимый объём языковой и культурно-специфической информации, усвоение которой способствует успеху специалистов-международников в межкультурном общении.

Благодаря интенсивному развитию цифровых технологий моделирование искусственной среды сегодня не вызывает затруднений. Глобальная сеть позволяет хранить, структурировать и передавать информацию различных типов. Интернет обеспечивает преподавателя доступом к информационным ресурсам отечественных и зарубежных СМИ, справочным системам, обратной связью [13, с. 242].

В контексте подготовки к межкультурной коммуникации следует рассматривать не только языковой компонент среды, понимаемый как «речь, которую воспринимает человек в естественных условиях: язык семьи, радио, телевидения, язык книг», а также «вид коммуникативного пространства, в котором реализуется общение» [5], но также её культурный компонент. То есть, считаем необходимым включать в содержание обучения информацию о культуре страны изучаемого языка как результате «деятельности человеческого общества во всех сферах жизни и всех факторов (идей, верований, обычаев, традиций), составляющих и обуславливающих образ жизни нации, класса, группы людей в определённый период времени» [11].

Учебная среда формируется на основе медиаисточников, представленных в сети Интернет. В целях рассмотрения особенностей данного виртуального феномена предлагаем использовать понятие цифровой культурно-языковой среды как созданного в учебных целях на основе цифровых технологий культурно-языкового коммуникативного пространства, в котором реализуется восприятие иноязычной речи и транслируемой ею культуры. В процессе создания такого пространства возможно использование текстовых, аудио- и видеоматериалов, содержащих новую лингвокультурологическую, языковую и профессионально значимую информацию.

2. Методология

Целью эмпирического исследования, проведённого в процессе обучения немецкому языку студентов-международников МГИМО, являлось выявление особенностей моделирования культурно-языковой среды как фактора подготовки к межкультурной коммуникации. В работе решались следующие задачи:

1. Выявление оптимальных источников для создания виртуальной учебной среды.
2. Разработка алгоритма анализа медиаматериалов.
3. Определение критериев отбора медиатекстов.
4. Выявление функций цифровой учебной среды.
5. Рассмотрение преимуществ и спорных моментов погружения в виртуальное культурно-языковое пространство.

В процессе проведения исследования использовались методы анализа научно-теоретических источников, анализа и систематизации эмпирического опыта.

3. Результаты исследования

а. Выявление оптимальных источников для создания виртуальной учебной среды

Современному преподавателю и студенту доступно неограниченное количество медиатекстов. Благодаря сети Интернет возможно использование следующих источников: 1) радио: новостей, репортажей с места событий, радиодискуссий, радиоинтервью, трансляций культурных и общественно-политических событий; 2) телевидения: актуальных новостных передач, круглых столов, теледебатов, тематических передач; 3) печатных и наглядных медиаматериалов: художественной, научной и научно-популярной литературы, газет, журналов; 4) видео- и аудиоинформации медианосителей.

В целях создания медиасреды возможно использование интернет-версий наиболее значимых периодических изданий ФРГ. Так, самой популярной в мире и в Германии газетой является иллюстрированная газета-таблоид «Bild» с тиражом около 3,5 млн. экземпляров. Данное издание можно по праву считать основной силой, формирующей повестку дня в ФРГ. Либеральная газета «Die Zeit», имеющая полумиллионный тираж, чрезвычайно популярна благодаря актуальным новостным и аналитическим материалам. Выходящая в Мюнхене леволиберальная «Süddeutsche Zeitung» с тиражом около 0,5 млн. экземпляров выражает интересы экономического либерализма. Либерально-консервативная «Frankfurter Allgemeine Zeitung» также представляет интересы немецких предпринимателей и уделяет большое внимание экономике и финансам. «Die Welt», отражающая интересы бизнес-элит, тяготеет к правому, наиболее консервативному крылу в политике Германии. Газета «die tageszeitung», напротив, принадлежит левому флангу, а также представляет повестку дня партии зелёных. Газета «Handelsblatt» считается общенациональной деловой газетой ФРГ.

К наиболее известным и читаемым журналам ФРГ, тираж которых составляет более миллиона экземпляров, относятся журналы-еженедельники «Focus», «Stern» и «Der Spiegel». Журнал «Der Spiegel» пользуется популярностью благодаря глубокому многостороннему анализу политической проблематики, его идеологическая платформа близка Христианско-демократическому союзу. Журнал «Focus», выходящий в Мюнхене, является сравнительно молодым консервативным изданием, содержащим краткий и точный анализ современных общественно-политических проблем. Журнал «Stern» популярен благодаря тематическому многообразию и обилию фотоматериалов.

В целях создания мультимедийной среды целесообразно использовать и материалы ведущих телерадиокомпаний Германии: радиостанций «Deutschlandradio», «WDR», «Deutsche Welle», первого и второго каналов телевидения ФРГ, а также каналов «RTL», «ARTE», «3 SAT».

б. Разработка алгоритма анализа медиаматериалов для привлечения их к созданию культурно-языковой среды

При анализе медиаисточников на предмет их использования при моделировании учебной среды необходимо исследовать идеологические и мировоззренческие установки СМИ. Алгоритм такого анализа может включать в себя следующие пункты:

- Рассмотрение информации о близости издания к определённым политическим партиям. Например, журнал «Der Spiegel» отражает идеологию Христианско-демократического союза.
- Анализ сведений о репутации СМИ, его владельце.
- Исследование тематики массмедиа. Например, в журнале «Stern» представлена общественно-политическая проблематика, а в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» рассматриваются в первую очередь экономические проблемы.
- Выявление целевой аудитории издания.
- Анализ информации об экспертном составе СМИ. Известно, что каждое массмедиа имеет определённую команду экспертов по освещаемой проблематике.
- Выявление сведений о предполагаемых оценочных сценариях, то есть о вариантах оценки изданием тех или иных событий.

- Рассмотрение информационно-вещательного стиля издания, то есть языковых и риторических средств, используемых в публикациях.

Таким образом, можно составить своеобразную типологию медиаисточников, рекомендуемых к использованию при обучении иностранным языкам. В современной реальности, когда студент имеет поистине неограниченный доступ к медиаинформации, полезным явилось бы создание своеобразной системы координат, проясняющей современный медиаландшафт и облегчающей ориентацию в мире иноязычных СМИ.

При анализе массмедиа как основы для моделирования культурной среды целесообразно рассмотреть и персонифицированный источник информации, то есть личность эксперта. Необходима информация о социальной и партийной принадлежности источника, его установках, симпатиях-антипатиях. Важны сведения об авторитетности эксперта в немецкоговорящем социуме, а, возможно, и на международной арене. Владея данной информацией, целесообразно делать корректировку на позицию эксперта, проясняя таким образом истинную картину события. Ведь, как утверждал известный немецкий социолог Макс Вебер, в мире социальных наук приемлема лишь нейтральная оценка событий (*Werteneutralität*). Однако в реальной жизни авторы, как правило, исходят из личной системы ценностей (*Werteeinstellungen*), результатом чего становятся имплицитно или эксплицитно выраженные оценочные суждения (*Werteeinschätzungen*).

Определённое преимущество при анализе источника дадут сведения о его принадлежности к государственным, политическим и экономическим структурам, степени свободы, то есть возможности выражать собственное мнение, а также степени вовлечённости во внутри- и внешнеполитические и экономические процессы. Важно выяснить, является ли позиция эксперта его частным мнением, или он представляет мнение корпорации.

Владея перечисленными сведениями, студент сможет выстроить собственный рейтинг доверия и не потеряться в новой культурно-языковой реальности.

в. Определение критериев отбора медиатекстов в целях создания учебной среды

Нахождение в смоделированном коммуникативном пространстве может осуществляться в рамках групповых занятий под руководством преподавателя, а также при самостоятельном, автономном обучении. Соответственно мы предлагаем разграничивать обучение в специально созданной, организованной среде, и самостоятельное её использование, реализуемое в рамках автономного обучения. При автономном погружении студент реализует метакогнитивные стратегии в обучении, стремясь к достижению поставленных целей и задач [6; 14].

При институциональном обучении необходимо решить проблемы отбора медиаматериалов в соответствии с уровнем обученности студентов, а также разработать методическое сопровождение, представляющее собой прогрессию заданий и упражнений. Исходя из целей подготовки специалистов международного профиля, представляется целесообразным использовать следующие критерии отбора аутентичных медиаматериалов:

1. Критерий соответствия ценностям российского общества;
2. Критерий соответствия проблематике вузовских учебных программ;
3. Критерий новизны представленной информации;
4. Критерий доступности лексико-грамматического оформления.

При изучении соответствия медиасообщений основным ценностям российского общества исследуется их содержание, выводы и умозаключения, а также фактуальная и фоновая социокультурная информация. Результат данного анализа является одним из основных фильтров при отборе текстов для учебного процесса. В рамках второго критерия тематика исследуемых текстов сопоставляется с тематикой вузовских учебных программ. На основании критерия новизны отбираются медиаматериалы, содержащие новые сведения, важные с точки зрения целей обучения и представляющие интерес для студентов. Учитывая критерий доступности, отбираются тексты, соответствующие языковому уровню обучающихся.

Обучение в организованной культурно-языковой среде характеризуется активным характером восприятия, постановкой целей, формулировкой заданий. Интенсивно работают мозг, вни-

мание, память студентов, происходит активное осмысление и усвоение материала. При погружении в неорганизованную среду возможно как активное, так и пассивное аудирование. Однако даже при восприятии иноязычной информации в состоянии релаксации реализуется непроизвольное запоминание лексических единиц, грамматических конструкций, а также лингвокультурологической информации сообщений, что играет важную роль в повышении общезыкового и культурного уровня специалистов. Как отмечают исследователи, использование потенциала цифровой среды положительно сказывается на развитии коммуникативной и социокультурной компетенций обучающихся [16].

г. Выявление функций цифровой учебной среды

В качестве функций культурно-языковой среды можно выделить обучающую, информационную, диагностирующую, мотивационную. Обучающая функция созданного коммуникативного пространства реализуется в формировании иноязычных навыков и умений, усвоения новой языковой и культурологической информации. Информационная функция заключается в рецепции разнообразной аутентичной информации политического, культурного, социально-экономического характера. Диагностирующая функция предполагает возможность самостоятельной оценки уровня языковых знаний и выявления недостающих навыков и умений. Мотивирующая функция реализуется в повышении интереса и желания изучать иностранный язык, получать информацию о культуре Германии.

д. Рассмотрение преимуществ и спорных моментов погружения в виртуальное культурно-языковое пространство

Пребывание студентов в учебной языковой среде характеризуется целым рядом положительных моментов, играющих ключевую роль в их подготовке к межкультурной коммуникации. Учебное «погружение» возможно реализовать в любой удобный момент времени, цифровая среда обеспечивает моментальное поступление новой иноязычной информации, возможна реализация метакогнитивных стратегий в обучении.

Помимо этого, повышению общезыкового уровня специалистов способствует активное развитие речевых умений, подключение сразу нескольких каналов восприятия информации, непроизвольное запоминание грамматических форм, расширение словарного запаса, контекстуальная семантизация лексики [15], иллюстрация её сочетаемости. Студенты воспринимают живую аутентичную речь носителей языка, медиатексты разных стилей и жанров. Развивается речемыслительная деятельность обучающихся, их внутренняя речь, реализуемая далее в устной и письменной коммуникации.

Кроме того, пребывание в смоделированном пространстве вносит значительный вклад в приобщение к культуре стран изучаемого языка, в рамках которого происходит освоение новой картины мира, системы ценностей и мировоззренческих установок. Студенты знакомятся с концептами иноязычной реальности, постигают окружающую действительность из перспективы носителей языка.

Однако необходимо упомянуть и о некоторых недостатках создаваемого культурно-языкового пространства. Во-первых, учебная среда обладает меньшей интенсивностью воздействия на индивида в сопоставлении с пребыванием в стране изучаемого языка. Во-вторых, в искусственной среде реализуется лишь косвенная коммуникация и отсутствует обратная связь, хотя данный недостаток частично восполняется возможностью письменной коммуникации.

Помимо этого, считаем необходимым остановиться на одном из спорных моментов регулярного и длительного погружения в медиасреду – возможности манипуляции и воздействия на реципиента. Не случайно исследователи рассматривают Интернет-пространство в качестве недавно зародившейся, но агрессивно о себе заявляющей информационно-геополитической парадигмы [10], которая «с образовательной точки зрения ... отнюдь не является глашатаем традиционных общечеловеческих моральных ценностей, а скорее средством их размывания, а иногда и уничтожения» [8, с. 105].

Несомненно, современное иноязычное медиапространство оказывает влияние на обучающихся, вносит свой вклад в формирование личности, влияет на структуру ценностей молодых людей. Поэтому сегодня настолько интенсивно обсуждаются реалии и проблемы виртуальной образовательной среды [3; 9], методические ресурсы Интернета [2; 7], дискутируются аспекты формирования медиакомпетенции студентов и преподавателей [1, с. 76].

Действительно, язык является ключом к так называемым иноязычным «мирам». Владея лишь русским языком, мы воспринимаем ту часть многоязычного, поликультурного медиапространства, информация которого направлена на русскоязычных реципиентов. Но если к родному языку добавляется хорошее знание одного или даже нескольких иностранных языков, как это происходит в случае со студентами МГИМО, то такой реципиент оказывается на перекрёстке культур, воспринимает информационные сообщения взаимоисключающего толка, осмысливает зачастую противоположные взгляды на окружающую его реальность.

е. Анализ полученных результатов

Проведённое эмпирическое исследование показало, что важным шагом в подготовке специалистов к межкультурной коммуникации является развитие их критического мышления, аналитических способностей, умения и желания мыслить самостоятельно. Сегодня, когда мы становимся свидетелями войны культур и цивилизаций, особенно важно уметь верифицировать информацию. К каждому медиасообщению необходимо подходить «во всеоружии», анализируя его источник, то есть СМИ, событийный и темпоральный (временной) контекст, аргументацию автора, не оставляя без внимания идеологизированные структуры, приёмы манипулятивного воздействия.

Необходимо научить студента стремиться к объективной оценке поступающих сведений, включающей «впитывание» информации вместе с оценочной составляющей. Целью рецепции медиатекстов должно стать глубокое осмысление их содержания, учёт лингвокультурологического контекста [4], формирование личной позиции по представленным проблемам.

Таким образом, мы видим, что моделирование культурно-языковой среды является важным фактором подготовки специалистов-международников к межкультурной коммуникации. Однако, при создании иноязычного коммуникативного пространства необходимо учитывать не только его многочисленные преимущества, но помнить о сложных моментах имплементации в учебный процесс. Необходимо помнить о том, что мультимедийная среда – это окно в другой мир, мир изучаемой культуры, мир иноязычной реальности. Специалист должен быть подготовлен ко встрече с этим миром. Задачей является не присвоение концептов иноязычной культуры, не растворение собственных воззрений в потоке информации, но взвешенное, осмысленное восприятие информации. При этом необходимым условием успешной межкультурной коммуникации является осознание своей культурной идентичности и развитие способности отстаивать собственные позиции в межкультурном диалоге.

© Меркиш Н.Е., 2021

Список литературы

1. Бартош Д.К. Электронные технологии в системе обучения иностранным языкам: теория и практика: учебное пособие / Д.К. Бартош, Н.Д. Гальскова, М.В. Харламова. М.: МГПУ – «Канцлер», 2017. 220 с.
2. Беляева И.Г. Использование компьютерных технологий на занятиях по иностранному языку в вузе / И.Г. Беляева // Психолого-педагогические аспекты работы преподавателя вуза. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 152–157.
3. Воевода Е.В. Интернет-технологии в обучении иностранным языкам / Е.В. Воевода // Высшее образование в России. 2009. № 9. С. 110–114.
4. Евтеев С.В. Проблема моделирования лингвокультурологического контекста при переводе научного текста: на материалах русского, немецкого и английского языков / С.В. Евтеев: Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2003. 201 с.

5. Жеребило. Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. Изд. пятое, исправленное и дополненное. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
6. Коряковцева Н.Ф. Автономия учащегося в процессе изучения иностранного языка и культуры / Н.Ф. Коряковцева // Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета. 2001. № 461. С. 12–29.
7. Мюллер Ю.Э. Возможности обучающих ресурсов Интернета для повышения эффективности обучения немецкому языку / Ю.Э. Мюллер // Создание виртуального межкультурного образовательного пространства средствами технологий электронного обучения. Москва, 2017. С.160–164.
8. Сафонова В.В. Интернет-ориентированная методика обучения межкультурному общению на иностранных языках: проблемы и перспективы развития / В.В. Сафонова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 104–113.
9. Северова Н.Ю. Виртуальная образовательная среда: проблема контента / Н.Ю. Северова // Создание виртуального межкультурного образовательного пространства средствами технологий электронного обучения. Москва, 2017. С. 197–202.
10. Тарева Е.Г. Межкультурная образовательная идеология в эпоху геополитических трансформаций / Е.Г. Тарева // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы Первой международной конференции. Под общей редакцией Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. 2016. С. 558.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) / С.Г. Тер-Минасова. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
12. Чигашева М.А. Особенности коммуникации на немецком языке. Филологические науки в МГИМО / М.А. Чигашева. 2015. № 4 (4). С. 60–70.
13. Шамов А.Н. Методика обучения немецкому языку: практический курс / А.Н. Шамов. М.: Флинта, 2018. 248 с.
14. Яковлева Т.А. Автономное обучение // Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение. Материалы I Международной научно-практической конференции / Т.А. Яковлева. 2016. С. 107–111.
15. Haß U. The promising context and its capacity for deduction of word meanings | [Der verheißungsvolle Kontext und seine Leistungen bei der Erschließung von Wortbedeutungen] / U. Haß // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2018. Vol. Issue 69. P. 33–68.
16. Roche J. Fremdspracherwerb. Fremdsprachendidaktik / J. Roche. Tübingen: A. Francke Verlag, 2005. 282 S.

References

1. Bartosh, D.K., Gal'skova, N.D. et al. *Elektronnyye tehnologii v sisteme obucheniia inostrannym iazykam: teoriia i praktika: uchebnoe posobie*. [Electronic technologies in the system of teaching foreign languages: theory and practice: textbook] / D.K. Bartosh, N.D. Gal'skova, M.V. Harlamova. M.: MGPU- «Kancler», 2017. 220 s.
2. Beliaeva, I.G. Ispol'zovanie komp'yuternykh tehnologiy na zaniatiakh po inostrannomu iazyku v vuze [The use of computer technology in foreign language classes at the university] / I.G. Beliaeva // *Psikhologo-pedagogicheskie aspekty raboty prepodavatelya vuza* [Psychological and pedagogical aspects of the work of a university teacher]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 152–157.
3. Voevoda, E.V. Internet-tehnologii v obuchenii inostrannym iazykam [Internet technologies in teaching foreign languages] / E.V. Voevoda // *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2009. № 9. S. 110–114.
4. Evteev, S.V. *Problema modelirovaniia lingvokul'turologicheskogo konteksta pri perevode nauchnogo teksta: Na materialakh russkogo, nemetskogo i angliiskogo iazykov* [The problem of modeling the linguoculturological context in the translation of a scientific text: on the materials of the Russian, German and English languages] / S.V. Evteev: Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2003. 201 s.
5. Zhrebilo, T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms] / T.V. Zhrebilo. Izd. Piatoe, ispravlennoe i dopolnennoe [Ed. fifth, revised and supplemented]. Nazran': Piligrim, 2010. 486 s.
6. Koriakovtseva, N.F. Avtonomiia uchashchegosia v processe izucheniia inostrannogo iazyka i kul'tury [Student autonomy in the process of learning a foreign language and culture] / N.F. Korjakovceva // *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Collection of scientific papers of the Moscow State Linguistic University]. 2001. № 461. S. 12–29.
7. Miuller, Iu.E. Vozmozhnosti obuchaiushchikh resursov interneta dlia povysheniia effektivnosti obucheniia nemetskomu iazyku [Opportunities of Internet Teaching Resources to Improve the Effectiveness of Teaching German] / Iu.E. Miuller // *Sozdanie virtual'nogo mezhkul'turnogo obrazovatel'nogo prostranstva sredstvami tehnologii elektronno obucheniia* [Creation of a virtual intercultural educational space by means of e-learning technologies]. Moskva, 2017. S.160–164.
8. Safonova, V.V. Internet-orientirovannaya metodika obucheniia mezhkul'turnomu obshcheniiu na inostrannykh iazykakh: problemy i perspektivy razvitiia [Internet-oriented methodology for teaching intercultural communication in foreign languages: problems and development prospects] / V.V. Safonova // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Moscow University Bulletin. Episode 19: Linguistics and Intercultural Communication]. 2015. № 2. S. 104–113.
9. Severova, N.Ju. Virtual'naya obrazovatel'naya sreda: problema kontenta [Virtual Education Environment: The Content Problem] / N. Ju. Severova // *Sozdanie virtual'nogo mezhkul'turnogo obrazovatel'nogo prostranstva sredstvami tehnologii elektronno obucheniia* [Creation of a virtual intercultural educational space by means of e-learning technologies]. Moskva, 2017. S. 197–202.
10. Tareva, E.G. Mezhkul'turnaia obrazovatel'naya ideologiya v epokhu geopoliticheskikh transformatsii [Intercultural educational ideology in the era of geopolitical transformations] / E.G. Tareva // *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskakh peredovykh*

- sotsiogumanitarnykh praktik. Materialy Pervoi mezhdunarodnoi konferentsii. Pod obshhei redaktsiei E.G. Tarevoi, L.G. Vikulovoi* [Dialogue of cultures. Culture of Dialogue: In Search of Advanced Social and Humanitarian Practices. Materials of the First International Conference. Edited by E.G. Tareva, L.G. Vikulova]. 2016. S. 558.
11. Terminasova, S.G. *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*: (Ucheb. posobie) [Language and intercultural communication: (Textbook)] / S.G. Terminasova. M.: Slovo/Slovo, 2000. 624 s.
 12. Chigasheva, M.A. Osobennosti kommunikatsii na nemetskom iazyke [Features of communication in German] / M.A. Chigasheva // *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philological Sciences at MGIMO]. 2015. № 4 (4). S. 60–70.
 13. Shamov, A.N. *Metodika obucheniia nemetskomu iazyku: prakticheskii kurs* [German Language Teaching Methodology: Practical Course] / A.N. Shamov. M.: Flinta, 2018. 248 s.
 14. Iakovleva, T.A. Avtonomnoe obuchenie [Offline learning] / T.A. Iakovleva // *Iazyk, kul'tura, kommunikatsiia: izuchenie i obuchenie. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language, culture, communication: learning and teaching. Materials of the I International Scientific and Practical Conference]. 2016. S. 107–111.
 15. Haß, U. The promising context and its capacity for deduction of word meanings [Der verheißungsvolle Kontext und seine Leistungen bei der Erschließung von Wortbedeutungen] / U. Haß // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik* [Journal of Applied Linguistics]. 2018. Vol. Issue 69. P. 33–68.
 16. Roche, J. *Fremdsprachenerwerb. Fremdsprachendidaktik* [Foreign language acquisition. Foreign language didactics] / J. Roche. Tübingen: A. Francke Verlag, 2005. 282 S.

Сведения об авторе:

Меркиш Наталия Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: профессионально-ориентированное обучение немецкому языку, мультимедийное обеспечение образовательного процесса, отбор учебных материалов, разработка систем упражнений, диалог культур в преподавании языков, культурно-ориентированное обучение иностранным языкам. E-mail: merkisch@hotmail.com

About the author:

Nataliia E. Merkish – Candidate of Pedagogical Sciences, Ph.D., Associate Professor of the Department of German Languages, MGIMO University. Spheres of research and professional interest: professionally oriented teaching of the German language, multimedia support of the educational process, selection of educational materials, development of exercise systems, dialogue of cultures in language teaching, culturally oriented teaching of foreign languages. E-mail: merkisch@hotmail.com

* * *

PRECEDENT PHENOMENA IN SPANISH MEDIA DISCOURSE: LINGUOPRAGMATIC ASPECT

I. Vorontsova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article examines linguopragmatic and linguoculturological aspects of the precedent phenomena usage in the Spanish media discourse aiming to define the pragmatic potential of the precedent in it and to partially reconstruct the Spanish picture of the world and linguistic identity by defining the linguoculturological importance of the precedent phenomena. The language is seen as an instrument for coding and translating cultural-semantic information. The definition of the notion 'precedent' is given and the basic theories on contemporary precedent studies are analyzed, the intertextuality theory in particular. A precedent phenomenon in the text is seen as a manifestation of a linguistic world-image, world knowledge objectification as well as a powerful tool of peoples' minds manipulation by its implicit verbal influence on the audience. According to D. Gudkov's classification, there are the following universal and national precedent phenomena: precedent situations, precedent names and precedent expressions. In the media text a precedent phenomenon is seen as one of the means of the implementation of the following strategies: semantic, pragmatic, conversational and rhetorical. Intertextuality is predominantly manifested in neologisms, allusions and quotations, which refer to the world and Spanish literature, the Bible, mythological sources and historical realia and Spanish internal events. The obtained results have proved the original hypothesis, according to which precedent phenomena in the media discourse reflect the cultural fund and the historical memory of the Spanish linguocultural community thus serving as a culture and language conductor. They also provide an indirect communication between the representatives of different cultures, epochs and generations*

Key Words: *cultural linguistics, pragmatics, discourse-analysis, precedent, intertextuality theory, media discourse, linguistic world-image, cognitive basis, linguistic identity, the Spanish language*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ИСПАНСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И.С. Воронцова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
Москва, 119454, проспект Вернадского, 76

Аннотация. В статье рассматриваются лингвопрагматические и лингвокультурологические аспекты употребления прецедентных феноменов (ПФ) в испанском медийном дискурсе с целью определения прагматического потенциала прецедента в медиа тексте, а также для частичного реконструирования испанской языковой картины мира и языковой личности через определение масштаба лингвокультурной значимости прецедентов. Язык трактуется как инструмент кодирования и трансляции культурно-семантической информации. Дается определение понятию «прецедент». Приводятся основные теоретические подходы к исследованию прецедентности как культурно-языкового явления на современном этапе, в частности, теория интертекстуальности. Прецедентность текста трактуется как способ манифестации языковой картины мира, объективизации знаний об окружающем мире, а также как инструмент манипуляции сознанием людей путём имплицитного воздействия на аудиторию за счёт вербальных средств. На основе классификации Д.Б. Гудкова определены следующие универсально-прецедентные и национально-маркированные прецедентные феномены: прецедентные ситуации, прецедентные имена, прецедентные высказывания. В медиа тексте прецеденты способствуют реализации семантической, прагматической, диалоговой и риторической стратегий. Наиболее часто интертекстуальность проявляется в виде неологизмов, аллюзий и цитаций, претекстами которых являются произведения мировой и испанской литературы, библейские сюжеты, мифологические источники, а также исторические реалии и испанские внутриполитические события. На основании полученных результатов подтверждена гипотеза о том, что прецеденты в медийном дискурсе отражают культурный фонд и историческую память испанского лингвокультурного сообщества и выступают в качестве культурно-языкового проводника, посредством которого происходит опосредованная коммуникация представителей разных культур, эпох и поколений.

Ключевые слова: лингвокультурология, прагматика, дискурс-анализ, прецедент, теория интертекстуальности, медийный дискурс, языковая картина мира, когнитивная база, языковая личность, испанский язык

Взаимодействие языка и культуры во многом определяет речевое поведение участников межкультурной коммуникации, при этом язык является знаковой квинтэссенцией любой культуры. Каждый язык отражает определённый взгляд на действительность, он систематизирует окружающий мир на ментальном уровне, преобразуя внелингвистический опыт и способы его восприятия в определённые языковые схемы. Этим объясняется наличие уникального национального мировосприятия и особых типов номинации у каждой лингвоэтнической общности. Поэтому при изучении языка представляется важным овладеть ядерными элементами когнитивной базы того или иного лингвокультурного сообщества. Последняя понимается нами вслед за Д.Б. Гудковым как «определённым ... образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного сообщества» [3, с. 91–92].

Знания и представления, заложенные в когнитивной базе народа и имплицитно выражающиеся в его речи, воспринимаются носителями языка как нечто само собой разумеющееся, поскольку языковой коллектив обладает общей языковой картиной мира или единой системой ценностных ориентаций, содержащихся в языковых единицах, для декодирования которых необходимо обратиться к знакам и концептам культуры, лежащим в их семантике.

Различия, существующие в восприятии окружающей действительности разными лингвокультурными сообществами, могут стать причиной коммуникативных неудач. Именно поэтому исследование феномена прецедентности, являющегося частью когнитивной базы народа и инвариантной составляющей в структуре языковой личности, вызывает всё больший интерес у учёных различных областей знаний. Во многом это обусловлено необходимостью адаптации языкового поведения к реалиям и канонам культуры изучаемого языка, что, в свою очередь, представляется

возможным только при наличии у изучающих иностранный язык фоновых знаний и представлений, благодаря которым формируются необходимые навыки поведения при контакте с другими культурами.

В исследовании анализируются лингвокультурологические и лингвопрагматические дискурсивные аспекты употребления прецедентных феноменов (в дальнейшем ПФ) в современном испанском медийном дискурсе, который вербализирует и отражает менталитет и культуру общества, что определяет *актуальность* предлагаемого исследования ввиду возрастающего интереса к изучению языковой картины мира и языковой личности.

Научная новизна обусловлена тем фактом, что исследование на материале испанского медийного дискурса носит интегративный характер и находится на стыке лингвистики и культурологии, что позволяет рассматривать прецедентность текста не только как способ манифестации языковой картины мира испанцев, но и как способ манипуляции сознанием читателя.

Цель анализа – обоснование тесной взаимосвязи ПФ и культуры, а также определение их основных функций в медийном дискурсе.

Н.Н. Шпильная утверждает, что «прецедент является своеобразным квантом знания, отражающим опыт познания внеязыкового мира *языковой личностью*» [10, с. 45], которую мы рассматриваем, вслед за основоположником теории прецедентности Ю.Н. Карауловым, как «совокупность способностей и характеристик человека как носителя языка, которые определяют создание и восприятие им речевых произведений» [6, с. 245]. Язык служит инструментом выражения представлений человека об окружающем его мире, а прецедент выступает в качестве некоего ситуационного или поведенческого эталона.

Вопрос прецедентности текста нередко рассматривается в рамках теории *интертекстуальности*, основоположниками которой считаются французские постструктуралисты Ю. Кристева и Р. Барт. Учёные трактуют понятие «*текст*» как результат взаимодействия множества текстов. При этом термин «*интертекст*», согласно их подходу, понимается как некий культурный объект, созданный на основе заданных образцов, воплощённых в тексте [8; 1].

На современном этапе в основе лингвокультурологических исследований лежит *теория прецедентных текстов* Ю.Н. Караулова, которая изучает прецеденты как один из видов манифестации языковой личности. Учёный определяет *прецедентные тексты* как «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки-стереотипы» [6, с. 220] и относит к прецедентным также тексты, хорошо известные всем членам языкового сообщества, передающиеся из поколения в поколение и превалирующие в дискурсе той или иной языковой личности. К прецедентным текстам также причисляются картины, музыкальные композиции и другие составляющие любой культуры.

Д.Б. Гудков классифицирует прецеденты, выделяя «*прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентную ситуацию*» [3, с. 106]. По масштабу лингвокультурной значимости прецеденты делятся на «*автопрецедентные, социумно-прецедентные, национально-прецедентные (и) универсально-прецедентные феномены*» [там же, с. 103].

Автопрецеденты являются ментальной, сугубо индивидуальной репрезентацией окружающей человека действительности и формируют у языковой личности собственные ассоциативные ряды. В то время как ключевые элементы национальной когнитивной базы – *национально-прецедентные феномены* – широко известны любому среднему представителю лингвокультурного сообщества, *социумно-прецедентные феномены* охватывают лишь некоторые социальные группы того или иного языкового коллектива, при этом *универсально-прецедентные феномены* входят в круг знаний любого современного человека.

На сегодняшний день не существует однозначного определения функций прецедентных феноменов в медийном дискурсе. Так, Ю.Н. Караулов выделяет *номинативную* – знак, вводящий прецедентный текст, указывающий на характерное свойство, типовую примету; *референтную* – употребление имён собственных для обогащения духовно-эстетического содержания произведения и манипулирования; *цитирование* (ФЦ) [6, с. 221–237]. В то время как В.Б. Гудков расширяет функциональный потенциал прецедентов и добавляет *экспрессивную, оценочную и парольную* функции [3, с. 157–158]. Так, реагируя на пароль, названный автором, читатель или

слушатель становится «своим». О.А. Ворожцова вводит в функциональный инструментарий прецедентов также прагматическую, когнитивную, коммуникативную и эстетическую функции [2, с. 62–65].

На сегодняшний день в медийном дискурсе одна из важнейших функций ПФ – эмотивно-убеждающая. Прецедентные единицы выступают в качестве эффективного инструмента реализации стратегии скрытого воздействия, транслируя прагматические установки автора. При получении сообщения, нагруженного дополнительными нюансами смысла, адресат осуществляет интуитивную оценку события, за счёт чего достигается перлокутивный эффект речевого воздействия.

Г.А. Копнина выделяет два вида манипуляции – *манипуляцию образами и конвенциональную*. При манипуляции образами прецедентные феномены воздействуют на воображение адресата, активизируя в его сознании архетипы, релевантные прецедентным феноменам. Конвенциональная манипуляция осуществляется на основе «*конвенциональной силы*» – применения тактики стереотипизации речевого поведения [7].

О.Л. Михалева определяет три базовые стратегии речевого манипулирования: *стратегию на понижение* (имплицитное выражение отрицательного оценочного суждения, обвинения или обличения), *стратегию на повышение* и *стратегию нейтральности* (применение тактики побуждения, информирования и прогнозирования) [9].

Исходя из функционального потенциала стратегий, О.С. Иссерс подразделяет их на *основные* (семантические, когнитивные) и *вспомогательные* (прагматические, диалоговые и риторические) или *коммуникативно-ситуационные* [5]. Целью первых является воздействие на систему ценностей и модель мира адресата, а также его эмоциональное и интеллектуальное поведение для реализации тактики дискредитации и подчинения. Вторая группа стратегий нацелена на эффективное диалоговое взаимодействие с адресатом и формирование необходимого имиджа, эмоционального настроя и применяется в качестве риторического приёма для привлечения внимания адресата.

Рассмотрим употребление ПФ с точки зрения их лингвокультурного характера и функционального потенциала на материале испанских изданий «El Mundo», «El País» и «La Razón».

Обращение к прецедентной ситуации через прецедентное имя

Прецедентные феномены в виде аллюзий на произведения мировой литературы зачастую используются журналистами в качестве риторического приёма для создания необходимого эмоционального состояния и привлечения внимания читателя. Выполняя номинативную и референтные функции, ПФ вводят в медиатекст определённые сюжеты и типизированные ситуации, а также транслируют имплицитные смыслы содержания текста-донора, широкая известность которых обеспечивает достижение необходимого эмоционального фона у реципиента.

Так, при описании кризиса в Испании в связи с пандемией автор не только метафорически ссылается на произведение Г. Маркеса, но и осуществляет концептуальное включение в текст образа ада из «Божественной комедии» Данте: (1) *Pusilanimidad y magnanimidad en los tiempos del cólera. Por primera vez desde 1945, Europa afronta un momento que nos definirá a todos* (El País 13.03.2020). – «**Малодушие и великодушие во время чумы**. Впервые с 1945 года Европа переживает сложный период, который покажет, чего каждый из нас стоит на самом деле».

В тексте статьи автор, развивая свои идеи, актуализирует прецедентную ситуацию за счёт употребления прецедентных имени и высказывания: (2) *Desde lejos, Dante nos señala otro grupo (...) son el primer grupo de almas que el poeta encuentra nada más cruzar la famosa puerta del infierno “Lasciate ogni speranza...”* (El País 13.03.2020). – «Из далёких времён Данте указывает нам на ещё одну группу (...): их души поэт первыми встречает у входа в знаменитые врата ада с надписью «**Оставь надежду, всяк сюда входящий**».

В медийном дискурсе утвердилась модель номинации испанскими журналистами того или иного уголовного дела по фамилии главного фигуранта, что позволяет автору реализовать когнитивную стратегию, нацеленную на дискредитацию.

(3) *Instituciones Penitenciarias ha rechazado conceder el tercer grado o régimen abierto a Iñaki Urdangarin como había propuesto la Junta de Tratamiento de la cárcel de Brieva (Ávila), donde cumple condena por el caso Nóos* (El Mundo 17.07.2020). – «Пенитенциарные учреждения отказались предоставить третий уровень или открытый режим заключения Иньяки Урдангарину, как это предложил сделать Совет по тюремному заключению Бриевы (муниципалитет Авила), где И. Урдангарин отбывает наказание по **делу о коррупции Ноос**».

(4) (...) *el Gobierno está haciendo con la jefatura del Estado lo mismo (...) y todo en pleno caso Dina* (El Mundo 17.07.2020). – «Правительство и руководство страны также предпринимают определённые действия (...) и всё это в разгар **дела Дина** (дела в отношении П. Иглесиаса, обвиняемого в раскрытии секретных данных и клевете)».

Имена собственные с отрицательной коннотацией применяются также и при реализации семантической и прагматической стратегий для имплицитного выражения автором негативной оценки, например, (5) *“Estilo Illa”* (El País 26.01.2021) – «**Стиль Ильи**». Речь идёт о неэффективной работе Министерства здравоохранения Испании под руководством министра С. Ильи.

Обращение к прецедентной ситуации через библеизмы

Широко распространённым способом формирования у читателя необходимого эмоционального настроя и придания медиатекстам дополнительной стилистической окраски являются аллюзии на библейские сюжеты, за счёт чего осуществляется противопоставление мирской жизни духовной, а действия политиков сравниваются с истинными морально-этическими принципами. Принимая во внимание важную роль религии и духовно-этических ценностей в национальном самосознании испанцев, авторы зачастую обращаются к Евангелию от Матфея с целью воздействия на эмоционально-психический фон читателей и оказания скрытого влияния на аудиторию.

(6) ... *aunque la Carta Magna carezca del carácter inalterable de aquellas que Dios entregó a Noé* (El Mundo 19.08.2018). – «... хотя **Конституцию**, в отличие от **заповедей Бога-Отца**, данных **Ною**, изменить можно».

(7) *La Sagrada Familia huye de Herodes para salvar la vida de su hijo (...) como si fueran una nueva versión del éxodo de María y José huyendo a Egipto con el niño Jesús* (El País 14.12.2019). – «**Святое семейство бежит от Ирода, чтобы спасти жизнь своему ребёнку** (...) словно современные **Мария и Иосиф с младенцем Иисусом** спасаются бегством в Египет».

(8) *La ‘Sagrada Familia’, ante el juicio final* (El Mundo 18.07.2020). – «Святое семейство перед финальным судебным слушанием».

Обращение к прецедентной ситуации через историзмы

Обращение в медийном дискурсе к культурно-историческим реалиям позволяет реализовать прагматические и риторические стратегии. Привлекая внимание читателя и формируя необходимый эмоциональный фон, ПФ выстраивают прототипические ситуации, благодаря чему происходит не только вербальная, но и социальная интеракция автора с читателем.

(9) *Olvidense de los famosos cien días de gracia* (El País 04.01.2020). – «**Забудьте о знаменитых ста днях перемирия**». Автор осуждает неспособность правительства Испании добиться политического консенсуса, который позволил бы стране выйти из периода нестабильности, начавшегося ещё в декабре 2015 года, и метафорически ссылается на знаменитый призыв президента США Ф. Рузвельта в 1932 году к заключению стодневного перемирия между правительством и оппозицией на период реализации плана действий, разработанного Рузвельтом, для восстановления американской экономики после Великой Депрессии.

Обращение к прецедентной ситуации через фразеологизмы

В рамках реализации вспомогательных стратегий (прагматической, диалоговой и риторической) в качестве риторического приёма встречается номинация референтных ситуаций при помощи фразеологизмов национально-прецедентного характера.

При освещении судебного дела в отношении Луиса Барсенеса, бывшего казначея Народной партии Испании, обвиняемого в коррупции и путающегося в показаниях при повторном допросе, в заголовке статьи автор употребляет испанский разговорный фразеологизм, образно характеризующий стиль действий бывшего политика: (10) «*Donde dije digo, digo Diego*» (El País 08.02.2021), что означает «взять свои слова обратно», «уходить от ответственности за сказанное ранее».

Аллюзии на внутривнутриполитические события в Испании

К национально-прецедентным ситуациям относятся хорошо известные испанцам резонансные социально-значимые события. Включение в медийные тексты названия прецедентного события или его метонимических номинаций через указание на дату, с которой в сознании реципиента связаны определённые ментальные образы, позволяет журналистам сэкономить языковые средства и на базе общего фонда знаний вовлечь читателя в определённую языковую игру по декодированию информации на основе его пресуппозитивных знаний.

(11) «*El Rey, que pese a la oposición de Torra presidió el homenaje a las víctimas del 17-A, fue recibido sin embargo con una enorme pancarta colgada en uno de los edificios de la plaza Catalunya*» (El Mundo, 19.08.2018). – «Тем не менее короля, который несмотря на возражения Торра, возглавил церемонию памяти жертв **теракта 17 августа**, встретили с огромным баннером на одном из зданий на площади Каталонии».

(12) *Suspender la inmunidad de los prófugos del 1-O cuanto antes* (El Mundo, 04.01.2020). – «Как можно скорее приостановить действие иммунитета организаторов **референдума 1 октября**, бежавших из страны».

(13) ... *tras la sentencia europea que estableció que tenía inmunidad antes de ser condenado por el **procés***» (El País 04.01.2020). – «... после решения европейского суда, установившего, что он обладал иммунитетом перед вынесением приговора по делу о **незаконном референдуме о независимости Каталонии**».

Широко распространены национально-прецедентные феномены в виде неологизмов при описании тех или иных политических событий, а также ранее не существовавших реалий в обществе (например, явления, связанные с пандемией коронавируса). Как отмечает В.А. Иовенко, «испанские журналисты всё чаще и легче создают неологизмы, используя основы уже существующих лексем и разветвлённую систему суффиксальной деривации в испанском языке» [4; с. 114].

(14) *Pero son los diputados, y no los barones, los que votan en la investidura, y podría repetirse un «tamayazo», como el que privó al negociador Simancas de ser presidente de la Comunidad de Madrid como consecuencia de su humillante pacto con los comunistas*» (La Razón 04.01.2020). – «Но именно депутаты, а не партийные функционеры, голосуют за кандидатуру председателя правительства, и кто-нибудь мог бы повторить поступок Тамайо (**tamayazo**), помешавшего переговорщику Симанкасу возглавить Автономное сообщество Мадрида после заключения унижительного соглашения с коммунистами».

Лексема-неологизм «**tamayazo**» образована с помощью суффикса **-azo**, реализующего значение *действие, поступок* и присоединённого к фамилии Э. Тамайо (Е. Тамайо), который, воздержавшись от голосования во втором туре в 2003 году, помешал Р. Симанкасу стать президентом Мадридского автономного сообщества. Существительное выполняет номинативную функцию, называя прецедентное для испанцев событие.

(15) *El jueves su portavoz en el Senado, Javier Maroto (...) tuvo que pedir varias veces el **pactómetro*** (La Razón 04.01.2020). – «В четверг представителю Народной Партии в Сенате Хавьеру Марото (...) пришлось несколько раз обращаться к **приложению, ведущему учёт распределения голосов**».

Лексема-неологизм **«pactómetro»** ещё не зафиксирована в словаре Королевской академии испанского языка и была введена в узус телеведущим программы “Al rojo vivo” на канале “laSexta” Антонио Гарсиа Феррерасом после создания мобильного приложения для учёта распределения голосов на всеобщих выборах в 2015 году.

Эпидемия коронавируса, охватившая весь мир, отразилась также и в испанском медийном дискурсе.

(16) *Los “Covidigilantes”: así se frenan los contagios a pie de playa* (La Razón 19.07.2020). – «Спасатели КОВИД: так предотвращают новые случаи заражения на пляжах». Путём слияния двух лексем “covid” и “vigilantes” автором был образован неологизм “covidigilantes”.

Тревожное состояние испанского общества в связи с избыточной информацией о коронавирусе сравнивается журналистом с информационной эпидемией ужаса:

(17) *“Infodemia de tremendismo”* (El País 13.02.2021) – «**инфодемия** тременизма».

Ситуация в Каталонии и её непрекращающееся стремление к независимости от Испании также сравнивается с заболеванием –

(18) *“Endemia nacionalista”* (ABC 20.02.2021) – «Националистическая **эндемия**».

Хорошо известным концептом испанской культуры является «мачизм». В ряде случаев данная лексема также служит основой для образования неологизмов с отрицательной коннотацией.

(19) *«Esa es la proverbial maldad que el machirulismo imperante en la Historia atribuye a las mujeres ambiciosas»* (El Mundo 19.07.2020). – «Это грубое выражение, с помощью которого исторически **господствующий мачизм** характеризует амбициозных женщин».

Лексема «machirulo» была употреблена впервые испанским министром по равноправию Ирене Монтеро в феврале 2020 года для описания агрессивного поведения депутата Народной партии Анхеля Гонсалеса Муниса.

(20) *“Mata más el machismo que el virus”* (La Razón 19.07.2020). – «**Мачизм** – смертоноснее вируса».

При описании политических явлений с целью дискредитации политика и для выражения скрытой отрицательной оценки его действий употребляются неологизмы, образованные на основе существительного или имени собственного с суффиксом -ismo:

(21) *“Avances del sanchismo”* (ABC 02.01.2021). – «Успехи **правительства Санчеса**».

(22) *“El pedrochismo”* (ABC 02.01.2021) – «**феномен Кристины Педроче**».

(23) *“Por no hablar del edadismo (desprecio a los personas de edad)…”* (El Mundo 19.07.2020) – «Не говоря о **неуважении к людям в возрасте...**».

Кроме того, встречаются случаи калькирования неологизмов с английского языка:

(24) *La pandemia ha caído como un meteorito en la vida de este ejército de viejenials, convirtiéndolos abruptamente en viejunos*. (El País 16.02.2021) – «Пандемия свалилась, как метеорит в жизнь этой армии **поколения пожилых людей**, внезапно превратив их в **ненужных «старичков»**. Лексема viejenials образована по аналогии с английским словом *millennials* – миллениалы.

Для называния и описания референтной ситуации (результатов выборов) могут использоваться не только существительные, но и глаголы-окационализмы, образованные от имени собственного, например, названия партии “Podemos”:

(25) *«Un dirigente de Podemos tiene sobre el resultado de las urnas una teoría ingeniosa: los nacionalistas del País Vasco y de Galicia se han podemizado»* (El Mundo 15.07.2020). – «Руководитель Подемос по итогам выборов находчиво заявляет: националисты Страны Басков и Галисии **попали под власть Подемос**».

Таким образом, прецедентные феномены в виде неологизмов отражают в языке значимые общественные изменения, заполняют возникающие культурно-языковые лакуны и выступают в качестве риторического приёма для повышения образности медийного текста.

Обращение к прецедентным именам собственным

Включение в текст имени выдающейся личности современности или исторического персонажа обогащает информационное содержание медийного дискурса, расширяя его духовно-эстети-

ческое пространство, а также усиливает прагматическое воздействие на читателя. Кроме того, через прецеденты подчёркивается существование общей с читателем культурной памяти. Так, с целью эффективной реализации прагматической и риторической стратегии журналисты нередко прибегают к метафорическому сравнению на основе признакового дейксиса: совокупность определённых характеристик названной личности переносится на реально существующего человека.

(26) *Ántic, el Kaspárov de los banquillos*. (El País 07.04.2020) – «Антич – Каспаров скамейки запасных». Шахматное мастерство Г. Каспарова служит прототипом для описания профессиональной компетентности тренера испанских футбольных клубов Р. Антича, который виртуозно применял шахматные стратегии, тренируя футболистов.

В марте 2020 года Министерство обороны Испании назвало операцию по борьбе с коронавирусом в 172 испанских городах в честь военного врача из Аликанте Франциско Хавьера Бальмиса (1753–1819 гг.).

(27) *«Después de haber puesto fin a la operación Balmis, el Ejército de Tierra ya está estudiando sobre el terreno la posibilidad de poner en marcha un dispositivo...»* (El Mundo 15.07.2020) – «Завершив **операцию Бальмис**, сухопутные войска уже изучают на местности возможность установки аппарата...».

Встречаются также и аллюзии на средневековую испанскую «чёрную легенду», созданную преимущественно геополитическими врагами Испании – Англией и Францией – с целью её дискредитации и создания негативного образа в общеевропейском пространстве. Описывая конфликт правительства Каталонии с центральным правительством страны, автор через прецедент указывает на стремление каталонцев создать негативный образ Испании.

(28) *“La España negra, de nuevo”* (14.02.2021 ABC) – «И снова **чёрная Испания**».

(29) *“Entre lo galdosiano y lo goyesco no solo hay simpatías (...) de la España castiza, taurina y popular a la España negra; de nuestro eterno majismo a las élites cultas o las aspiraciones burguesas...”* (ABC 26.12.2020). – «Все, что связано с **эпохами Гальдоса и Гойи** не просто любимо нами (...) от Испании исконной, народной, с корридами, до **Испании «чёрной легенды**», от дорогого сердцу духа простого народа до образованных элит или надежд буржуазии...».

Кроме того, нередко встречаются национально-прецедентные прилагательные в географических и исторических реминисценциях, адекватный перевод которых требует наличия базовых экстралингвистических знаний.

(30) *“Por sus venas corre sangre blaugrana”*. (El Mundo 01.04.2020) – «**В её венах течёт барселонская кровь**». Автор метафорически отсылает к национальному происхождению депутата парламента Каталонии Марты Вилальты через аллюзию на футбольный клуб «Барселона», имеющий сине-гранатовую форму, и на принадлежащий ему дворец спорта Блауграна.

(31) *“El equipo perico esquivó la caída a Segunda en ambas ocasiones”* (El Mundo 01.04.2020). – «**Футбольный клуб «Эспаньоль»** оба раза избежал попадания во вторую лигу». Согласно наиболее распространённой легенде начала XX века, неофициальное название “pericos” или “periquitos” футбольный клуб «Эспаньол» этимологически получил по названию птиц, обитавших в районе стадиона испанского муниципалитета Саррия, на котором проходили его тренировки с 1923 по 1997 год.

Номинация политических реалий также осуществляется путём использования номинаций на языке оригинала:

(32) *“Pero todo indica que les será difícil conformar un tripartito con la izquierda abertzale de Otegi...”* (El Mundo 07.11.2020). – «Но всё указывает на то, что им будет сложно согласовать трёхсторонний формат с **баскскими националистами Отеги**».

В следующем примере с целью дискредитации правительства и самого премьер-министра, автор путём языковой игры предлагает аллюзию на Франкенштейна, чудовище из романа М. Шелли «Франкенштейн или современный Прометей»:

(33) *“(...) el presidente Sáncheztein presentó el parte de averías del Falcon para no estar en el cierre de campaña y no verse salpicado por el desastre”* (El Mundo 18.07.2020) – « (...) председатель **правительства Санчесштейн** отчитался о крушении Фалькона, чтобы не делать этого при завершении кампании и избежать тем самым негативных ассоциаций его деятельности с катастрофой».

Обращение к прецедентным высказываниям

При цитировании лингвокультурных типажей (широко известных исторических личностей, политиков и писателей) текст-реципиент вступает в своего рода лингвокультурный диалог с произведениями или высказываниями цитируемых авторов или исторических персонажей. Именно поэтому цитата не только сохраняет прямое, но и получает коннотативное значение, возникающее после её включения в текст-реципиент, смысловое поле которого также значительно расширяется.

В рассмотренных примерах национально-прецедентные и универсально-прецедентные высказывания привлекают внимание читателя и выполняют референтную функцию, а также функцию цитирования:

(34) *“Poderoso caballero es don Dinero”* (El País 14.02.2021) – «Могущественный кавалер – Дон Деньги» (строка из стихотворения Ф. Кеведо).

В следующем примере аллюзия на притчу о кольце царя Соломона добавляет фразе образности, испанская монархия трактуется как нечто «божественное» и «мифическое», а современная политическая ситуация в Испании вводится в общий европейский исторический и культурный контекст:

(35) *“Ante esa disyuntiva, no se sabe si Felipe VI lleva oculto en su anillo el mensaje que le sirva para mantener a flote el régimen que encarna en medio de la tormenta (...) En ese brete, sacó el papel y encontró una valiosa recomendación: «Esto pasará»”* (El Mundo 19.08.2018). – «В такой ситуации неизвестно, есть ли у Филиппа VI на кольце послание, которое поможет ему в разгар бури сохранить режим, который он олицетворяет (...) В этот тяжёлый момент он достал бумагу и нашёл очень ценный совет: «Это пройдёт».

(36) *“Sin entrar en un análisis jurídico del escrito en cuestión, afortunadamente quedan jueces en Madrid como diría el Molinero de Potsdam”* (La Razón 04.01.2020). – «Не вдаваясь в юридический анализ рассматриваемого доклада, к счастью, есть судьи в Мадриде, как сказал бы потсдамский мельник».

Лексически преобразованное прецедентное высказывание – «Есть ещё судьи в Берлине» – употребляется для метафорического описания судебного произвола и было заимствовано из рассказа Ф. Андрие «Мельник из Сан-Суси», в котором автор повествует о справедливом судебном решении, принятом Фридрихом Великим в отношении мельника. Впоследствии данный прецедент стал эталоном соотношения таких категорий как право и справедливость.

Благодаря манипуляции образами, прецеденты позволяют реализовать семантическую, прагматическую и риторическую стратегии и интерпретировать сложные абстрактные социально-политические явления на основе стоящих за ними представлений, которые, в свою очередь, репрезентируют элементы национального и мирового культурного фонда. Так, национально-прецедентные феномены, являются национальными штампами сознания и существуют исключительно в рамках испанской культуры, они отражают культурное пространство испанцев, их ассоциативное поле и фрагментарный образ мира.

Исходя из характера прецедентности аллюзий, по масштабу лингвокультурной значимости проанализированные ПФ (прецедентные ситуации, прецедентные имена и прецедентные высказывания) следует подразделить на универсально-прецедентные и национально-прецедентные.

Универсально-прецедентные феномены: (1) *Pusilanimidad y magnanimidad en los tiempos del cólera...* (2) *“Lasciate ogni speranza...”*, (6) *...la Carta Magna... Dios entregó a Noé*, (7) *La Sagrada Familia huye de Herodes para salvar la vida de su hijo*, (9) *cien días de gracia*, (33) *Sáncheztein*, (26) *el Kaspárov*, (35) *«Esto pasará»*, (36) *quedan jueces en Madrid*.

Национально-прецедентные феномены: (3) *el caso Nóos*, (4) *el caso Dina*, (5) *Estilo Illa*, (10) *«Donde dije digo, digo Diego»*, (11) *17-A*, (12) *el 1-O*, (13) *el procés*, (14) *«tamayazo»*, (15) *el pactómetro*, (16) *Los “Covidigilantes”*, (17) *“Infodemia de tremendismo”*, (18) *“Endemia nacionalista”*, (20) *el machismo*, (19) *el machirulismo*, (21) *el sanchismo*, (22) *El pedrochismo*, (23) *el edadismo*, (24) *Viejenials/viejunos*, (25) *se han podemizado*, (28), (29) *La España negra*, (30) *blaugrano*, (31) *El equipo perico*, (27) *la operación Balmis*, (32) *la izquierda abertzale de Otegi*, (34) *“Poderoso caballero es don Dinero”*.

Проведённый анализ демонстрирует, что интертекстуальность чаще всего проявляется в виде аллюзий и цитаций, претекстами которых являются произведения мировой и испанской литературы, мифологические источники, библеизмы, исторические реалии, фразеологизмы и неологизмы. При этом национально-маркированные прецедентные феномены чаще всего выражены лексемами-неологизмами, отражающими новые культурные реалии.

Прецедентность текста с отрицательной или положительной коннотацией позволяет автору имплицитно транслировать оценочность (дискредитация или повышение авторитета) и преподносить медиа-материал в политкорректной форме.

Одна из главных задач прецедентов в медийном дискурсе – привлечь внимание читателя при минимальной затрате языковых средств. Подобная языковая игра включает в себе дополнительную эмоциональную субъективную нагрузку: обеспечивает ассоциативное восприятие информации, а также помогает автору обогатить эстетическое пространство текста и его интеллектуальную составляющую. Однако успешное декодирование информации возможно только при наличии у реципиента необходимых фоновых знаний.

Результаты исследования подтверждают изначальную гипотезу о том, что ПФ выступают в качестве средства реализации скрытых интенций автора для оказания прагматического воздействия на адресата, кроме того прецеденты отражают коллективный внеязыковой опыт испанского лингвокультурного сообщества, что обуславливает необходимость их дальнейшего изучения как культурной формы, анализ которой следует осуществлять в историческом, политическом и культурном контекстах.

© Воронцова И.С., 2021

Список литературы

1. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы. Семиотика. М.: Поэтика, 1994. С. 413.
2. Ворожцова О.А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских федеральных выборов (2003–2004 гг.). Диссертация на соискание учёной степени кандидата фил.наук. Екатеринбург: 2007. 217 с.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
4. Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении: монография. М.: МГИМО-Университет, 2013. 219 с. (Серия «Научная школа МГИМО»).
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. Омск: ОГУ, 1999. 285 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2007. 267 с.
7. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. Пособие /Г.А. Копнина. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 176 с.
8. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман //Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму/М.: ИГ Прогресс, 2000. с. 427-457.
9. Михалева О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. URSS. 2009. 256 с.
10. Шпилиная Н.Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности языковой личности. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. 152 с.

References

1. Bart, R. Ot proizvedeniia k tekstu // *Izbrannye trudy. Semiotika* [From work to text/Selected texts. Semiotics] / R.Barthes. M.: Poetika, 1994. S.413.
2. Vorozhtsova, O.A. *Lingvisticheskoe issledovanie pretседentnykh fenomenov v diskurse rossiiskikh i amerikanskikh federal'nykh vyborov (2003-2004 g)*. Dissertatsiia na soiskaniie uchenoi stepeni kandidata fil.nauk [The linguistic research of precedent phenomena in the discourse of Russian and American federal elections (2003-2004)]. A PhD thesis work in Philological sciences/O.A.Vorozhtsova. Ekaterinburg: 2007. 217 s.
3. Gudkov, D.B. *Teoriia i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication]/ D.B.Gudkov. M.: ITDGGK «Gnozis», 2003. 288 s.
4. Iovenko, V.A. *Natsional'no-cul'turnoe mirovidenie v perevodcheskom izmerenii: monografiia* [The national and cultural outlook in the dimension of interpreting: monograph]/V.A.Iovenko. M.: MGIMO-Universitet, 2013. 219 s. (Seria "Nauchnaya shkola MGIMO").

5. Issers, O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi: monografiia*. [The communicational strategies and tactics of the Russian speech: monograph]/ O.S.Issers. Omsk: OGU, 1999. - 285 s.
6. Karaulov, U.N. *Russkii iazik I iazikovaia lichnost'*. 6-e izd [The Russian language and linguistic identity]/ U.N.Karaulov. M.: Isd-vo LKI/URSS, 2007, the sixth edition. 267 s.
7. Kopnina, G.A. *Rechevoie manipulirovanie: ucheb. posobie* [Speech manipulation: educational guidance]/G.A.Kopnina. 3-ie izd. M.: Flinta: Nauka, 2010, third edition. 176s.
8. Kristeva, U. Bahtin, slovo, dialog i roman// *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalisma k poststrukturalizmu* [Bakhtin, word, dialogue and novel/ French semiotics: From structuralism to post-structuralism]/ U.Kristeva. M.: IG Progress. 2000. s. 427-457.
9. Mihaleva, O.L. *Politicheskii diskurs: spetsifika manipuliativnogo vozdei- stviia* [The political discourse: specifics of manipulative influence] / O.L.Mihaleva. URSS. 2009. 256s.
10. Shpil'naia, N.N. *Iazikovaia kartina mira v structure rechmyslitel'noi deiatel'nosti yazikovoii lichnosti* [The linguistic outlook in the structure of verbal and cogitative activity of a language identity]/ N.N.Shpil'naia. M.: LENAND, 2017, second edition. 152 s.

Сведения об авторе:

Воронцова Ирина Сергеевна – аспирант-соискатель кафедры испанского языка по направлению «Культурология». E-mail: irin.vorontsova@gmail.com.

About the author:

Irina Vorontsova – postgraduate student of the Spanish Department, specialization “Culturology” at MGIMO University. E-mail: irin.vorontsova@gmail.com

* * *

PORTUGUESE PHRASEOLOGICAL UNITS CONTAINING FOOD NAMES

Polina A. Zhukova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article discusses the semantics of the phraseological units of the Portuguese language, which have a component from the thematic group “food”. The relevance of studying this group of phraseological units, which until now has not been the subject of a separate research in Russian Portuguese studies, is due to the fact that food, for natural reasons, is an important part of the cultural code of the people, the clue of which, in turn, is hidden in the national language. The research methodology meets the goal of conducting a comprehensive analysis of the semantics of phraseological units; in this regard the work uses the methods of lexical-semantic, component, quantitative and comparative analysis, the method of linguistic description in combination with cultural commentaries. Based on the results of the study, it can be concluded that for the Portuguese-speaking peoples, the culinary sphere has become a source of a large number of phraseological units, the semantic features of which reveal the specifics of the linguistic picture of the world of the native speakers. The division of the studied phraseological units into phraseosemantic groups showed that the largest number of phraseological units is associated with a description of a person (his appearance, character) and his behavior and actions. The study of the ways of the formation of phraseological units with the component “food” gave rise to the selection of eight groups. Among the phraseological units studied in the work, three different types of phraseological variance were identified and described, as well as features of phraseological synonymy, antonymy, and homonymy. In addition, examples of phraseological derivation and polysemy were identified and described.*

Key Words: *Portuguese language, gastronomic phraseology, semantics, language and culture, phraseosemantic group, synonymy, antonymy, polysemy, figurative rethinking*

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА

П.А. Жукова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье рассматривается семантика фразеологизмов португальского языка, имеющих в составе компонент из тематической группы «пища». Актуальность изучения данной группы фразеологизмов, которая до сих пор не была предметом отдельного исследования в отечественной португалистике, связана с тем, что пища по естественно обусловленным причинам является важной частью культурного кода народа, разгадка которого, в свою очередь, скрыта в национальном языке. Методология исследования отвечает цели проведения комплексного анализа семантики фразеологических единиц, в связи с этим в работе использованы методы лексико-семантического, компонентного, количественного и сравнительно-сопоставительного анализа, метод лингвистического описания в сочетании с культурологическими комментариями. На основании результатов исследования может быть сделан вывод о том, что для португалоязычных народов кулинарная сфера стала источником большого числа фразеологических единиц, семантические особенности которых выявляют специфику языковой картины мира носителей языка. Разделение исследуемых фразеологизмов на фразеосемантические группы продемонстрировало, что наибольшее количество ФЕ связано с описанием человека: его внешности, характера, поведения и т.д. Изучение способов формирования фразеологизмов с компонентом «пища» дало основание для выделения восьми групп. Среди исследуемых в работе ФЕ было выявлено и раскрыто три различных типа фразеологической вариантности, описаны примеры фразеологической деривации и полисемии. Кроме того, были выделены и проиллюстрированы особенности фразеологической синонимии, антонимии, омонимии.

Ключевые слова: португальский язык, гастрономическая фразеология, семантика, язык и культура, фразеосемантическая группа, синонимия, антонимия, полисемия, образное переосмысление

Введение

Поворот к антропоцентрической парадигме в языкознании предопределил особую значимость фразеологии как одной из наиболее ярких форм выражения культуры народа в языке. Фразеологизмы, или фразеологические единицы (далее – ФЕ), будучи образными конструктами по своей природе, по меткому выражению В.А. Масловой, способны «дать ключ к разгадке национального сознания» [3, с. 145]. Выдающийся отечественный лингвист В.Н. Телия, в свою очередь, сравнивает фразеологию с зеркалом, «в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [7, с. 8].

Изучение семантики гастрономических, или пищевых, фразеологизмов, составившее предметную основу настоящего исследования, подчинено главной цели – выявлению особенностей ассоциативно-образного строя языка, ограниченного определённым тематическим разделом области источника.

Нужно отметить, что в последнее время наблюдается рост исследовательского интереса к гастрономической фразеологии различных языков: работы А.Н. Афониной, Э.А. Гашимова, Т.А. Скоробогатовой, Е.В. Смирновой, Е.А. Юриной и многих других авторов. Повышенный интерес к данной тематике не удивителен, так как пища, будучи неотъемлемой частью жизни человека, является источником многочисленных ассоциаций и образов, которые находят отражение в языке, в том числе в виде фразеологических единиц [6]. С пищей у человека априори существуют крепкие сенсорные и эмоциональные связи: продукты, блюда, обладая специфическими вкусовыми свойствами, способны вызывать различные эмоции, как положительные, так и отрицательные. Помимо вкусовых свойств, основой для образов служит и внешний вид продуктов или блюд, которые зачастую сопоставляются с внешним видом человека, с его характером [8]. Кроме того, сам процесс приготовления какого-либо блюда может стать источником различных ассоциаций, связанных со сложностью или, напротив, простотой данного процесса. Стоит также отметить, что в пищевых образах находит отражение аксиологический аспект, то есть ценность

тех или иных продуктов питания в сознании носителей языка, что также крайне важно как для расшифровки кулинарного культурного кода, так и с точки зрения семантики фразеологизмов как результатов образного переосмысления [5].

Структура основной части работы, в которой представлены результаты исследования, подчинена следующим задачам:

- выявить основные фразеосемантические группы, на которые могут быть распределены исследуемые ФЕ, то есть провести идеографическую классификацию ФЕ;
- проанализировать парадигматические связи в данной фразеологической системе, выделенной по тематическому признаку компонента ФЕ;
- рассмотреть специфику процессов семантического развития.

Материалом для данного исследования послужило свыше 230 ФЕ, отобранных методом сплошной выборки из толковых словарей [12; 13; 14; 15] и словарей идиоматических выражений португальского языка [11; 18; 19].

Семантико-тематическая классификация гастрономических ФЕ

Анализ значений гастрономических ФЕ позволил установить их соотнесённость со следующими фразеосемантическими группами (ФСГ), под которыми мы вслед за А.Е. Гусевой понимаем группу ФЕ, которые имеют общие элементы и какой-то определённый набор отличных друг от друга признаков [1]. Иными словами, основанием для выделения ФСГ служит наличие у ФЕ как минимум одной общей семы. Для наглядности в некоторых ФСГ, в состав которых вошло большое число ФЕ, были выделены подгруппы.

Были выделены следующие ФСГ:

1. Поведение человека:

А. «хвастовство, высокомерие»: *arrostar postas de pescada* («срыгивать куски хека») – кичиться своим богатством; *carraraui de corrida* («скоростная макрель») – человек, считающий себя умнее других¹;

Б. «обман, нечестное поведение»: *dar / trocar bilha de azeite por bilha de leite* («дать кувшин масла в обмен на / обменять кувшин масла на кувшин молока») – совершить неравный обмен; *lágrimas de mostarda* («горчишные слёзы») – притворный плач;

В. «причинение физического вреда другому»: *pôr as uvas em pisa a alguém* («класть раздавленный виноград кому-либо») – причинить кому-то вред; *dar uma bolacha* («дать галету») – дать пощёчину;

Г. «оскорбление»: *mandar à(s) fava(s)* («отправить на бобы») – отделаться от кого-либо;

Д. «благожелательные по отношению к другому действия»: *pôr / botar azeitona na empada de alguém* («класть оливку в чей-либо пирожок²») – помогать, благоприютствовать кому-то; *pedir batatinhas* («просить картошечку») – просить прощения; *uma colher de chá* («ложка чая») – помощь;

Е. «нелепые поступки, бессмысленные / неразумные действия»: *perguntar se macaco quer banana* («спрашивать, хочет ли обезьяна банан») – спрашивать очевидные вещи; *colocar melancia na cabeça / no pescoço* («водрузить арбуз на голову / шею») – хотеть выделиться;

Ж. «необдуманные, рискованные действия»: *comprar nabos em saco* («купить репу в мешке») – сделать что-либо, не обдумав заранее последствия; *botar / colocar / pôr todos os ovos na mesma cesta* («складывать все яйца в одну корзину») – класть все имеющиеся средства в одно место, рискуя всё потерять разом;

З. «незаконные действия»: *ser laranja* («быть апельсином») – быть посредником в тёмных делах; *dar um café / um cafezinho a alguém* («дать кофе / кофеёк») – давать взятку;

¹ Здесь и далее в качестве иллюстрации приводится только ограниченное количество примеров.

² *Empada* («эмпада») – вид изделия из слоёного теста, популярный в Португалии и Бразилии, готовится в форме корзинки с различными начинками.

2. «характер человека»: *gente como (que nem) pão quente* («расторопный, как горячий хлеб») – об усердном, расторопном, пунктуальном человеке; *seco como um bacalhau* («сухой, как треска») – чёрствый, бесчувственный; *ser feijão de duas caras* («быть фасолью с двумя лицами») – быть двуличным человеком; *ser manteiga derretida* («быть растопленным маслом») – быть обидчивым; *ser rara-açorda* («быть едоком асорды³») – быть безынициативным; *ser pão duro* («быть твёрдым хлебом») – быть жадным;

3. «внешний вид человека»:

А. «худоба»: *bacalhau de porta de venda* (букв. «треска с витрины») – тощий человек; *ser um saaraui* («быть макрелью») – быть очень худым;

Б. «полнота»: *gordo como rabo de bacalhau* (жирный, как хвост трески) – «очень толстый»; *gordo como um nabo* («толстый, как репа») – очень толстый;

В. «состояние кожи»: *ter pele de pêssego* («иметь персиковую кожу») – иметь гладкую кожу; *cara de abacaxi* («ананасное лицо») – лицо в оспинах; *cara de maracujá / maracujá de gaveta* («лицо маракуйи» / «маракуйя из ящика») – морицинистое лицо;

Г. «манера одеваться»: *vender farinha* («продавать муку») – ходить в рубашке навывпуск;

4. «интеллектуальные способности»: *ser um nabo* («быть репой») – быть глупым; *ser caju* («быть кешью») – быть глупым;

5. «навыки человека»: *beber azeite* («пить масло») – хорошо разбираться в чём-либо; быть проницательным; *dar bolo em alguém* («дать пирожок») – дать кому-то фору; *ser sal da terra* («быть солью земли») – обладать выдающимися способностями;

6. «физическое и/или эмоционально-психическое состояние человека»: *estar com os (seus) azeites* («быть со (своим) маслом») – быть в плохом настроении, раздражённым; *subir a mostarda a nariz a alguém* («поднять горчицу к носу») – разгневаться;

7. «финансовое положение»:

А. «бедность»: *teso como saaraui* («неподвижный, как макрель») – очень бедный; *mais quebrado que arroz de terceira* («более разломанный, чем рис на третий день») – быть в тяжёлом финансовом положении;

Б. «богатство»: *ter café no bule* («иметь кофе в чайнике») – иметь средства, быть обеспеченным; *ter dinheiro como milho* («иметь денег столько, сколько зёрен кукурузы») – иметь много денег;

8. «средства к существованию»: *pão nosso de cada dia* («каждодневный хлеб») – хлеб насыщенный, средства к существованию, рутина; *ganhar o pão* («зарабатывать хлеб») – зарабатывать средства к существованию;

9. «время»: *de caju em caju* («от кеши к кеши») – из года в год;

10. «зрелость, опыт»: *sair da casca do ovo* («вылупиться из яйца») – повзрослеть, стать самостоятельным;

11. «ожидание»: *até vir a mulher da fava-rica* («пока не придёт женщина с бобовым супом») – придётся ждать долго, но ожидание того стоит;

12. «возраст»: *ser do tempo do arroz de quinze* («быть из времени, когда рис был по пятнадцать реалов») – быть очень старым, древним; *ser mais velho que azeite ou vinagre* («быть старше масла и уксуса») – быть очень старым, древним;

13. «процесс выполнения, решения какой-либо задачи, проблемы»: *estar com / ter a faca e o queijo na mão* («иметь нож и сыр в руках») – властвовать над ситуацией, иметь все средства для выполнения чего-либо; *tirar leite de pedra* («извлечь молоко из камня») – справиться с очень сложным делом;

14. «характеристика ситуации, проблемы, задачи»: *ser (uma) sanja* («быть куриным супом») / *ser (uma) sopa* («быть супом») / *mel na chupeta* («мёд в соске») / *fácil como tirar doce (da boca) de criança* («легко так же, как забрать сладость у ребёнка (из рта)») – об очень простом деле, за-

³ Асорда (açorda) – традиционное блюдо португальской кухни, представляющее собой похлёбку на основе хлеба с различными добавками.

дании; *cair como sora no mel* («как кусочек хлеба в меду») – о чём-либо, что прошло гладко, как и планировалось;

15. «результат, итог чего-либо»: *ficar com um grande melão* («остаться с огромной дыней») – остаться ни с чем; *pisar no tomate* («вступить в помидор») – совершить ошибку, потерпеть неудачу;

16. «наказание, испытания»: *dar o arroz* («давать рис») – наказывать; *comer o pão que o Diabo amassou* («есть хлеб, замешенный дьяволом») – испытывать лишения, страдать; *rôl/ colocar / botar / jogar o sal na moleira a alguém* («кидать соль на чью-то голову») – причинять страдания, беспокойство;

17. «ценность, значимость»: *para quem é, um bacalhau basta* («для того, кем он является, и трески достаточно») – о незначительном человеке, не стоящем внимания; *cháo que já deu uvas* («земля, уже давшая виноград») – человек / вещь, потерявшие свою ценность или привлекательность;

18. «жесты человека, ритуалы»: *dar um bacalhau / apertar o bacalhau / estender o bacalhau* («дать / сжать / протянуть треску») – приветствовать; *dar uma banana* («дать банан») – сделать неприличный жест;

19. «физиологические процессы»: *mudar a água às azeitonas* («сменить воду в оливках») – испустить мочу;

20. «стоимость»: *a preço de banana* («по цене банана») – очень дешево; *(por) dez / cinco réis de mel coado* («пять реалов за фильтрованный мёд») – очень дешево;

21. «количество»: *como sardinha(s) em lata* («как сардины в банке») – русский аналог «как сельди в бочке»;

22. «вкусовые свойства»: *saber que nem ginja* («иметь вкус как у вишен») – быть очень вкусным; *água de batata* («картофельная вода») – невкусный кофе;

23. «голосование»: *fava branca* («белый боб») – голос «за»; *fava preta* («чёрный боб») – голос «против»;

24. «степень чего-либо»: *pra chuchi* («для чайота⁴») – слишком, чрезмерно;

25. «части тела»: *maçã do rosto* («яблоко лица») – щека; *romo de Adão* («адамово яблоко») – кадык;

26. «оружие»: *maçã da espada* («яблоко меча») – рукоятка меча; *banana de dinamite* («динамитный банан») – динамитная шашка;

27. «интенсивность цвета»: *vermelho como um tomate / como um pimentão* («красный, как помидор / как перец») – очень красный;

28. «игра»: *jogar a feijões* («играть фасолинами») – играть на интерес;

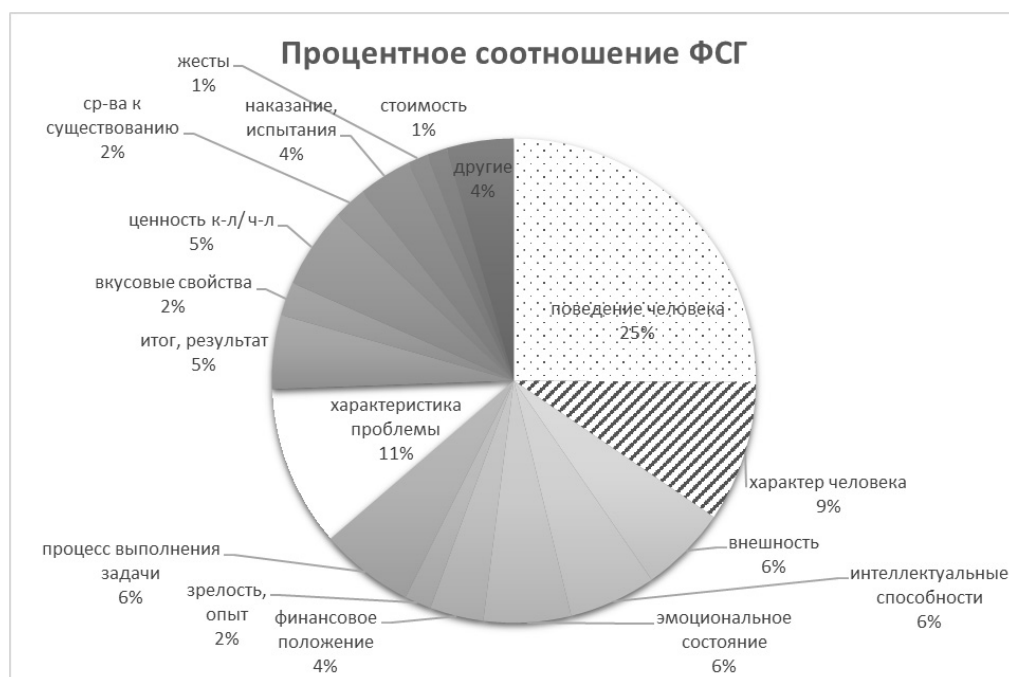
29. «близкие отношения между людьми»: *metade da laranja* («половинка апельсина») – вторая половинка; *estar na marmelada* («быть в мармеладе») – целоваться, обниматься;

30. «погодные явления»: *está caindo o cacau* («падают какао-бобы») – идёт сильный дождь.

Процентное соотношение указанных ФСГ наглядно представлено в диаграмме 1, из которой видно, что значение большего числа ФЕ относится к ФСГ «поведение человека» (25%), на втором месте – «характеристика ситуации / проблемы / задачи» (11%), на третьем – «характер человека» (9%).

Стоит также отметить, что в процессе семантико-тематической классификации ФЕ возникли некоторые сложности, связанные с узко специфическим характером действий, обозначенных вторичным десигнатом некоторых ФЕ. Например, ФЕ *dar (uma) sanja* («дать куриный суп») – исполнить на сцене не предусмотренный программой номер; *символизировать на сцене*; другой пример ФЕ *regar o feijão de alguém* («есть чью-то фасоль») – есть у кого-то в гостях.

⁴ Чайот, «мексиканский огурец» (*chuchu*) – съедобный плот одноимённого растения, произрастающего преимущественно в Центральной Америке.

Способы формирования фразеологизмов

Вопрос этимологии ФЕ – бесспорно, один из самых непростых аспектов фразеологии. В данной работе не ставится цель досконально проследить происхождение обозначенных ФЕ, однако ввиду неразрывной связи семантики с этимологией представляется важным выделить следующие основные типы происхождения ФЕ с компонентом «пища».

Во-первых, наиболее обширную группу составляют ФЕ, в основе которых лежит троп, то есть образное переосмысление. Н.Н. Кириллова называет такие фразеологизмы *логико-дискурсивными* [2]. К данному типу относятся, прежде всего, компаративные ФЕ: например, *gordo como rabo de bacalhau* («жирный, как хвост трески») – очень толстый; *tagro como um bacalhau sueco* («худой, как шведская треска») – очень худой и т.д.

ФЕ *estar por cima da carne-seca* («быть выше сушёного мяса») основана на метонимии: *carne-seca* («сушёное мясо») – бедные слои населения, в основной рацион которых входит сушёное мясо как очень дешёвый продукт. Следовательно, первичный десигнат ФЕ – не принадлежать к тем слоям населения, которые едят сушёное мясо, и поскольку «сушёное мясо» в сознании носителей языка интерпретируется как «бедные», то сигнификат (далее – сигн.) ФЕ – быть хорошо обеспеченным, иметь высокий статус в обществе.

Рассмотрим ещё несколько примеров. ФЕ *acabou-se a rara doce* («закончилась сладкая каша») зиждется на скрытом сравнении именной группы *rara doce* («сладкая каша») с чем-либо приятным, хорошим. ФЕ *ter uma batata quente na boca* («иметь горячую картошку во рту»; сигн. – говорить неразборчиво): если мы «раскроем» метафору, то получим: говорить так, будто во рту горячая картошка. *Sacar sanjica* («толочь / месить канжику»; сигн. – скакать галопом на лошади, сильно ударяясь о седло): метафора основана на образном сходстве действий, обозначенных первичным и вторичным десигнатом ФЕ.

Отдельно стоит рассмотреть целый ряд ФЕ, построенных по модели: *cabeça* («голова») *de* + *N*: *cabeça de melancia* («арбузная голова»; сигн. – безрассудный, неразумный человек); *cabeça de coco* («кокосовая голова»; сигн. – инфантильный, несерьёзный человек); *cabeça de avelã* («голова лесного ореха»; сигн. – недотёпа, растяпа); *cabeça de abóbora* («тыквенная голова»; сигн. – глупый человек). Нетрудно заметить, что данные ФЕ, обладая дифференциальными семами, тем не менее объединены архисемой «недостаток какого-либо качества, связанного с мыслительной деятельностью».

Кроме того, можно выделить целый ряд ФЕ, основанных на метафоре, условно сводящейся к следующей формуле: *плод округлой формы = удар*. Чаще всего данные ФЕ имеют схожую глагольную структуру: глагол *levar* («получить») или, наоборот, *dar* («дать»). Например, *dar um soco a alguém* («дать кому-то кокос»), *levar uma pêssera / um pêro* (получить мушкету / яблоко).

Заслуживает внимания и иная метафорическая модель: *есть определённое блюдо = получать опыт*. По такой модели образованы ФЕ: *ter muita feijoada a comer* («нужно съесть ещё много фейжоады⁵») и *ter de comer muita broa* («нужно съесть ещё много кукурузного хлеба»); у обеих сигнификат – *быть неопытным, очень молодым*.

Во-вторых, значительную группу в данном ФСП составляют так называемые эмпирические ФЕ, то есть ФЕ, в основе которых лежит реальный опыт человека. Семантическое преобразование таких ФЕ основано на ассоциативной аналогии [2]. Например, ФЕ *ir às favas até que a ervilha enche* («идти за бобами, пока зреет горох») – *заниматься чем-либо в ожидании завершения чего-либо*. Первичный десигнат, то есть ситуация, обозначенная свободным словосочетанием – прототипом ФЕ, следующая: горох созревает позднее, чем боб. Аналогичным образом образовалась ФЕ *quebrar o coco e não arrebentar a sapucaia* («разбить кокос, не сломав сапукайи⁶; сигн. – быть ловким): выполнить действие, обозначенное первичным десигнатом, под силу только очень ловкому, умелому человеку.

В-третьих, в противоположность эмпирическим ФЕ вслед за Н.Н. Кирилловой выделим ФЕ, основанные на воображаемом опыте, ФЕ-фантазии [2]. Если в предыдущем разделе речь шла о ФЕ, первичный десигнат которых отражает реальный опыт человека, то в данном типе ФЕ опыт нереален. Рассмотрим ФЕ *o cão chupando manga* («собака, жующая манго»). Очевидно, что ситуация, обозначенная первичным десигнатом – нереальна, является плодом фантазии. Сигнификат данной ФЕ – *нечто крайне странное, неподдающееся объяснению*. В качестве ещё одного примера возьмем ФЕ, существующую в двух вариантах *viajar na batatinha / na maionese* («путешествовать в картошечке / в майонезе»), сигнификат – *говорить глупости, нести чушь*.

В-четвёртых, когда речь идёт о ФЕ, основным компонентом которых являются различные употребляемые в пищу продукты, нельзя не отметить, что издавна люди были склонны приписывать определённые свойства некоторым из них. Так, например, считалось, что употребление большого количества сыра плохо сказывается на памяти, это мнение стало базой для ФЕ *comer muito queijo* («есть много сыра») – *иметь плохую память*. Другой пример – фразеолекса *chá* («чай»): будучи дорогим импортным товаром, данный напиток считался очень полезным для умственного развития детей. Так родилась ФЕ *tomar chá em criança / em requeno* («пить чай в детстве») – *быть хорошо воспитанным*, а также антонимичное выражение «*ter falta de chá*» («иметь недостаток чая») – *быть плохо образованным*.

В-пятых, большое количество исследуемых в данной работе ФЕ обязаны своим появлением определённым историческим феноменам, конкретным ситуациям. Ярким примером служит выражение *tomar chá de cadeira* («пить чай на стуле») – *очень долго ждать приёма в каком-либо учреждении или кого-либо, занимающего высокую должность*. Традиция пить чай пришла в Бразилию в начале XIX века, когда в Рио приехал королевский двор. Тогда считалось, что заставлять себя ждать – это признак важности и знатности, поэтому, чтобы получить аудиенцию господина, подданные ждали очень долго и, чтобы убить время, пили чай [17].

В данной группе выделяется ряд ФЕ, происхождение которых связано с периодом рабства в Бразилии. Например, ФЕ *debaixo desse angu tem carvão* («в этой кукурузной каше есть что-то твёрдое») – *для выражения опасения, подозрения о том, что какая-либо ситуация, проблема сложнее, чем кажется на первый взгляд*. Историческая ситуация такова: кукурузная каша была основной пищей рабов в Бразилии, готовившие её кухарки иногда прятали в некоторые порции кусочек мяса [16]. Первичный десигнат: *у другого в каше есть что-то твердое (например, мясо)*.

⁵ Фейжоада (feijoada) – традиционное для португалоязычных стран блюдо на основе фасоли.

⁶ Сапукайя (sapucaia) – дерево семейства Лецитисовые, в плодах которого находятся так называемые «райские орехи», чьи вкусовые свойства высоко ценятся.

Стоит отметить также фразеологизм *acabar / terminar em pizza* («завершиться пиццей»; сигн. – окончиться ничем). Данная ФЕ, родившаяся на страницах газеты, отсылает нас к ситуации, произошедшей в мире бразильского футбола в 1960-х, когда владельцы клуба «Палмейрас», после четырнадцатичасового совещания отправились в пиццерию, так и не завершив обсуждение насущных проблем клуба [17].

В-шестых, библеизмы и мифологизмы, например, *pomo de discórdia* («яблоко раздора») – причина ссоры; *amassar o pão com o suor do rosto* («в поте лица добывать свой хлеб») – зарабатывать на жизнь тяжёлым трудом и т.д.

Особую группу составляют ФЕ, появившиеся из разговорной речи и, как правило, основанные на каких-либо бытовых ситуациях. Например, выражение *botar água no feijão* («налить воду в фасоль»). Префразеологическая интерпретация данной ситуации следующая: когда неожиданно приходят гости, нужно налить больше воды в фасоль, чтобы увеличить объём блюда. Сигнификат: *увеличить объём блюда, чтобы хватило на всех*. К этой же группе можно отнести ряд фразеологизмов, обязанных своим происхождением популярной среди детей игре *batata quente* («горячая картошка»). Согласно правилам, тот, у кого в руках остаётся передаваемый по кругу объект (воображаемая горячая картошка), выбывает из игры. Следовательно, данная именная группа приобрела ассоциативную сему – «проблема», которая стала основой следующих ФЕ: *passar a batata quente a alguém* («передать кому-либо горячую картошку») – свалить на кого-то сложную проблему; *ficar com / estar com / ter uma batata quente nas mãos* («иметь горячую картошку в руках») – иметь проблему.

Наконец, среди рассмотренных в рамках данного исследования фразеологизмов встречаются ФЕ, образованные на основе фонетического сходства компонентов. В качестве примера приведём ФЕ *misturar alhos com bugalhos* («перепутать чеснок с чернильным орехом») – спутать две абсолютно разные вещи. В эту же группу добавим ФЕ *enfiar / meter o pé na jaca* («вступить ногой в джекфрут»; сигн. – переборщить с чем-либо, чаще всего, с алкоголем; быть не в состоянии контролировать своё поведение). Изначально данный фразеологизм имел компонент не *jaca* («джекфрут»), а *jacá* – так называли бамбуковые корзины, в которых перевозили товары на тягловых животных. Нередко табунщики, выпив лишнего, при посадке на лошадь попадали ногой в эту корзину. Данная ситуация стала первичным десигнатом данной ФЕ. Ввиду деактуализации лексемы *jacá*, ФЕ претерпела фонетико-орфографическую трансформацию.

Парадигматические связи ФЕ

Анализ ФЕ с компонентом «пища» продемонстрировал отчётливую тенденцию языка к расширению разнообразия лексического состава ФЕ, имеющих тождественное значение (сигнификат). В данном случае речь идёт о лексико-структурных различиях ФЕ, которые, в свою очередь, не нарушают семантики ФЕ.

Во-первых, замене могут быть подвержены служебные части речи, входящие в состав ФЕ (артикли, предлоги и т.д.). Например, ФЕ *ao / no frigar dos ovos* («поджарив яйца»; сигн. – в конце концов, в итоге) может употребляться как с предлогом *a*, так и с предлогом *em*. Частым случаем является также постановка или опущение артикля, как, например, во ФЕ *chorar (as) pintagas* («плакать пинтагами⁷»; сигн. – рыдать) или же выбор между определённым и неопределённым артиклем: *dar o / um bolo a alguém* («дать кому-то пирожок»; сигн. – не выполнить данное кому-то обязательство, например, не прийти на запланированную встречу).

Во-вторых, грамматико-синтаксическая структура ФЕ может сохраняться, однако меняется её лексический состав. Рассмотрим следующие примеры: во ФЕ *rôr o pão na mesa* («класть хлеб на стол»; сигн. – обеспечивать семье средства к существованию) глагол *rôr* («класть») может быть

⁷ Пинтага (суринамская вишня) – наименование распространённого в Бразилии и ряде других стран Южной Америки дерева и его плодов, которые по консистенции напоминают вишню.

заменён как нейтральным синонимом *colocar*, так и более разговорным – *botar*. Другой пример – вышеупомянутая ФЕ *enfiar / meter o pé na jaca*: глаголы *enfiar* и *meter* в данном случае выступают как синонимы.

Варьироваться может и лексема, денотирующая какой-либо продукт питания. Например, во ФЕ *comer sardinha e arrotar caviar* («есть сардины и выплёвывать / срыгивать икру»; сигн. – *пытаться казаться важнее, значительнее, богаче, чем на самом деле*); фразеолекса *sardinha* может быть заменена на *frango* («цыплёнок»), кроме того, можно встретить и другие варианты данной ФЕ: *comer frango e arrotar peru* («есть цыплёнок и выплёвывать индейку»), *comer mortadela e arrotar presunto* («есть колбасу и выплёвывать ветчину»), *comer mortadela e arrotar peru*. При подобных заменах, тем не менее, не происходит нарушения ни единства образа, основанного на противопоставлении какого-либо дешёвого продукта и, наоборот, чрезвычайно дорогого и недоступного, ни денотативно-сигнификативного содержания, так как интерпретанта остаётся неизменной.

Во ФЕ *tirar nabos da rúcara / do rúcaro* («вынимать репу из ковша»; *умело выведывать секреты, выспрашивать*) может варьироваться написание и род слова *rúcaro*, *m / rúcara*, *f* – оба варианта, согласно словарю, эквивалентны друг другу [15].

Однако схожая грамматическая структура не всегда свидетельствует о тождественности ФЕ. Например, две ФЕ 1. *ficar feito num molho de brócolos* («превратиться в пучок брокколи») и 2. *ficar feito num figo* («превратиться в инжир») имеют структуру *ficar feito em + N (+ prep + N₂)*, тем не менее они имеют разные значения: у (1) сигнификат – *чувствовать себя усталым*, а у (2) – *быть избитым*.

В-третьих, ведущий компонент ФЕ может оставаться неизменным, однако варьируется её лексико-грамматическая структура. Рассмотрим фразеологизм *ser farinha do mesmo saco* («быть мукой из одного мешка»; сигн. – *иметь одинаковые недостатки*), который можно встретить в ином варианте – *ser da mesma farinha* («быть из одной муки»). Несмотря на различия в лексическом составе, сигнификат и вторичный денотат / десигнат ФЕ один и тот же.

Иной случай представляют собой фразеологизмы-синонимы, между которыми, несмотря на близость значений и валентности, всё же существуют определённые семные различия. В основе фразеологических синонимов лежат разные образы, что обусловлено их индивидуальной этимологией. Как отмечает А.Г. Назарян, «фразеологические синонимы не могут, подобно вариантам, взаимозаменяться на денотативном уровне, ибо различие в образной основе исключает адекватную (абсолютно равноценную) замену одного синонимичного фразеологизма другим» [4, с. 231].

Приведём пример синонимической пары, обладающей значением «*быть толстым*»: *ser gordo como um porco* («быть толстым, как репа») и *ser um saco de batatas* («быть мешком с картошкой»). Синонимы очень близки между собой, тем не менее различие образной и первичной денотативной основы обуславливает наличие дифференциальных сем. В первом случае сравнение с репой связано с шарообразной формой данного корнеплода, следовательно дифференциальная сема «объёмный». Во втором случае дифференциальная сема «тяжёлый».

Другой пример ФЕ *dar mel pelos beiços [a alguém]* («пустить мёд по губам кого-либо») и *dar manteiga [a alguém]* («давать кому-то масло»), объединённые архисемой «притворство, неискренняя речь», однако ввиду различия лексических компонентов каждая ФЕ приобретает индивидуальный смысловой оттенок. В первом случае ФЕ означает «*говорить приятные вещи, чтобы понравиться кому-либо*», а вторая ФЕ – «*лстить, подхалимничать*», то есть хвалить кого-либо с корыстной целью.

Рассмотрим ещё один пример синонимичной пары фразеологизмов, означающую человека, который считает себя важнее других: *a última bolacha do pacote* («последняя галета в упаковке») и *o rei da cocada preta* («король тёмной кокады⁸»). Различия в данной фразеологической паре носят не столько семный, сколько образно-этимологический характер. Первичный десигнат- ситуация у

⁸ Кокада (cocada) – популярный в Латинской Америке и некоторых странах Африки вид десерта на основе кокоса. В зависимости от техники приготовления, различают белую кокаду (cocada branca) и тёмную кокаду (cocada preta).

первой ФЕ носит бытовой характер: остаётся последняя галета в упаковке, и каждый хочет, чтобы именно ему она досталась. Этимология второй ФЕ относится к XIX веку, когда королевский двор Португалии находился в Бразилии, считается, что десерт *кокада* был излюбленным лакомством короля, для которого первыми отбирались самые лучшие куски [17].

В целом, следует отметить, что для рассматриваемой в настоящей статье группы ФЕ синонимия характерна мало, ввиду того что ФЕ отбирались не по их семантическому признаку, а по тематической отнесённости ведущего компонента.

Рассматривая семантическое разнообразие ФЕ, нельзя не затронуть тему фразеологической антонимии. Следует выделить ФЕ-антонимы, имеющие одинаковую образную основу и ведущий компонент. Например, ФЕ *beber / tomar chá em criança / em pequeno* («пить чай в детстве»; *сигн.* – быть хорошо образованным или воспитанным) и *ter falta de chá* («иметь недостаток чая»; *сигн.* – быть плохо образованным или плохо воспитанным). Выше мы уже говорили о том, что этимология данных ФЕ связана с приписываемыми чаю полезными свойствами, положительно влияющими на умственное развитие ребёнка [16].

Яркой иллюстрацией служит антонимическая пара *fava branca* («белый боб»; *голос* «за») – *fava preta* («чёрный боб»; *голос* «против»), в денотативном измерении построенная на противопоставлении компонентов *белый* – *чёрный*.

Наиболее богаты как на синонимы, так и на антонимы ФЕ, относящиеся к фразеосемантическим группам «внешность человека», «характер человека», то есть имеющие качественную природу. Выделим ряд градуальных фразеологических антонимов: *ser um banana* («быть бананом»; *сигн.* – быть трусом) – *ter tomates* («иметь помидоры»; *сигн.* – иметь мужество, быть отважным); *gordo como rabo de bacalhau* («жирный, как хвост трески»; *сигн.* – очень толстый) – *magro como um bacalhau suco* («худой, как шведская треска»; *сигн.* – очень худой); *ter pele de pêssigo* («иметь персиковую кожу»; *сигн.* – иметь гладкую кожу) – *cara de maracujá / maracujá de gaveta* («лицо маракуйи» / «маракуйя из ящика»; *сигн.* – морщинистое лицо) и т.д.

Среди рассматриваемых в данной работе ФЕ можно найти контрадикторные антонимы: *ser muita fruta* («быть множеством фруктов»; *о трудоёмкой работе; о непосильной задаче*) – *ser de comer com coentro* («как есть с кориандром»; *о лёгкой для выполнения задаче*).

Процессы семантического развития

Сложность поиска фразеологических антонимов, впрочем, как и синонимов, связано с полисемией некоторых ФЕ. Полисемия, то есть соответствие одному означающему нескольких означаемых, явление относительно нередкое во фразеологии, причины которого могут быть различны [10].

Рассмотрим ряд примеров многозначных фразеологизмов, иллюстрирующий разные пути появления новых значений ФЕ.

Среди исследуемых в данной работе фразеологизмов наибольшее количество значений было обнаружено у ФЕ *dar sopa* («дать суп»): 1. вести себя неосторожно, слишком доверяя другим, давая тем самым им возможность воспользоваться ситуацией в свою пользу; 2. давать повод для флирта; 3. иметься в большом количестве и, как следствие, быть доступным; 4. притягивать проблемы или неприятные ситуации; 5. разорвать романтические отношения.

Появление значения (1) связано с практикой угощать нищих супом: многие хозяйки варили суп специально для бедных и выходили их угощать в вечернее время, тем самым подвергая себя риску нападения со стороны тех же нищих. Впоследствии в результате переосмысления выделилось более конкретное значение (2). В значении (4) данная ФЕ изначально существовала в форме *dar sopa pra azar* (букв. «дать суп неудаче»), которое, в свою очередь, также явилось результатом переосмысления (1).

Представляется, что ФЕ *dar sopa* в значении (3) следует считать омонимом, так как в её основе другой образ – суп как доступное дешёвое блюдо, имеющееся в большом количестве.

Омонимом также является ФЕ в значении (5), характерном исключительно для европейского варианта языка. Предположительно, данное значение связано с португальской традицией готовить на свадьбу блюдо «*sopa de casamento*» (букв. «свадебный суп»).

Следовательно, в основе множества значений одной ФЕ лежит единство первичного десигната, то есть ситуации, которая впоследствии подвергается образному переосмыслению, тогда как у ФЕ-омонимов первичные десигнаты различны.

Рассмотрим другие примеры полисемии:

1. *Ser fogo na sanjisa* – 1. сложная работа; 2. человек, которого сложно превзойти в чём-либо; 3. человек со сложным характером. Все три значения объединены архисемой – «сложность», которая, в свою очередь напрямую связана с единой образной основой: огонь под канжикой очень сложно отрегулировать так, чтобы блюдо не подгорело. Таким образом, в данном примере речь идёт о разных путях интерпретации одного первичного десигната.

2. *Passar manteiga em focinho (venta) de cachorro / de gato* (смазывать маслом морду собаки / кота) – 1. давать советы тому, кто их не просит; 2. тратить время впустую. В данном примере значение (1) является частным случаем значения (2), то есть конкретизирует его. Подобная гипогиперонимическая связь может быть обнаружена у значений ФЕ *tomar chá com alguém* («пить с кем-то чай») – 1. насмехаться над кем-либо (частное); 2. относиться к кому-то с пренебрежением (общее). Другой пример – ФЕ *contar com o ovo antes de a galinha botar* («рассчитывать на яйца до того, как курица их снесла») – 1. выдавать за правду то, что ещё не произошло (частное); 2. торопить события (общее).

3. *Chamar um figo a algo / alguém* («называть что-либо или кого-либо инжиром»). Полисемия данного фразеологизма напрямую связана с его валентностью, то есть в данном случае сочетаемостью ФЕ с одушевлённым или неодушевлённым объектом: в зависимости от этого ФЕ может иметь значения 1. называть какое-либо блюдо или продукт вкусным; 2. выражать симпатию кому-либо.

Деривация

Одним из наиболее важных аспектов фразеологии является вопрос взаимовлияния компонентов ФЕ и самой ФЕ. Словообразовательный потенциал фразеологизмов был отмечен еще в 1930-х гг. В.В. Виноградовым. Процесс лексикализации фразеолексы, то есть формирование нового значения на основе фразеологизма, в научной литературе называется по-разному: «фразеологической деривацией»⁹, «постфразеологической деривацией» [2], или «отфразеологической деривацией»¹⁰.

Иллюстрацией данного процесса может служить фразеолекса *teso*, входящая в состав ФЕ *teso soto saparaui* (букв. неподвижный, как макрель; сигн. – очень бедный). Нужно отметить, что, помимо вышеназванных, данная ФЕ имеет несколько вариантов (уже без компонента «пища»): *teso soto um barrote* (жёсткий, как брус). Изначально данное прилагательное употреблялось в значениях «жёсткий», «суровый», «натянутый». Однако в составе ФЕ данная лексема приобрела адстрат, семантическое приращение [2], «бедный», «нищий» и в современном языке функционирует как омоним.

Глагол *arrostar* ещё один пример деривации. Глагол, происходящий от латинского *eructare* («рвать», «извергать»), имеет значение «отрывать», однако в составе ФЕ *arrostar grandeza* («изрыгать важность»), *arrostar postas de pescada*, *comer sardinha e arrostar caviar* (и др.), объединённых семой «хвастовство», «действие на показ», приобрёл дополнительное значение – «хвастаться / хвалиться чем-либо».

⁹ Термин введен А.В. Куниным. См., например, Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М.: Международные отношения, 1972. 289 с.

¹⁰ См., например, Алексеенко М. А. Фразеология как источник пополнения словарного запаса языка // Проблемы фразеологической и лексической семантики: материалы Междунар. науч. конф. (Кострома, 18–20 марта 2004 г.). М.: ИТИ Технологии, 2004. С. 35–41.

Заключение

Таким образом, в португальском языке фразеологизировались наименования широкого спектра продуктов питания, начиная от «базовых» продуктов, таких как хлеб, рис, фасоль и т.д. и заканчивая блюдами кухонь других стран (например, пицца). Обращает на себя внимание обилие специфических наименований блюд, типичных для португальской и/или бразильской кухни, а также свойственных в первую очередь для бразильского варианта языка наименований экзотических плодов, которые в этой латиноамериканской стране являются неотъемлемой частью кулинарной идентичности.

Результаты исследования продемонстрировали, что гастрономическая сфера как неотъемлемая часть культуры португалоязычных народов – это богатый источник ассоциаций и образов. Идеографическая классификация ФЕ продемонстрировала, что большая часть из них так или иначе связана с описанием человека: его внешности, поведения, характера, интеллектуальных способностей. В совокупности данные тематические разделы составляют более 50 %. Это ещё раз подтверждает тезис о том, что фразеология, как и языковая картина мира в целом, антропоцентрична [9]. Стоит также отметить, что образы, связанные с пищей, неоднородны по своей природе: они могут иметь тропеическое начало, а могут основываться на исторических событиях, опыте человека, бытовых ситуациях и т.д., что является важным свидетельством семантического разнообразия ФЕ.

В заключение стоит сказать, что образный потенциал лексем, входящих в тематический ряд «продукты питания», «блюда», не ограничивается фразеологизацией. Многие лексемы данной группы, не входя в состав ФЕ, то есть не будучи фразеолексами, имеют переносное метафорическое значение. Так, например, словом *batata* (картофель) называют нос соответствующей формы; *repolho* (капуста) – полный человек невысокого роста; *sararau* (макрель) – очень худой человек; *coco* (кокос) – голова; *sacaui* (какао) – деньги и т.д.

© Жукова П.А., 2021

Список литературы

1. Гусева А.Е., Манукян К.М. Тематическая классификация фразеологических единиц в молодежном языке (на материале современного немецкого языка) / А.Е. Гусева, К.М. Манукян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т.13. №1. С. 181-185.
2. Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: монография / Кириллова Н.Н. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. Ч. 1: Природа и космос. 319 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. М.: Академия, 2001. 204 с.
4. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / А.Г. Назарян. М.: Высшая школа, 1987. 288 с.
5. Смирнова Е.В. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов с гастрономическим компонентом / Е.В. Смирнова, Л.В. Ульянищева // Вестник РУДН. Сер., Лингвистика, 2013. № 2. С. 94-98.
6. Скоробогатова Т. И. Мир овощных культур глазами французов (на материале национального фразеологического фонда) / Т.И. Скоробогатова, О.Ю. Суралева // Научная мысль Кавказа, 2017. № 2. С. 94-100.
7. Телия В.Н. Что такое фразеология? / В.Н. Телия. М.: Наука, 1966. 86 с.
8. Юрина Е.А. Образная лексика русского языка: В 2 ч. Ч. 2: Пищевой код культуры в образном строе языка: учеб. пособие / Е.А. Юрина. Томск: Издательский Дом Томского государственного ун-та, 2015. 132 с.
9. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. 300 с.
10. Черданцева Т.З. Язык и его образы: Очерки по итальянской фразеологии / Т.З. Черданцева. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 168 с.
11. Almeida J. Dicionário aberto de calão e expressões idiomáticas. Editora Guerra & Paz, 2019. 192 p.
12. Aulete C., Geiger P. (ed.) Novíssimo Aulete. Dicionário Contemporâneo da Língua Portuguesa. Lexikon; 1ª edição, 2011. 1488 p.
13. Bechara E. Dicionário da língua portuguesa Evanildo Bechara. Rio de Janeiro: Nova Fronteira, 2011. 1183 p.
14. Dicionário Houaiss Conciso. Moderna; 1ª edição, 2011. 1077 p.
15. Dicionário Priberam da Língua Portuguesa [Электронный ресурс]. URL: <https://dicionario.priberam.org> (дата обращения 15.02.2021).
16. Monteiro-Plantin R. S. Fraseologia: era uma vez um patinho feio no ensino de língua materna. Fortaleza: Edições UFC, 2012. v.1.

17. Monteiro-Plantin R. S. Gastronomismos linguísticos: um olhar sobre fraseologia e cultura. In: Ortiz Alvarez, M. L.; Unterbaumen, E. H. (Org.). *Uma (re)visão da teoria e da pesquisa fraseológicas*. Campinas: Pontes Editores, 2011. P. 249-275.
18. Neves O. *Dicionário de Expressões Correntes*. Lisboa: Editorial Notícias, 1999. 408 p.
19. Nogueira Santos A. *Novos Dicionários de Expressões Idiomáticas*. Edições João Sá da Costa, 1990. 476 p.

References

1. Guseva, A.E., Manukian, K.M. *Tematicheskaja klassifikatsija frazeologicheskikh edinit v molodezhnom iazyke (na materiale sovremennogo nemetskogo iazyka)* [Thematic Classification of Phraseological Units in Youth Language (based on the Material of the Modern German Language)] / A.E. Guseva, K.M. Manukian // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2020. T.13. №1. С. 181-185
2. Kirillova, N.N. *Frazeologija romanskikh iazykov: etnolingvisticheskii aspekt: monografiia* [Phraseology of Romance Languages: Ethnolinguistic Aspect: monograph] / Kirillova N.N. SPb.: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2003. Ch. 1: Priroda i kosmos. 319 s.
3. Maslova, V.A. *Lingvokul'turologiia: ucheb. posobie dlia stud. vyssh. ucheb. zavedenii* [Cultural Linguistics] / V.A. Maslova. M.: Akademiia, 2001. 204 s.
4. Nazarian, A.G. *Frazeologija sovremennogo frantsuzskogo iazyka: Uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop.* [Phraseology of Modern French] / A.G. Nazarian. M.: Vysshaja shkola, 1987. 288 s.
5. Smirnova, E.V. *Lingvokul'turologicheskii analiz frazeologizmov s gastronomicheskim komponentom* [Linguocultural Analysis of Phraseological Units with a Gastronomic Component] / E.V. Smirnova, L.V. Ulianishcheva // *Vestnik RUDN. Ser., Lingvistika*, 2013. № 2. S. 94-98.
6. Skorobogatova, T. I. *Mir ovoshchnykh kul'tur glazami frantsuzov (na materiale natsional'nogo frazeologicheskogo fonda)* [The World of Vegetable Crops through the Eyes of the French (based on the material of the national phraseological fund)] / T.I. Skorobogatova, O.Iu. Suraleva // *Nauchnaia mysl' Kavkaza*, 2017. № 2. S. 94-100.
7. Teliia, V.N. *Chto takoe frazeologija?* [What Is Phraseology?] / V.N. Teliia. M.: Nauka, 1966. 86 s.
8. Iurina, E.A. *Obraznaia leksika russkogo iazyka: V 2 ch. Ch. 2: Pishchevoi kod kul'tury v obraznom stroe iazyka: ucheb. posobie* [The Image-bearing Vocabulary of the Russian Language: Food Culture Code in the Figurative Structure of the Language] / E.A. Iurina. Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo un-ta, 2015. 132 s.
9. Khairullina, R.Kh. *Frazeologicheskaja kartina mira: ot mirovideniia k miroponimaniu* [Phraseological Picture of the World: from Worldview to World Understanding] / R.Kh. Khairullina. Ufa: Izd-vo BGPU, 2008. 300 s.
10. Cherdantseva, T.Z. *Iazyk i ego obrazy: Ocherki po ital'ianskoi frazeologii* [Language and Its Images: Essays on Italian Phraseology] / T.Z. Cherdantseva. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 168 s.
11. Almeida, J. *Dicionário aberto de calão e expressões idiomáticas* [Open slang and idiom dictionary] / Editora Guerra & Paz, 2019. 192 p.
12. Aulete, C., Geiger, P. (ed.) *Novíssimo Aulete. Dicionário Contemporâneo da Língua Portuguesa* [Brand new Aulete. Contemporary Portuguese Language Dictionary]. Lexikon; 1ª edição, 2011. 1488 p.
13. Bechara, E. *Dicionário da língua portuguesa Evanildo Bechara* [Dictionary of the Portuguese language Evanildo Bechara]. Rio de Janeiro: Nova Fronteira, 2011. 1183 p.
14. *Dicionário Houaiss Conciso* [Conciso Houaiss Dictionary]. Moderna; 1ª edição, 2011. 1077 p.
15. *Dicionário Priberam da Língua Portuguesa* [Priberam Dictionary of the Portuguese language], <https://dicionario.priberam.org> (Accessed 15 February 2021).
16. Monteiro-Plantin, R. S. *Fraseologia: era uma vez um patinho feio no ensino de língua maternal* [Phraseology: There Was Once an Ugly Duckling in Mother Tongue Teaching]. Fortaleza: Edições UFC, 2012. v.1.
17. Monteiro-Plantin, R. S. *Gastronomismos linguísticos: um olhar sobre fraseologia e cultura* [Linguistic Gastronomisms: a Look at Phraseology and Culture]. In: Ortiz Alvarez, M. L.; Unterbaumen, E. H. (Org.). *Uma (re)visão da teoria e da pesquisa fraseológicas* [A (re)view of phraseological theory and research]. Campinas: Pontes Editores, 2011. P. 249-275.
18. Neves, O. *Dicionário de Expressões Correntes* [Dictionary of Current Expressions]. Lisboa: Editorial Notícias, 1999. 408 p.
19. Nogueira Santos, A. *Novos Dicionários de Expressões Idiomáticas* [New Dictionaries of Idioms]. Edições João Sá da Costa, 1990. 476 p.

Сведения об авторе:

Жукова Полина Алексеевна – преподаватель кафедры романских языков им Т.З. Черданцевой, МГИМО МИД России (Москва, Россия). Сфера научных и профессиональных интересов: метафоры и фразеология португальского языка, политический дискурс Португалии и Бразилии, внешняя политика Бразилии. E-mail: zhukova.p.a@my.mgimo.ru

About the author:

Polina A. Zhukova – Lecturer of Roman Languages Department, Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia). Sphere of research and professional interests: metaphors and phraseology of the Portuguese language, political discourse of Portugal and Brazil, foreign policy of Brazil. E-mail: zhukova.p.a@my.mgimo.ru

THE ENGLISH AND AMERICAN GENTLEMEN IN ‘THE MASTER–BUTLER DYAD’ AS PORTRAYED IN THE NOVEL “*THE REMAINS OF THE DAY*” BY KAZUO I SHIGURO

Tatiana Ivushkina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76 prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Abstract. *In the focus of the article is a comparative sociolinguistic analysis of the speech and manners of the British and American gentlemen as portrayed in the novel *The Remains of the Day* by Kazuo Ishiguro. The study enables us to look into the deep-rooted English traditions and values against which the American cultural distinctness is brought to light. The underlying British culture ‘the master – butler dyad’ is a marker of the aristocratic culture and us-them divide. The analysis is based on the selection of culturally marked elements of speech and manners of the English lord and the American gentleman (linguistic and extralinguistic) approached from sociolinguistic, semantic, interpretative and comparative perspectives and aimed at revealing common and culturally specific characteristics. The study has demonstrated that the English lord confides in his butler, his manner of interaction is based on the principle of mutual respect and manifested by his voice, always calm and gentle; he actively participates in making pivotal political decisions; his speech is marked by U-words (‘a chap’, adjectives ‘awfully’, ‘terribly’, ‘jolly’, ‘quite’), borrowings and the phenomena of understatement and overstatement. The American gentleman is portrayed as a businesslike and easy going master with a trusting manner of behavior, at the same time always bantering and humiliating a butler, thus putting him in an awkward situation. He is more generous in money spending; his speech is marked by ‘technical language’. Bantering is seen as a symbol of American culture and a new style of life.*

Key Words: Kazuo Ishiguro, ‘the master – butler dyad’, the aristocratic culture of Great Britain, American gentleman, comparative study, sociolinguistic, culturally distinctive, manner and voice, language

АНГЛИЙСКИЙ И АМЕРИКАНСКИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН В ДИАДЕ «ХОЗЯИН – ДВОРЕЦКИЙ» РОМАНА KAZUO ISHIGURO *THE REMAINS OF THE DAY*

Т.А. Ивушкина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454 г. Москва, ул. Вернадского 76

Аннотация. В статье на основе романа Кадзуо Исигуро (Kazuo Ishiguro) *The Remains of the Day* (1989) проводится сопоставительный социолингвистический анализ манеры речи и поведения английского лорда и американского джентльмена, который позволяет глазами дворецкого (рассказчика) высветить традиционные британские ценности и на их фоне особенности американской культуры. Диада «хозяин – дворецкий» лежит в основе британской аристократической культуры и её идентичности, является её «кодом» и маркером, позволяющим дифференцировать «своих» и «чужих». Анализ романа строится на выборке культуроразличительных единиц самого разного уровня (лингвистического и экстралингвистического) с использованием социолингвистического, стилистического, семантического, интерпретативного, а также сопоставительного методов для проведения параллелей и выявления различий между двумя культурами в лице двух джентльменов. Установлено, что британская культура в диаде «хозяин – дворецкий» маркируется спокойным и ровным тоном английского аристократа в общении со своим дворецким и доверием к нему, его активным участием в принятии важных политических решений государственного масштаба, использованием U-words – лексики, свойственной речи высших классов, манерой речи и поведением. Американская культура в этой диаде отмечена доверительной и деловой манерой общения хозяина со своими подчинёнными, подтруниванием, выступающим символом американского образа жизни, унижением подчинённого, финансовой щедростью и языком, изобилующим специальной, или технической лексикой.

Ключевые слова: Кадзуо Исигуро, диада «хозяин-батлер», социолингвистический анализ, аристократическая культура Великобритании, американский джентльмен, сопоставительный анализ, культуроразличительные характеристики, манера речи и поведения, язык

1. Введение

Длительное время занимаясь изучением языка и культуры Великобритании, высшими ценностями однажды великой империи, было трудно обойти вниманием роман Кадзуо Исигуро *The Remains of the Day* (1989) [11] («Остатки дня» в русском переводе), который даёт удивительную возможность проникнуть в глубину закрытых для внешнего глаза отношений между хозяином и дворецким, или батлером, и через призму этих отношений постигнуть существенные отличия британской аристократической культуры от американской.

Кадзуо Исигуро (род. 1954 г.) – английский писатель японского происхождения, получивший всемирную известность за свои романы *Never Let Me Go* (2005), *The Remains of the Day* (1989), *The Unconsoled* (1995), *The Buried Giant* (2015) и ставший Нобелевским лауреатом в 2017 году, один из самых почитаемых британских писателей современности. Его роман *The Remains of the Day* (1989), получивший Букеровскую премию в 1989 году, послужил основой для экранизации в 1993 году драматического одноимённого американо-британского фильма и объектом для науч-

ных исследований самой разной направленности – литературоведческой (О.Г. Сидорова 2005 [8], Л.Ф. Хабибуллина 2012 [10]; О.А. Джумайло 2014 [3]; А.С. Стомба 2016 [9]; Ю.В. Зыкова 2018 [4]; Т.В. Нестеренко 2020 [7]), лингвокультурного типажа (Т.В. Бондаренко 2009) [1], социолингвистики (Н.Г. Гусарова 2020 [2]) и др.

Роман позволяет провести сопоставительный анализ языка и культуры высших классов Великобритании и США, которые на фоне меняющихся в глобальном масштабе экономических и политических отношений представлены главными героями – ушедшим из жизни лордом Дарлингтоном и новым хозяином поместья Дарлингтон-Холл, американцем, мистером Фаррадеем. Интересно, что повествование в романе ведётся от лица батлера, он же является и одним из главных персонажей, который позволяет читателю взглянуть на двух джентльменов своими глазами. В статье ставится цель сопоставить разные аспекты жизни, поведения и речи представителей двух стран, разделённых океаном, чтобы выявить то общее и национально-специфическое, что объединяет и одновременно разъединяет джентльменов двух культур. Изучение романа Кадзуо Исигуро является лишь частью научного сопоставительного разыскания, проводимого на основе английской художественной литературы XIX – XXI веков. Анализ строится на выборке из романа объёмом в 258 страниц единиц разного уровня – от лексических, культурологических, экстралингвистических – до авторских комментариев, дифференцирующих две культуры и проводящих между ними параллели.

2. Анализ материала

2.1 Батлер в британской культуре

Слово ‘a butler’ (батлер), заимствованное из старофранцузского *bouteillier* ‘cup-bearer’, from *bouteille* ‘bottle’, в словаре LEXICO определяется как ‘the chief manservant of a house’ / «главный слуга в доме» (здесь и далее перевод мой – Т.И.). Период заимствования и происхождение этого слова свидетельствуют как об основной функции батлера, или дворецкого, (разливать, подавать вино), так и о его многовековом присутствии в доме английского аристократа. Функции дворецкого со временем менялись: он превращался из слуги в управляющего, в зону ответственности которого входили как наём персонала на работу в дом знатного англичанина, так и организация важных и повседневных мероприятий и, конечно, забота о своём хозяине. Насколько важна роль дворецкого в британской культуре свидетельствуют многочисленные романы английских авторов (Конан Дойль, Бернард Шоу, П. Дж. Вудхаус, Оскар Уайльд и многие другие) и их экранизации, которые позволяют нам говорить о том, что эти отношения лежат в основе британской культуры и её идентичности, являются её «кодом», позволяющим дифференцировать «своих» и «чужих».

Культура британского сосуществования хозяина с дворецким маркирована прежде всего **уважительным и доверительным отношением** богатых аристократов к своей прислуге, обслуживающему персоналу. Такие отношения сложились исторически, ибо одни зависели от других: часто покидая свои дома и имения, аристократам приходилось оставлять всё хозяйство на свою прислугу, потому прислугой стать мог далеко не каждый. – *Sometimes, naturally, there would be strong disagreements, but more often than not, the atmosphere was dominated by a feeling of mutual respect.* / Иногда, естественно, были разногласия, но чаще всего атмосфера была пропитана чувством взаимного уважения [11, p.19].

В научной литературе не раз подчёркивались особые отношения между представителями «высших» и «низших» классов [6; 12; 13], ибо как одни, так и другие знали своё место в жизни, в отличие от «средних классов», всегда ревностно относящихся к первым и старающихся им во всём подражать. Отношения между «высшими» и «низшими» классами складывались веками и поэтому отличаются стабильностью и традиционностью, которые со временем превратились в своеобразный «код» британской аристократической культуры. Дворецкого (батлера) можно поистине назвать тем звеном в культурном коде Англии, которое свидетельствует о сущностном отличии аристократической Великобритании от других стран мира, в первую очередь Америки, так как служение хозяину рассматривалось верхом чести и равнозначно служению государству.

Среди батлеров всегда выделялся слой «великих» батлеров. В этой связи вспоминается эпизод в романе, когда Стивенс, от лица которого ведётся повествование, задаётся вопросом о названии страны Great Britain, почему страна имеет название «Великая» ('Great') и что вообще означает «величие»:

And yet what precisely is this 'greatness'? ... if I were forced to hazard a guess, I would say that it is the very lack of obvious drama or spectacle that sets the beauty of our land apart. What is pertinent is the calmness of that beauty, its sense of restraint. It is as though the land knows of its own beauty, of its own greatness, and feels no need to shout it. In comparison, the sorts of sights offered in such places as Africa and America, though undoubtedly very exciting, would, I am sure, strike the objective viewer as inferior on account of their unseemly demonstrativeness / И всё же что такое «величие»? ... если бы мне пришлось предположить, я бы сказал, что величие в самом отсутствии драмы или спектакля, это и делает красоту нашей страны уникальной. **Спокойствие и чувство сдержанности – это то, что её отличает.** Страна как будто знает о своей красоте и о своём величии и не считает нужным о ней кричать. В сравнении с видами, например, в Африке или Америке, которые, безусловно, потрясающие, но поражают объективного наблюдателя в меньшей степени именно из-за своей **непристойной демонстративности** [11, p. 29].

Природа страны как будто олицетворяет культуру народа и удивительно точно подчёркивает в приведённом примере характерные черты – «спокойствие и сдержанность» – английской природы и «непристойную демонстративность» американской. Эта культурная оппозиция проявляется в разных аспектах жизни двух народов, в манере речи и поведении их представителей.

Величие батлера сопоставляется с величием природы: он так же сдержан и устанавливает высокие моральные стандарты для своего поколения. Школа батлеров, её гильдия, – это особый привилегированный институт Великобритании, дорога в который открыта далеко не для каждого. Согласно The Hayes Society, основным требованием к кандидату на членство в гильдии является служение знатному аристократу: 1) 'an applicant be attached to a distinguished household'. Поскольку подобное требование всегда вызывало много дискуссий и споров, его заменили на «достоинство» – *'the most crucial criterion is that the applicant be possessed of a dignity in keeping with his position'* / претендент должен обладать достоинством, чтобы соответствовать этой должности, – и это самый важный критерий [11, p. 33]. По мнению Стивенса, достоинство приобреталось долгими годами самоподготовки и тщательного усвоения опыта / *Those great butlers like Mr Marshall who have it, I am sure, acquired it over many years of self-training and the careful absorbing of experience* [Ibid. p. 34].

В требования, необходимые для вступления в гильдию батлеров, также входили хорошее владение языком, красивый акцент и знания по разнообразному кругу вопросов, что свидетельствует о очень высоких стандартах, устанавливаемых для кандидатов, порой возвышающихся до уровня самого хозяина. Неспроста и в художественной литературе, и в кинофильмах дворецких часто принимали за джентльменов, а порой (как, например, Дживз из романов П. Дж. Вудхауса) они воплощали собой аристократическую культуру – по манере говорить и вести себя, – даже в большей степени, чем сами аристократы.

2.2 Особенности американского стиля общения по сравнению с британским

Меняющиеся экономические и политические условия глобального масштаба приводят к появлению новых владельцев из-за океана, которые ломают устоявшийся британский образ жизни и традиции. То, с чем пришлось столкнуться дворецкому Стивенсу в новых условиях при новом хозяине, мистере Фаррадее, – так это с **отсутствием понимания**, обусловленным культурными различиями, проявляющимися в разных эпизодах романа. В частности, объявив Стивенсу о своём намерении вернуться на пять недель в США, мистер Фаррадей делает предложение батлеру «выйти за пределы дома» и посмотреть Англию, пообещав оплатить все расходы на бензин:

'Why don't you take the car and drive off somewhere for a few days? You look like you could make good use of a break.' / «Почему бы тебе не взять машину и не отправиться куда-нибудь на несколько дней? Ты мог бы с пользой провести свои каникулы» [Ibid. p. 4].

Стивенс отреагировал на данное предложение с обидой:

'It has been my privilege to see the best of England over the years, sir, within these very walls' / «Сэр, все эти годы я имел честь видеть лучшее в Англии, изнутри этого дома» [Ibid. p. 4].

Эта фраза осталась непонятой, а предложение хозяина не было воспринято Стивенсом серьезно, ибо для дворецкого беззаветное служение своему хозяину было честью и высшим его предназначением, что является культурологической особенностью исключительно Великобритании и потому вызывало непонимание со стороны американского джентльмена.

Стивенс отметил про себя существующее различие: *'it... just another instance of an American gentleman's unfamiliarity with what was and was not commonly done in England'* / «Это ещё один пример незнания американским джентльменом, что обычно делалось, а что не делалось в Англии» [11, p. 4].

Культурноразличительной является **деловая и доверительная манера общения американского хозяина с подчинёнными**:

... he felt immediately able to talk to me in a businesslike and trusting way, and by the end of our meeting, he had left me with the administration of a not inconsiderable sum to meet the costs of a wide range of preparations for his coming residency / ... он сразу почувствовал, что может говорить со мной в деловом и доверительном тоне, а к концу нашего разговора он оставил в моё распоряжение довольно внушительную сумму для покрытия расходов, связанных с подготовкой к переезду в приобретенное им имение [Ibid. p. 7].

Это высказывание подчёркивает и **большую свободу и, может, даже щедрость в распоряжении деньгами**, к которой Стивенс не привык и которую воспринимал на фоне отношений с лордом Дарлингтоном как нечто бросающееся в глаза.

С другой стороны, общение с подчинёнными сопровождалось постоянным **подтруниванием и подшучиванием** (bantering). Это было для Стивенса незнакомым и непривычным явлением, вызывавшим только недоумение и обескураженность. Все попытки выработать на подтрунивание хоть какую-то реакцию, не увенчались успехом, поскольку они приводили к непониманию со стороны хозяина и ещё больше расстраивали Стивенса. Это было общение и взаимодействие двух разных планет, говорящих на разных языках в прямом и переносном смысле:

Embarrassing as those moments were for me, I would not wish to imply that I in any way blame Mr Farraday, who is in no sense an unkind person; he was, I am sure, merely enjoying the sort of bantering which in the United States, no doubt, is a sign of a good, friendly understanding between employer and employee, indulged in as a kind of affectionate sport / Какими бы неприятными ни были такие моменты, я бы не хотел, чтобы меня поняли, будто я обвиняю м-ра Фаррадея в том, что он недобрый человек, я уверен, он просто любит подшучивать, что в США, без сомнения, является знаком хороших и дружеских отношений между хозяином и его подчинёнными, вовлечёнными во что-то вроде увлекательного спорта [Ibid. p. 15].

В этом подтрунивании было трудно понять, что является правдой, а что шуткой, но то, что это было чуждо традиционным британским отношениям между хозяином и его дворецким, не вызвало никакого сомнения. Вместе с тем неумение реагировать на подшучивание несёт с собой в романе информацию о закоснелости и негибкости не только дворецкого, но и всего слоя общества. Приведём пример: на вопрос Стивенса о том, предполагается ли появление приглашённого в дом гостя вместе с женой, американский хозяин ответил:

'God help us if she does come,' Mr Farraday replied. 'Maybe you could keep her off our hands, Stevens. Maybe you could take her out of those stables around Mr Morgan's farm. Keep her entertained in all that day. She may be just your type' / «Боже упаси, если она придёт», – ответил мистер Фаррадей. «Может, ты сможешь её тогда взять на себя, Стивенс? Может, ты её выведешь из наших конюшен около фермы мистера Моргана и будешь развлекать весь день. Она, возможно, будет в твоём вкусе» [Ibid. p. 15].

Подобные высказывания были настолько ошеломляющими, что дворецкий Стивенс не знал, как на них реагировать – об этом ярко свидетельствовал его растерянный и недоумевающий вид. Несмотря на происходящие в обществе изменения, подтрунивание никак не вписывалось во вновь появляющиеся обязанности хозяев.

It is very well, in these changing times, to adapt one's work to take in duties not traditionally within one's realm; but bantering is of another dimension altogether. / В наши меняющиеся времена очень хорошо

приспособить свою работу к выполнению обязанностей, которые традиционно не входят в сферу нашей компетенции, но подтрунивание (подшучивание) – это совсем другое измерение [11, p. 16].

Подшучивание, которое батлер Стивенс назвал «другим измерением», символизирует новый, деловой, построенный на деньгах американский уклад жизни. Это образ жизни, как отмечает про себя Стивенс, построен и на тёплых отношениях.

'It is curious how people can build such warmth among themselves so swiftly.... I rather fancy it has more to do with the skill of bantering. Listening to them now, I can hear them exchanging one bantering remark after another. It is, I would suppose, the way many people like to proceed. in bantering lies the key to human warmth' / Любопытно, как люди так быстро могут построить такие тёплые отношения между собой Я так думаю, что это связано с искусством подшучивания. Прислушиваясь к ним, я слышу, как они обмениваются этими шуточками. Это тот путь, как я полагаю, по которому люди хотят идти... в подшучивании ключ к тёплым отношениям [Ibid. p. 258].

Подшучивание выступает символом американского предпринимательского, делового подхода к жизни, и это ключ к осознанию пришедших в Великобританию перемен. Это тот символ нового, американского, который создаётся Кадзуо Исигуро в романе.

Ставить своего подчинённого в неловкое, даже унижительное положение было ещё одной отличительной особенностью американского стиля поведения. Когда батлер упомянул в разговоре Miss Kenton, бывшую прислугу, которую он хотел вернуть в дом на работу, реакция последовала самая неожиданная для Стивенса:

'My, my Stevens. A lady-friend. And at your age.' / Мой дорогой Стивенс! Подруга! В твоём возрасте! [Ibid. p. 14]

Как отметил главный герой романа, это был самый унижительный и оскорбительный момент в его жизни, которого он никогда не испытывал при жизни лорда Дарлингтона. Для себя он вновь отметил принадлежность нового хозяина к другой цивилизации: ...he is after all, an American gentleman and his ways are often very different / в конце концов он американский джентльмен, и у него всё по-другому [Ibid. p. 14].

Грубость по отношению к своим подчинённым – это ещё одна культуроразличительная черта, которая высвечивается в романе. Примечательно в этой связи высказывание мистера Симпсона, хозяина Ploughman's Arms, который в одном из эпизодов отметил следующее:

...were he an American bartender, he would not be chatting to us in that friendly, but ever-courteous manner of his, but instead would be assaulting us with crude references to our vices and failings, calling us drunks and all manner of such names, in his attempt to fulfill the role expected of him by his customers / ... будь он американским барменом, он бы не болтал с вами так дружелюбно и в таком почтительном тоне, а нападал бы на нас, грубо ссылаясь на наши пороки и недостатки, называя нас пьяницами и всякими подобными словами, пытаясь выполнить роль, ожидаемую от него его клиентами [Ibid. p. 16].

Лорда Дарлингтона, в отличие от американского джентльмена, отличал **уважительный, невозмутимый, спокойный и мягкий тон в общении**, даже со своими противниками:

'... I heard Lord Darlington talk about Herr Bremann, his voice as calm and gentle, somehow resounding with intensity around those great walls.

'He was my enemy,' he was saying, 'but he always behaved like a gentleman. We treated each other decently over six months of shelling each other. He was a gentleman doing his job and I bore no malice / «...Я слышал, как лорд Дарлингтон говорил о герре Бремманне, его голос был спокойным и мягким, каким-то образом гулко звучащим в этих огромных стенах. – Он был моим врагом, – говорил он, – но всегда вёл себя как джентльмен. Мы прилично относились друг к другу в течение шести месяцев обстрелов друг друга. Он был джентльменом, выполняющим свою работу, я не держал зла [Ibid. p. 76].

Интересно отметить в этой связи, что Стивенс учился у своего хозяина тому же ровному, спокойному и невозмутимому тону в общении, он гордился качествами своего хозяина и тем, что служит настоящему джентльмену. – *I can declare that he was a truly good man at heart, a gentleman through and through, and one I am today proud to have given my best years of service to. / Я могу за-*

явить, что он по-настоящему хороший человек, настоящий джентльмен; и я горжусь тем, что свои лучшие годы был у него на службе [Ibid. p. 64]. Служить настоящему джентльмену с высокими моральными качествами было верхом чести для батлера, который воспринимал свою работу как службу государству.

Для того, чтобы почувствовать культурные различия между британскими лордами и американскими бизнесменами в их отношении к обслуживающему персоналу, или прислуге, важным представляется подчеркнуть *полное доверие английского хозяина своему батлеру*, в присутствии которого обсуждались самые важные, в том числе и государственные, вопросы. Дворецкий сравнивался с профессионалом, который максимально выполняет свою роль и не подвержен никаким внешним условиям, каковы бы они ни были. Это было делом чести.

– *They wear their professionalism as a gentleman will wear his suit: he will not let ruffians or circumstances tear it off him in the public gaze; he will discard it when, and only when, he wills to do so, and this will invariably be when he is entirely alone. It is, as I say, a matter of 'dignity'* / Они носят свой профессионализм, как джентльмен носит свой костюм: он не позволит негодям или обстоятельствам сорвать его на глазах у публики: он откажется от него тогда и только тогда, когда захочет, и это неизменно будет тогда, когда он останется один. Это, как я уже сказал, вопрос «достоинства» [11, p. 44].

Явление «батлера» в том виде, в каком оно всегда существовало в Великобритании, – это исключительное культурное явление этой страны.

2.3 Язык и манера речи в сопоставлении

В сопоставительном анализе двух культур большую роль играет *язык и манера речи*, которые несут большую информацию о персонаже. Необычность, «неанглийскость» и «чуждость» речи американского джентльмена неоднократно подчёркивается героем романа, который сопровождает её фразами типа «как он сказал», «по его словам», что демаркирует речь и проводит грань между «своими» и «чужими», как, впрочем, и такие фразы, как 'some sort of servants' rota' / своего рода ротация слуг, 'under wraps' / в тайне, 'give it a go with four' / попробуй с четырьмя (когда речь зашла о сокращении обслуживающего персонала с двенадцати до четырёх человек), 'dubious assignations' / сомнительные свидания или поручения? (вызывает двусмысленность, ибо имеет два значения и, скорее всего, реализует оба: «поручение» и «любовное свидание»). Особенность американской речи проявляется в более «техническом» языке (*more technical in substance*). Приведённые фразы явно отличают человека делового, с практической жилкой и соответствующим деловым подходом к организации своего только что приобретённого имения.

Речь лорда Дарлингтона изобилует социально маркированной лексикой и частым использованием переоценки и недооценки, выражаемой наречиями *awfully, jolly, terribly, quite*:

1) 'I'm sorry to bring up a thing like this, Stevens. I know you must be *awfully busy* yourself. But I can't see how on earth to make it go away' [Ibid. p. 85].

2) 'The point is, Stevens, I'm *terribly busy*' [Ibid. p. 85].

3) If you don't mind, Stevens. Be an *awful lot* off my mind [Ibid. p. 85].

4) 'I'd be very grateful if you'd even try, Stevens. *Awfully decent* of you' [Ibid. p. 85].

5) 'Yes, sir. I shall do my best.'

Jolly grateful to you, Stevens. Let me know how you get on' [Ibid. p. 85].

6) 'It *really* was *quite dreadful*. But you see, Stevens, Mr Spencer had a point to prove to Sir Leonard...' [Ibid. p. 207].

7) 'Look here, Stevens, it was *dreadful*. The ordeal we put you through last night' [Ibid. p. 206].

8) 'It was *quite dreadful*. We'd all had rather too good a dinner, I fancy. Please accept my apologies' [Ibid. p. 206].

Образ лорда Дарлингтона рисуется посредством ярко выраженных социальных «шибболетов» переоценки и недооценки, социально маркированного существительного *char* и прилагательных, которые в ранних исследованиях были выделены в класс U-words [5; 6]; а также наречия *really*, служащего усилению высказывания в речи. Указанные формы переоценки с помощью наречия-усилителя *awfully* в XX веке вызывали резко негативную реакцию со стороны простых англичан,

и поэтому их употребление не было безопасным: они были маркерами аристократической речи. Помимо этого речь лорда Дарлингтона, как и других представителей аристократии, изобилует заимствованиями, как в следующем примере:

– ‘It really was quite dreadful. But you see, Stevens, Mr Spencer had a *point* to prove to Sir Leonard. In fact, if it’s any *consolation*, you did *assist* in *demonstrating* a very *important point*. Sir Leonard had been talking a lot of that *old-fashioned nonsense*. About the will of the people being the wisest *arbitrator* and so on. Would you believe it, Stevens?’ /” Это действительно было ужасно. Но видишь ли, Стивенс, мистеру Спенсеру нужно было кое-что доказать сэру Леонарду. На самом деле, если это тебя утешит, ты помог продемонстрировать очень важный момент. Сэр Леонард много говорил об этой старомодной чепухе. О том, что воля народа является самым мудрым арбитром и так далее. Ты бы поверил этому, Стивенс? [11, p. 207]

В приведённом отрывке жирным шрифтом выделены слова, заимствованные из французского и латинского языков и сохраняющие статус литературных слов. Заимствования из латыни, греческого и французского языков всегда предполагают высокий социальный статус англичанина, ибо их использование имплицитно подразумевает высокий уровень образованности и знания не только литературы, но и иностранных языков с их, отличными от английского языка, лексической и грамматической системами. Так, слово *consolation* – пришло из латинского – *consolation(n-)*, от глагола *consolari*, *assist* – также из латинского языка *assister* ‘take one’s stand by’ через французский *assister*; *demonstrate* произошло от латинского *demonstrare* (XVI век); *important* от латинского *important*, глагол *importare*; *point* частично от французского *pointe*, частично от латинского *punctum* ‘something that is pricked’; *fashion* также пришло из латыни *factio(n-)*, from *facere* через французский язык *façon*; *arbitrator* от *arbitrage* – из французского *arbitrer* ‘give judgement’ и латинского *arbitrary*.

Достаточно одного отрывка, чтобы продемонстрировать, какую роль играют иностранные заимствования в речи англичанина и, соответственно, передаваемые ими социальные импликации.

Интересно в связи с проведённым анализом речи отметить следующее: английские традиции продолжают жить в поколениях, изучение речи представителей высших классов в художественной литературе разных веков (XIX–XXI) позволяют смело утверждать, что, несмотря на явные изменения, происходящие в обществах большинства стран Европы и США, Великобритания, меняясь вместе со временем, всё же верно сохраняет свои традиции и «шибболеты» речи. Лорд Дарлингтон, однако, признаёт некую «старомодность» Англии и предчувствует изменения, о чём свидетельствует следующее его высказывание:

‘Well, I have to say, Stevens, that American chap was quite right. It’s a fact of life. Today’s world is too foul a place for fine and noble instincts. You’ve seen it yourself, haven’t you, Stevens? *The way they’ve manipulated something fine and noble*. You’ve seen it yourself, haven’t you?’ / Я должен сказать, Стивенс, что американский парень был прав. Это факт. Сегодняшний мир слишком гнилое место для чистых и благородных инстинктов. Ты сам это всё видел, не так ли? То, как они манипулирует прекрасным и благородным [11, p. 234].

Представляется интересной точка зрения героя о попрании благородства и чистого в человеческих отношениях и о времени манипулирования светлыми чувствами, в котором мы живём 30 лет после выхода романа в свет.

3. Заключение

Проведённое социолингвистическое исследование только на материале одного романа даёт возможность увидеть заложенные в корне двух культур различия. Панибратский, деловой и одновременно непринуждённый тон и манера общения американского джентльмена отражают истоки американской культуры: с одной стороны, страстное желание выжить при освоении Америки, с другой стороны, – делать вид удачливого и преуспевающего джентльмена, несмотря на все трудности. Это та «демонстративность», которую подметил рассказчик романа. Отсюда и подшучивание, или подтрунивание, как маска всегда удачливого, весёлого и предприимчивого парня,

которая стала воплощать собой перемены и американский образ жизни. Великобритания, напротив, – «страна тихой и спокойной красоты», страна многовековых традиций и богатой истории, которые находят своё отражение во всех аспектах жизни англичан.

© Т.А. Ивушкина, 2021

Список литературы

1. Бондаренко Т.В. Лингвокультурный типаж «английский дворецкий». Автореф. дисс. на соис. уч. ст. канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 22 с.
2. Гусарова Н.Г. Речь как показатель социального статуса в романе Кадзуо Исигуро «Остаток дня» // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2020. № 10 (66). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/rech-kak-pokazatel-sotsialnogo-statusa-v-romane-kadzuo-isiguro-ostatok-dnya.html> (Дата обращения: 13.05.2021)
3. Джумайло О.А. Английский исповедально-философский роман 1980-2000гг. Дисс. на соис. уч. ст. доктора филол. наук. Ростов-на-Дону, 2014.
4. Зыкова Ю.В. Архетип «дворецкий» в романе К. Исигуро «Остаток дня» //Мировая литература глазами современной молодёжи. Цифровая эпоха. Сбор. материалов 1У международной молодёжной научно-практической конференции, 2018. С.135–139.
5. Ивушкина Т.А. Шибболеты высших классов в зеркале английской художественной литературы //Современные тенденции в германском языкознании: особенности вербализации смыслов. Пономаренко Е.В., Позднякова Е.М., Леденева С.Н., Ивушкина Т.А., Шубина Э.Л., Глушак В.М., Лазарева А.В. Коллективная монография. Москва, 2017. С. 154–222.
6. Ивушкина Т.А. Социолингвистические аспекты развития английской речи (на материале речевых характеристик представителей высших классов. Автореферат дисс. на соис. уч. ст. доктора филол. наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 1998.
7. Нестеренко Ю.С. Национальная картина мира в романах Кадзуо Исигуро, 2020 [электронный ресурс] – URL: <http://www.disscat.com/content/natsionalnaya-kartina-mira-v-romanakh-kadzuo-isiguro> (Дата доступа: 10 мая 2021)
8. Сидорова О.Г. Кадзуо Исигуро. Писатель в «зыбком мире» //Вопросы литературы. Июль-август 2018 [электронный ресурс] – URL: <http://voplit.ru/article/kadzuo-isiguro-pisatel-v-zybkom-vire> (Дата доступа: 13.05.2021)
9. Стовба А.С. Образ дворецкого в романе Кадзуо Исигуро «Остаток дня»: кросс-культурный аспект, 2016. [электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-dvoretzskogo-v-romane-kadzuo-isiguro-ostatok-dnya-kross-kulturnyy-aspekt> (Дата доступа: 05.05.2021)
10. Хабибуллина Л.Ф. Японский контекст романа К. Исигуро «Остаток дня» //Филология и культура, 2012 [электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskiy-kontekst-romana-k-isiguro-ostatok-dnya> (Дата доступа: 04.05.2021)
11. Ishiguro, Kazuo The Remains of the Day. Faber& faber, 1989. 258 p.
12. Leith D. A Social History of English. L-n.-Boston - Melbourne & Henley, 1983.
13. Macaulay, R.K.S. Language, Social Class and Education: A Glasgow Study. Edinburgh, 1977.

References

1. Bondarenko, T.V. *Lingvokulturny tipazh 'anglyiskiy aristokrat'* [Linguistic and cultural type of an 'English butler']. Abstract of the thesis cand. philol. nauk. Volgograd. 2009. 22 p.
2. Gusarova, N.G. Rech kak pokazatel sotsialnogo statusa v romane Kazuo Ishiguro 'The Remains of the Day' // *Philologicheskyy aspekt: mezhdunarodny nauchno-praktichesky zhurnal* [Philological aspect: international scient & practical journal], 2020. № 10 (66), scipress.ru/philology/articles/rech-kak-pokazatel-sotsialnogo-statusa-v-romane-kadzuo-isiguro-ostatok-dnya.html (Accessed 13.05.2021)
3. Dzhumailo, O.A. *Anglyisky ispovedalno-philosophsky roman* [The English confessional and philosophical novel of 1980-2000s. Thesis na soisk. Doktora philol. nauk. Rostov-na-Donu, 2014.
4. ykova, Yu.V. Arkhetip 'dvoretzskiy' v romane K. Ishiguro 'The Remains of the Day' // *Mirovaia literatura glazami sovremennoi molodezhi Tsiphrovaia epokha* [World literature in the eyes of modern young generation Digital epoch]. Proceeding of the IV international youth scientific and practical conference, 2018. p.135-139.
5. Ivushkina, T.A. Shibbolety vysshikh klassov v zerkale anglyiskoi khudozhestvennoi literatury [Shibboleths of the upper classes as mirrored in English literature] // *Sovremennye tendentsii v germanskoy iazykoznanii: osobennosti smyslov* [Modern tendencies in Germanic linguistics: peculiarities of meanings]. Collect. Monograph., Moscow, 2017, p.154-222.
6. Ivushkina, T.A. Sotsiolingvisticheskie aspekty razvitiia anglyiskoi rechi (na material rechevykh kharakteristik predstavitelei vysshikh klassov). [Sociolinguistic aspects of the English speech development (on the material of speech portrayals of the upper classes). Abstract of the Doctoral thesis, Moscow State University, 1998.
7. Nesterenko, Yu.S. "Natsionalnaia kartina mira v romanakh Kazuo Ishiguro" [National picture of the world in the novels by Kazuo Ishiguro], 2020, <http://www.disscat.com/content/natsionalnaya-kartina-mira-v-romanakh-kadzuo-isiguro> (Accessed 10.05. 2021)

8. Sidorova, O.G. Kazuo Ishiguro. Pisatel v 'zybkom mire' [Kazuo Ishiguro. The writer in a shifty world] // *Voprosy literatury*, July-Aug. 2018, voplit.ru/article/kadzuo-isiguro-pisatel-v-zybkom-vire (Accessed 13.05.2021)
9. Stovba, A.S. Obraz dvoretskogo v romane Kazuo Ishiguro *The Remains of the Day: kross-kulturny aspekt*, [The image of a butler in the novel *The Remains of the Day* by Kazuo Ishiguro], 2016, <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-dvoretskogo-v-romane-kadzuo-isiguro-ostatok-dnya-kross-kulturnyy-aspekt> (Accessed 05.05.2021)
10. Khabibyllina, L.F. Iaponsky kontekst romana K.Ishiguro «The Remains of the Day» [The japanese context of the novel *The Remains of the Day* by K. Ishiguro] // *Philologiya i kultura* [Philology and Culture], 2012, <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskiy-kontekst-romana-k-isiguro-ostatok-dnya> (Accessed 04.05.2021)
11. Ishiguro, K. *The Remains of the Day*. Faber& faber, 1989. 258 p.
12. Leith D. *A Social History of English*. L-n.-Boston - Melbourne & Henley, 1983.
13. Macaulay, R.K.S. *Language, Social Class and Education: A Glasgow Study*. Edinburgh, 1977.

Сведения об авторе:

Ивушкина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка №3 МГИМО. Научные интересы: социолингвистика, язык и культура высших классов Великобритании и США, стилистика, литература, лингвокультурология.
Email: Tatiana.ivushkina@gmail.com

About the author:

Tatiana A. Ivushkina – Doctor of Philology, Head of English Department № 3 at MGIMO. Scholarly interests: sociolinguistics, the language and culture of the upper classes of Great Britain and the USA, stylistics, literature, cultural linguistics. Email: Tatiana.ivushkina@gmail.com

* * *

TEMPORAL INTERPRETATION OF THE WORLD IN DAGESTANIAN LANGUAGES

Zulaykhat M. Mallaeva

Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences; (ILLA DFRC RAS),
45, St. M. Gadzhiev, Makhachkala, 367000, Russia

Rashidat Sh. Khalidova

Dagestan State Pedagogical University (DSPU).
37, St. M. Jaragskogo, Makhachkala, 367000, Russia

Abstract. *The article deals with certain aspects of conceptualization of time, predetermined by the national specificity of the world perception. The topicality of the given study is accounted for by the extremely differentiated verbalization of space and time peculiar to the Dagestani languages.*

The aim of the article is to identify the common origin of temporal and spatial vocabulary in the Dagestani languages. To achieve the goal, the authors used a comparative-typological method, as well as a cognitive approach to reveal the role of national consciousness in conceptualization of time.

The article also examines some aspects of national peculiarities of time conceptualization aimed at finding out the genetic connection between temporal and space vocabulary.

The data under study allows claiming that in the basis of most lexemes with temporal meaning lies a semantic component denoting "space". Temporal lexemes representing cycling time were developed by means of objectivation of the heavenly bodies' movement. Meanwhile temporal vocabulary representing line time was formed by means of semantic conversion which allowed transforming local adverbs onto temporal.

The most important results obtained by the authors are as follows: (a) the conceptualization of time in the Dagestani languages is realized on the basis of spacial parameters, so the vocabulary of temporal semantics are formed on the basis of spatial vocabulary; b) the temporal vocabulary of the Dagestani languages has evolved along the lines of spatial representations > space-time representations > time representations.

The results achieved are important for the cognitive studies of the Dagestani languages, as well as for the further description of the space and time conceptualization in the world language pictures.

Key Words: *the Dagestani languages, conceptualization of time, substance time, spatial representations*

ЭТНОСПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

З.М. Маллаева

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук,
367000, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

Р.Ш. Халидова

Дагестанский государственный педагогический университет,
367009, Россия, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57.

Аннотация. В статье анализируются некоторые аспекты концептуализации времени, обусловленные национальной спецификой восприятия окружающего мира. Актуальность исследования определяется тем, что в дагестанских языках представлена специфичная дифференцированная вербализация пространства и времени, обусловленная рядом факторов.

Цель статьи – выявление генетической общности темпоральной и пространственной лексики в дагестанских языках. Для достижения поставленной цели использован сравнительно-типологический метод с привлечением материала как письменных, так и бесписьменных дагестанских языков, и когнитивный подход для определения роли национального сознания в концептуализации времени.

Анализируемый в статье языковой материал, позволяет утверждать, что в основу большинства лексем с темпоральной семантикой заложен семантический компонент «пространство». Темпоральная лексика, репрезентирующая циклическое время, развивалась посредством объективизации движения небесных тел. Темпоральная лексика, репрезентирующая линейное время, формировалась посредством семантической конверсии, которая позволила превращать локальные наречия в темпоральные.

Наиболее важными из полученных результатов представляются следующие: а) концептуализация времени в дагестанских языках осуществляется на основе пространственных параметров, поэтому лексика темпоральной семантики формируется на базе пространственной лексики; б) темпоральная лексика дагестанских языков развивалась по схеме: пространственные представления > пространственно-временные представления > временные представления.

Полученные результаты имеют значение для когнитивных исследований дагестанских языков и для дальнейшего описания концептуализации пространства и времени в языковых картинах мира.

Статья адресована тем, кто интересуется кавказскими языками, лингвистической типологией и языковой картиной мира.

Ключевые слова: дагестанские языки, концептуализация времени, субстанциональное время, пространственные представления

Лингвистическое время, или темпоральность, является языковой универсалией и представляет собой языковую интерпретацию реального времени, поскольку физическое время находит своё отражение, прежде всего, в сознании людей и уже затем выражается в языке. Категория темпоральности имеет сложную внутреннюю структуру и представляет собой многослойное и многоаспектное явление.

В данной статье предполагается исследовать этноспецифику восприятия и концептуализации времени в близкородственных дагестанских языках¹. Ещё в начале этого века акад. Г.Г. Гамзатов писал: «Притчей во языцех стало дагестанское многоязычие. Иной из читателей может иронически заметить: вот опять о своей «стране гор и горе языков». Но как быть, если страна эта именно такая, если у неё действительно много гор и много языков, если на относительно небольшой – в 50 тыс. кв. км. – территории этой страны с населением около 2 млн. человек, обитает более 30 народностей, говорящих на разных языках и принадлежащих к различным этноязыковым общностям – кавказской, тюркской, индоевропейской, что составляет около четверти общего числа народностей современной России?» [4, с. 14]. За последние двадцать лет только дагестанских языков эргативной типологии стало намного больше (около сорока языков) по той причине, что даргинский язык, характеризующийся сильной диалектной раздробленностью, рассматривается ныне как группа самостоятельных родственных языков.

Дагестанские языки не только поражают многочисленностью и диалектной раздробленностью, но и привлекают неизменный интерес лингвистов, вследствие специфических особенностей фонетики, грамматики и лексики. Грамматический строй всех дагестанских языков характеризуется наличием большого количества локативных падежей, прегнантно выражающих локализацию и ориентацию объекта в пространстве, и большим количеством временных форм глагола, весьма дискретно дифференцирующих локализацию процесса во времени. Пространство и время, как основополагающие категории бытия, получают в дагестанских языках чрезвычайно дифференцированную вербализацию, что является общим свойством всех дагестанских языков. Различия проявляются в способах и средствах вербализации пространства и времени.

Система лингвистического времени состоит из двух подсистем: процессуального (глагольного) времени и субстанционального (именного) времени. Процессуальное время реализуется финитными и инфинитными формами глагола и является центром лингвистического времени. Глагол в дагестанских языках, по единодушному мнению исследователей, считается наиболее сложной по морфологическому богатству и важной по функциональной нагрузке частью речи. В дагестанских языках представлена богатая, чрезвычайно разветвлённая система времён глагола.

Субстанциональное время представлено наречиями времени и именами существительными с темпоральной семантикой. Оно более наглядно, чем процессуальное время, передаёт разницу в концептуализации реального времени представителями разных культур и традиций. Поэтому в данной статье исследуется именно лексическая концептуализация времени. Разница в концептуализации проявляется как в способах, так и в средствах локализации времени. Общей для всех языков является концептуализация времени посредством различных пространственных параметров. Для репрезентации временных значений язык «объективизирует время» [11], то есть превращает реальное время в некую осязаемую субстанцию, что позволяет «оперировать временем как пространством» [2].

Идея концептуализации времени через пространство признаётся не всеми лингвистами. Так, С.А. Чугунова считает приоритетной для темпоральной семантики «концептуальную структуру, схематично выражаемую как ВРЕМЯ ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ, а не ВРЕМЯ ЕСТЬ ПРОСТРАНСТВО, но не движение вообще, абстрактное движение, а движение собственного тела. Темпоральный опыт неразрывно связан с опытом движения и прежде всего самодвижения, кинестезии, проприоцепции. Специфика двигательной активности человека предопределяет нейрокогнитивные

¹ Следует разграничивать термины «дагестанские языки» (лингв.) и «языки Дагестана» (геогр.). Термин «дагестанские языки» охватывает только автохтонные горские дагестанские языки (относятся к языкам эргативной типологии), характеризующиеся общностью происхождения, которая проявляется на всех языковых уровнях (фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом). По близости родства дагестанские языки делятся на три группы: 1. Самая многочисленная – аваро-андо-цезская группа – включает аварский язык, 8 андийских языков (андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндинский, чамалинский) и пять цезских языков (цезский, хваршинский, гинухский, бежтинский, гунзибский). 2. Языки лезгинской группы (10 языков) – лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский, крызский, будухский, хиналугский и удинский. 3. В третью группу входят лакский и даргинский языки.

Термин «языки Дагестана», кроме вышеперечисленных, охватывает ещё и другие языки, представленные на территории Дагестана: из тюркских – кумыкский, ногайский, азербайджанский; из славянских – русский, из иранских – татский, из нахских – чеченский.

механизмы темпоральности, которые неотделимы от особенностей человеческого мировосприятия» [13]. Безусловно, человек познаёт окружающий его реальный мир именно через осознание себя и собственного тела. Но разве возможно движение вне пространства? Пространство вербализуется в двух аспектах: покоя (локализация) и движения (ориентация).

Пространственные параметры лежат в основе концептуализации как линейного, так и циклического времени. Объяснить это можно, по всей видимости, тем, что время – абстрактно, не поддаётся зрительному восприятию, поэтому для его отражения человек применяет категории пространства. Пространство (пространственная локализация и ориентация) носит конкретный характер и поддаётся зрительному восприятию. Глаза – это орган первичного восприятия пространства. Но у человека нет такого соматического органа или неврологического аппарата, который бы воспринимал глобальное время. Физическое время неуловимо и неосвязаемо, на основании этого факта автор известной монографии «The Structure of Time. Language, meaning and temporal cognition» Вивьен Эванс [15], ставит под сомнение существование времени как объективной реальности, поскольку мы фактически не чувствуем его.

Лингвистически корректной принято считать ситуацию, когда лексическое содержание сферы прошлого определяется исходя из пространственной локализации «позади» субъекта, а сферы будущего – из локализации «перед» субъектом. Происходит это, очевидно, по той причине, что в большинстве языков мира понятия прошлого и будущего структурируются таким образом. Однако это не является универсальной схемой локализации темпоральной семантики на основе пространственных ориентиров. Целый ряд языков использует иные схемы локализации времени на пространственных параметрах. Как показали исследования В. Эванс, на языке аймара, на котором говорят в Чили, в Боливии и в области Перу, относящейся к Андам, иначе структурируют понятия прошлого и будущего. Здесь, чтобы выразить темпоральную семантику сферы будущего, употребляется локализация «позади» субъекта, в то время как прошлое носители языка аймара локализуют «впереди» субъекта, воспринимающего время [15, с. 254].

Такое восприятие времени, на первый взгляд, представляется алогичным. Тем не менее, здесь имеется своя логика: прошлое имеет ясные очертания по той причине, что оно уже было, поэтому прошлое понятно и обозримо, как обозримо то, что находится перед глазами, то есть перед человеком. Будущее не имеет таких чётких очертаний, оно скрыто от глаз и, соответственно, локализуется позади субъекта, воспринимающего мир.

Сопоставляя наречия агульского языка с пространственной семантикой *уригь* ‘вперёд’, ‘впереди’ и временной семантикой *уригьди* ‘прежде, давно’, З.К. Тарланов выражает недоумение, «как один и тот же корень стал обозначать противоположные значения: ведь значения *прежний, давний* невозможно как-то свести к значению *передний*, скорее это полярные значения, ибо *прежнее* в современном сознании связывается не с предстоящим, а с прошлым, реализуя тем самым семантику, противоположную этимологически первичной. Кстати, так обстоит дело и в других языках, и не только в кавказских, ср., например, в русском *вперёд* и *прежде*. Дело в том, что корень *уригь* изначально выражал не только *нахождение впереди*, но и *предшествование* чего-либо чему-либо; то, что предшествовало, становилось *прежним, раньше (впереди)* пройденным с точки зрения последующего» [10, с. 341]. На наш взгляд, значения *прежний, давний* вполне можно свести к значению *передний*. Логически это можно обосновать тем, что событие, происходившее в прошлом, в сознании людей имеет ясные очертания, оно обозримо и в любое время может возникнуть перед глазами человека, пережившего эти события. Поэтому прошлое носители дагестанских языков располагают перед субъектом, например: авар. *церекъад* «позавчера» (*цере* «перед»); лезг. *вилик юкъуз* «позавчера» (*вилик* «впереди», «перед»).

А будущее, наоборот, не имеет ясных очертаний, оно скрыто от человека, он не видит будущее воочию, поэтому оно располагается позади человека. Аналогичная ситуация наблюдается и в русском языке: *предыдущий (прошлый) год, предыдущий (прошлый) месяц, предыдущая (прошлая) неделя*. В русском языке временной отрезок или событие, имевшее место в прошлом, может мыслиться как локализованное перед субъектом, например: *предыдущее мероприятие, предыдущая неделя* и др. Хотя это не является правилом, поскольку перед субъектом может быть

локализовано не только прошлое, но и будущее: *предстоящее мероприятие, предстоящая неделя* и др. Представляет интерес исследование русской темпоральной картины мира в совокупности взаимодействия онтологических и субъективных факторов и с учётом присущей русскому языку специфики концептуализации времени в монографии Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелёва [3].

На различные когнитивные особенности отражения действительности в типологически разных языках, реализующихся в налётах на прошлое и налётах на будущее, указывал известный отечественный лингвист Г.П. Мельников [8, с. 110-111]. В отличие от сторонников известной гипотезы Сепира-Уорфа, возводящих различия в концептуализации внешнего мира к специфике строя языка, Г.П. Мельников считал, что эти различия формируются как следствие накопления индивидуального и социального опыта взаимодействия людей с этим миром, и выбор тех или иных наиболее удобных в определённых условиях способов выражения элементов этого опыта, как содержание знаков языка в актах общения, существенного воздействия на выражаемое содержание, то есть на мировоззрение носителей языка, оказать не может [9, с. 465].

Подтверждением тому может служить концептуализация времени в дагестанских языках эргативной типологии. Одни из них для вербализации времени используют горизонтальную локализацию (корреляция «впереди» ~ «позади»), другие – вертикальную (корреляция «над» ~ «под»). Вертикальная концептуализация времени характерна для дагестанских языков, носители которых проживают высоко в горах. В них сфера будущего представляется локализованной «над» субъектом, в то время как сфера прошлого представляется локализованной «под» субъектом, воспринимающим время. Например: в аварском языке *mIadeяльгул* означает «в следующем году». Корень данной лексемы представлен наречием *mIad* «на, наверху, над», *mIade* «наверху», *-яльгул* – формант генитива, выражающий семантику принадлежности, например:

Гьёб mIexъ mIade босе. «Эту книгу **наверху** подними».

ТIадеяльгул мунги цадахъ вачина. «**В следующем году** и тебя с собой возьмём».

Лексема *гъоркъисса* означает «в прошлом году», здесь корень представлен наречием *гъоркъ* «внизу», «под», *-сса* – формант одного из локативных падежей, выражающий семантику удаления от ориентира, например:

Къалам бакIида гъоркъе бортана. «Карандаш упал **под** стул».

Гъоркъисса магIарда гIемер глазу бана. «В прошлом году в горах выпало много снега».

Носители близкородственных каратинского и чамалинского языков также локализируют наступающий год над субъектом: карат. *каъа* «наверху» → *каъарис решин* «следующий год», букв. «верхний год», *каъарелъа* «в следующем году»; чамал. *ахи* «наверху» → *ахили* «в следующем году» и т.д.

Как видим, лексика, репрезентирующая субстанциональное время в дагестанских языках, генетически восходит к лексике с пространственной семантикой. Категории пространства и времени считаются универсальными способами вербализации мира, поэтому картины мира языков различных культур основываются на этих философских категориях [16; 14].

Семантический компонент «пространство» или «пространственное перемещение» составляет основу некоторых единиц темпоральной лексики, репрезентирующих циклическое время. В русском языке одна и та же лексема «месяц» репрезентирует два значения: небесное тело «месяц (луна)» и единицу измерения времени «месяц (календарный)». Этот факт свидетельствует о том, что для измерения циклического времени носители русского языка, как и абсолютное большинство народов, пользовались небесным телом. Аналогичную семантику репрезентирует в английском языке лексема *month*, в немецком *Monat* (> *Mond*). В дагестанских языках также одной лексемой передаются два значения «месяц (луна)» и «месяц (календарный)», например: авар. *моцIцI*, дарг. *бадз*, лак. *барз*, лезг. *варз*, таб. *вара*, арч. *бац*, чамал. *босIcI*, карат. *борцIцIlo*, ахв. *боцIцIlo* и т.д. Перечисленные выше дагестанские лексемы относятся к общекавказскому хронологическому уровню [12, с. 95].

В некоторых дагестанских языках слова, обозначающие различные части светового дня, этимологически восходят к слову «солнце». В даргинском языке слово *бархIи* имеет два значения: «солнце» и «день». Первым значением слова *бархIи* было «солнце», затем на основе метафорического переноса данная лексема приобрела значение «день».

В лезгинском языке слова *югъ* «день» и *рагъ* «солнце» имеют единый корень -гъ. В аварском языке также слова *къо* «день» и *бакъ* «солнце» имеют единый корень -къ. Носители аварского языка структурируют световой день по положению солнца на небе: *къад* (*къаде*) «днём», «в полдень», букв. (*ба-къ* «солнце» + *ад* «наверху» = «солнце наверху (в зените)»), *бакъанида* «под вечер», букв. «солнце уходящее время», *бакъанимех* «предвечерняя пора», букв. «солнце уходящее время», *къаденахъе* «пополудни», «после полудня», букв. «после того, как солнце было в зените» [6, с. 42; 7, с. 82].

В каратинском языке названия некоторых частей суток имеют материальную общность с корневой морфемой, обозначающей «солнце», например: *лъайл* «день», *лъайкъІа* «полдень» > *ми-лъе* «солнце», *лъайл раъил* «к полудню» (*лъайл* «день» + *раъил* «пока придёт»), *лъайкъІа хигал* «после полудня» (*лъайкъІа* «днём» + *хигал* «после, сзади»), *лъайкъІа хидихъ* «пополудни», «после полудня» (*лъайкъІа* «днём» + *хидихъ* «назад»).

Наиболее наглядно этнические особенности концептуализации времени проявляются в способах образования темпоральных наречий. В большинстве дагестанских языков локальные наречия путём семантической конверсии превращаются в темпоральные, например:

авар. *хадуб*, агул. *хав(ди)*, дарг. *гъелаб*, лак. *махъ*, лезг. *къулухъ*, карат. *хиги*, рутул. *хъуъна* «позади» (пространство) и «после» (время);

авар. *цебе*, агул. *уригъ(ди)*, дарг. *гъалаб*, лак. *хъхъичІ*, лезг. *вилик* карат. *сиги*, чамал. *сси^и* «впереди» (пространство) и «до, перед», «раньше» (время).

Пространственные отношения трансформируются во временные посредством суффиксации, например: авар. *цебе* «впереди» → *цебего* (*цебе* + *го*) «давно»; агул. *уригъ* «впереди» → *уригъди* (*уригъ* + *ди*) «прежде», чамал. *ссино* «спереди» → *ссинодаал* (*ссино* + *да* + *ал*) «с самого начала»; карат. *сиги* «впереди» → *сигида* (*сиги* + *да*) «давно» и т.д.

Примеры, авар.:

Нежер рукъалда цебе ах буго. «Перед нашим домом сад (есть)».

Дида гъеб ах цебего бихъичІо. «Я этот сад давно не видел».

Линейное время в дагестанских языках концептуализируется также посредством дейктических (указательных) местоимений. Для дагестанских языков характерна разветвлённая система дейктических местоимений, репрезентирующих семантику локализации объекта относительно говорящего (субъекта) в различной удалённости от него как по горизонтали, так и по вертикали. Количество таких местоимений в разных языках колеблется от трёх до тринадцати. Наименьшее количество (3) представлено в цезской подгруппе аваро-андо-цезских языков и в ряде лезгинских языков. Наибольшее количество (13) – в языках андийской подгруппы аваро-андо-цезских языков (каратинском и чамалинском). Для большинства дагестанских языков характерна пятичленная система указательных местоимений, выражающих удалённость от говорящего по вертикали (авар. *лъоб*, дарг. *икІ*, лак. *кІа* «тот, выше уровня говорящего»; авар. *гъоб*, дарг. *их*, лак. *га* «тот, ниже уровня говорящего») и по горизонтали (авар. *гъаб*, дарг. *иш*, лак. *ва* «этот, рядом с говорящим»; авар. *гъеб*, дарг. *ил*, лак. *та* «этот, одинаково удалённый от говорящего и слушающего»; авар. *доб*, дарг. *ит*, лак. *му* «тот, вдали от говорящего по горизонтали, рядом со слушающим»).

Для концептуализации времени используются только дейктические местоимения, выражающие удалённость по горизонтали, например: авар. *гъаб* «этот (рядом с говорящим)» – *гъаб заман* «настоящее время», *гъаб къо* «настоящий день»; *доб* «тот, вдали от говорящего по горизонтали» – *доб заман* «то, прошедшее время», *доб къо* «тот, прошедший день», например:

Гъаб мина дир ваццассул буго. «Это (рядом говорящим, на одинаковом уровне с ним) дом моего брата».

Гъаб къо дида киданиги кІочон теларо. «Этот (настоящий) день я никогда не забуду».

Доб мина дир инссул буго. «Тот (вдали от говорящих по горизонтали) дом моего отца».

Доб заман цІакъ захІматаб букІана. «То (прошедшее) время было очень трудным».

В даргинском языке временные наречия также образуются только от указательных местоимений горизонтальной ориентации *иш*, *ил*, *ит*, посредством присоединения к ним сложного суффикса -хІе-ли: *ишхІели* «нынче», «сегодня», «в данное время»; *илхІели* «тогда», «в это (извест-

ное для слушающего) время» и *итхIели* «тогда», «в то (известное для коммуникантов) время». Указательные местоимения вертикальной ориентации: *икI*, *их* не участвуют в образовании наречий времени. В даргинском языке в образовании наречий времени и места первостепенную роль играют указательные дейкtonимы (местоимения) [1, с. 222].

Подобные темпоральные наречия во всех дагестанских языках образуются от дейктических местоимений. Средства образования наречий времени могут различаться: в даргинском для этого используется суффиксальный комплекс *-хIе-ли*, в аварском – имена существительные темпоральной семантики *сагIат* «час» (для настоящего времени) и *мех* «время» (для прошедшего времени).

Другим источником образования темпоральных наречий служат наречия места. Один из способов образования темпоральных наречий в дагестанских языках – это сочетание двух наречий места: авар. *ццебе-нахъа*, лак. *хъхъичI-махъ*, карат. *ссиги-хиги* «1. рано или поздно, когда-нибудь; 2. иногда», букв. «впереди-позади»; авар. *гъоркъо-гъоркъоб* «иногда», букв. «в середине-середине», «между-между», андал. диал. *къоро-гIодоб* «иногда», букв. «между-внизу» (*къороб* «между» – *гIодоб* «внизу»); лак. *утти-гъанну* «недавно», букв. «теперь близко» (*утти* «теперь» – *гъанну* «близко»); авар. *гъанже гIагарда* «в ближайшее время», букв. «сейчас-рядом» (*гъанже* «сейчас» – *гIагарда* «рядом»), карат. *хирхи-ссисир* «подряд» (*хирхи* «следом» + *ссиги* «впереди»); *бакъи-ссиги* «изредка» (*бакъи* «между» + *ссиги* «впереди») и т.д. При образовании сложных наречий времени от наречий места пространственные значения трансформируются во временные. В чамалинском языке П.Т. Магомедова также выделяет сложные наречия времени, образованные от наречий места: *гъикъанода-ахи* «с самого начала» (*гъикъанода* «снизу» + *ахи* «наверх»), *синода-ал* «с самого начала» (*синода* «спереди» -*ал* «сюда») и др. [5, с. 97].

Анализ лексики, репрезентирующей субстанциональное время в дагестанских языках, позволяет утверждать, что пространственные представления служат базой для формирования темпоральной картины мира.

Можно представить путь развития временных представлений в виде схемы: (1) антропоцентрически обусловленные пространственные представления > (2) пространственно-временные представления > (3) временные представления, не связанные с пространством.

В сознании человека, воспринимающего реальное время, сочетаются два фактора: 1) объективный фактор – отражение реального мира таким, каким он есть, который обуславливает универсальные, общие для всех языков понятийные категории; 2) субъективный фактор – этноспецифическое субъективное отношение к миру, который формирует различия в репрезентации данных категорий.

Локализация одного и того же темпорального отрезка в одних языках перед временным ориентиром, а в других – позади данного ориентира объясняется идиоэтноспецификой вербализации времени в языках различных этнических культур.

Для концептуализации аналогичных временных отрезков одни языки применяют горизонтальную локализацию (корреляция «впереди» ~ «позади»), другие – вертикальную (корреляция «над» ~ «под»). Концептуализация времени посредством различных пространственных параметров характерна как для линейного, так и для циклического времени.

Структурная организация и семантическое наполнение наречий времени наиболее наглядно репрезентируют специфику вербализации времени в языках различных культур и традиций.

Семантическая конверсия является распространённым средством превращения локальных наречий («позади», «впереди» и др.) в темпоральные («после», «до», «перед» и т.д.) в большинстве языков и свидетельством тесной связи пространства и времени.

Тот факт, что дагестанские языки по-разному (*впереди*, *позади*, *над*, *под*) локализуют одну и ту же темпоральную семантику, свидетельствует о том, что Дагестан – это не только «гора языков», но и «мозаика культур».

© Маллаева З.М., Халидова Р.Ш., 2021

Список литературы

1. Абдуллаев З.Г. Даргинский язык. 2. Морфология / З.Г. Абдуллаев. М.: Наука, 1993. 473 с.
2. Блэк М. Лингвистическая относительность (Теоретические воззрения Б.Л. Уорфа) // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 199-212.
3. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. М., 1997. 577с.
4. Гамзатов Г.Г. Язык – душа и имя народа // Языки Дагестана. Махачкала – Москва, 2000. С. 13-17.
5. Магомедова П.Т. Образование наречий времени в чамалинском языке // Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1991. С. 93-98.
6. Маллаева З.М. Взаимосвязь терминов пространственной и временной ориентации по материалам аварских диалектов // Диалектологическое изучение дагестанских языков. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1992. С. 41-44.
7. Маллаева З.М. Темпоральная лексика аварского языка // Временные отношения в дагестанских языках. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1991. С. 77-86.
8. Мельников Г.П. Принципы и методы системной типологии языков: Дис. док. филол. наук: 10.02.20 / ВКИМО. М., 1990. Т.1. 406 с.
9. Мельников Г.П. Лингвистика, антропология и проблема интеллектуальных потенциалов // Proceeding of the XV World Congress of Philosophy (17-th to 22-nd September 1973. Varna (Bulgaria). Vol. 5). Sofia, 1974. P. 463-466.
10. Тарланов З.К. Проблемы общей грамматики и грамматики агульского языка / З.К. Тарланов. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. 392 с.
11. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 183-198.
12. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков / С.М. Хайдаков. М.: Наука, 1973. 180 с.
13. Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах. Дисс. доктора филологических наук, 2009, [Электронный ресурс] – URL: <https://www.dissercat.com/content/kontseptualizatsiya-vremeni-v-raznykh-kulturakh>. (Дата доступа 25.03.2021)
14. Bybee J.L. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World / J.L. Bybee, R.D. Perkins, W. Pagliuca. Chicago: Univ-ty of Chicago Press, 1994. 420 p.
15. Evans V. The Structure of Time. Language, meaning and temporal cognition / V. Evans. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's Publ. Company. 2004. 287 p.
16. Jespersen O. Syntax. Time and Tense. A Modern English Grammar on historical principles. Part IV / O. Jespersen. Copenhagen: Munksgaard, 1931. 400 p.

Сокращения

авар. – аварский язык
 агул. – агульский язык
 арч. – арчинский язык
 ахв. – ахвахский язык
 дарг. – даргинский язык
 лак. – лакский язык
 лезг. – лезгинский язык
 карат. – каратинский язык
 рутул. – рутульский язык
 чамал. – чамалинский язык
 таб. – табасаранский язык

References

1. Abdullaev, Z.G. *Darginskii iazyk. 2. Morfologiya* [Dargin Language. Morphology] / Z.G. Abdullaev. Moscow: Nauka, 1993. 473 p.
2. Black, M. *Lingvisticheskaia otnositel'nost' (Teoreticheskie vozzreniia B.L. Worf)* [Linguistic relativity: The views of Benjamin Lee Whorf] // *Novoe v lingvistike*. Vyp. 1. Moscow, 1960. S. 199-212.
3. Bulygina, T.V., Shmelev, A.D. *Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on Russian grammar)] / T.V. Bulygina, A.D. Shmelev. Moscow, 1997. 577s.
4. Gamzatov, G.G. *Iazyk – dusha i imia naroda* [Language is the Soul and Name of the People] // *Iazyki Dagestana*. Makhachkala – Moscow, 2000. P. 13-17.
5. Magomedova, P.T. *Obrazovaniie narechii vremeni v chamalinskom iazyke* [Formation of Adverbs of Time in the Chamalin Language] // *Vyrazhenie vremennykh otnoshenii v iazykakh Dagestana*. Makhachkala: IIALI DNC RAN, 1991. P. 93-98.
6. Mallaeva, Z.M. *Vzaimosviaz' terminov prostranstvennoi i vremennoi orientatsii po materialam avarskikh dialektov* [Interrelation of Terms of Spatial and Temporal Orientation Based on Materials of Avar Dialects] // *Dialektologicheskoe izuchenie dagestanskikh iazykov*. Makhachkala: IIALI DNC RAN, 1992. P. 41-44.

7. Mallaeva, Z.M. *Temporal'naia leksika avarskego iazyka* [Temporal Vocabulary of the Avar Language] // *Vremennye otnosheniia v Dagestanskikh iazykakh*. Makhachkala: IALI DNC RAN, 1991. P. 77-86.
8. Mel'nikov, G.P. *Printsipy i metody sistemnoi tipologii iazykov* [Principles and methods of systemic typology of languages] / G.P. Mel'nikov Dis. dok. filol. nauk: 10.02.20 / VKIMO. M., 1990. T.1. 406 s.
9. Mel'nikov, G.P. *Lingvistika, antropologiya i problema intellektual'nykh potentsii* [Linguistics, Anthropology and the Problem of Intellectual Potencies] // *Proceeding of the XV World Congress of Philosophy (17-th to 22-nd September 1973. Varna (Bulgaria). Vol. 5)*. Sofia, 1974. P. 463-466.
10. Tarlanov, Z.K. *Problemy obshchei grammatiki i grammatiki agul'skogo iazyka* [Problems of General Grammar and Grammar of the Agul Language] / Z.K. Tarlanov. Makhachkala: IALI DNC RAN, 2013. 392 p.
11. Whorf, B.L. *Otnoshenie norm povedeniia i myshleniia k iazyku* [The Relation of Habitual Thought and Behaviour to Language] // *Novoe v lingvistike*. Vyp. 1. Moscow, 1960. P. 183-198.
12. Khaidakov, S.M. *Sravnitel'no-sopostavitel'nyi slovar' dagestanskikh iazykov* [Comparative Dictionary of Dagestan Languages] / S.M. Haidakov. Moscow: Nauka, 1973. 180 p.
13. Chugunova, S.A. *Kontseptualizatsia vremeni v raznykh kul'turakh*. [Conceptualization of time in different cultures] / S.A. Chugunova Diss. doktora filologicheskikh nauk, 2009, www.dissercat.com/content/kontseptualizatsiya-vremeni-v-raznykh-kul'turakh (Accessed 25.03.2021)
14. Bybee, J.L. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World* / J.L. Bybee, R.D. Perkins, W. Pagliuca. Chicago: Univ-ty of Chicago Press, 1994. 420 p.
15. Evans, V. *The Structure of Time. Language, meaning and temporal cognition* / V. Evans. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's Publ. Company. 2004. 287 p.
16. Jespersen, O. *Syntax. Time and Tense. A Modern English Grammar on historical principles*. Part IV / O. Jespersen. Copenhagen: Munksgaard, 1931. 400 p.

Сведения об авторах:

Маллаева Зулайхат Магомедовна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЯЛИ ДФИЦ РАН (Россия, Махачкала). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистическое кавказоведение, сравнительная типология кавказских и германских языков, аваро-андийские языки, синтаксический строй дагестанских языков, глагол, категория локализации. E-mail: logika55@mail.ru

Халидова Рашидат Шахрудиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения русскому языку и литературе ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет» (Россия, Махачкала). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистическое кавказоведение, лексика аваро-андийских языков, методика преподавания русского языка, русский язык и культура речи. Email: rashi-dr@mail.ru

About the authors:

Zulaikhat M. Mallaeva – Doctor of Philology, professor, chief research fellow at the Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Centre of Sciences (DCS), of the Russian Academy of Sciences (RAS). (Makhachkala, Russia). Spheres of research and professional interests: linguistic Caucasian studies, comparative typology of Caucasian and Germanic languages, Avar-Andy languages, syntactical system of Dagestanian languages, the verb, the category of localization. E-mail: logika55@mail.ru

Rashidat Sh. Khalidova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Theory and Methodology of the Russian Language and Literature at Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala, Russia). Spheres of research and professional interests: linguistic study of the Caucasian languages, lexis of Avar-Andi languages, methods of teaching the Russian Language, the Russian language and speech culture. E-mail: rashi-dr@mail.ru

* * *

TEMPORAL IRREALITY IN PHRASEOLOGY OF THE MODERN GREEK LANGUAGE

Irina V. Tresorukova

Moscow State Lomonosov University,
1, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119899, Russia

Abstract. *The paper deals with the semantic category of temporal irreality, based on the phraseological units (PUs) of the Modern Greek language. The phraseology as an anthropocentric linguistics sphere uses the phenomena of the surrounding world, including temporality, which are perceived through the prism of the national linguistic picture of the world. The linguistic model of perception and reproduction of unreality is expressed in grammatical and semantic categories. Structural PUs' components form specific images of the linguistic picture of the world of the native speaker of the Modern Greek language, associated with extra-linguistic and linguistic factors. The author uses the continuous sampling method and analyzes various components related to different cultural codes. As a result the systematic nature of syntactic models of PUs reveals a certain typology of the methods of their formation. The article is intended for specialists in the field of studying and teaching the Greek language and can be used in comparative and typological studies of the Balkan studies.*

Key Words: *phraseological units, semantic irreality of time, phraseology, the Modern Greek language, cultural codes*

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ИРРЕАЛЬНОСТЬ В ГРЕЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

И. В. Тресорукова

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,
119899, Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1

Аннотация. *В статье рассматривается семантическая категория темпоральной ирреальности на материале фразеологизмов греческого языка. Во фразеологии, являющейся антропоцентричной сферой использования языка, явления окружающего мира, в том числе темпоральность, воспринимаются через призму национальной языковой картины мира (ЯКМ). Отмечается, что языковая модель образного восприятия и воспроизведения ирреальности выражается при помощи грамматических и семантических категорий, при этом последние формируются при помощи образно-экспрессивной лексики и фразеологических единиц (ФЕ). ФЕ, выражающие значение ирреального времени, представляют собой экспрессивные конструкции в силу своей двой-*

ственной природы, компоненты в составе ФЕ позволяют формировать специфические образы ЯКМ носителя греческого языка, связанные с экстралингвистическими и лингвистическими факторами. Метафорическое воспроизведение темпоральной ирреальности интерпретируется в различных кодах культуры (религиозном, сельскохозяйственном и пр.). Для исследования используется метод сплошной выборки, анализируются различные компоненты, относящиеся к разным культурным кодам, прослеживается системность синтаксических моделей формирования ФЕ, что выявляет определённую типологию способов их образования. Статья предназначена для специалистов в области изучения и преподавания греческого языка и может быть использована в компаративных и типологических исследованиях по балканистике.

Ключевые слова: греческая фразеология, семантическая ирреальность времени, греческий язык, культурные коды, типологические особенности

Введение

Время представляет собой одну из понятийных категорий для определения действительности, в которой существует человек. Действительность в свою очередь выражена тремя разновидностями: это реальный, ирреальный (или виртуальный, нереальный) и внутренний мир [2, с. 28]. Как реальный, так и ирреальный мир создаёт определённые ситуации, и «высказывания, отражающие нереальный мир, не менее важны для коммуникантов, чем высказывания, описывающие реальный мир» [2, с. 30]. Образное восприятие и воспроизведение ирреальности формирует определённую языковую модель, которая выражается при помощи как грамматических, так и семантических категорий. Грамматические средства выражения ирреальности хорошо известны: это, например, сослагательное или повелительное наклонение, а также будущее время глагола. В то же время семантические способы реализации ирреальности требуют самого пристального внимания в виду своей меньшей определённости, если не сказать аморфности, так как они тесно связаны и переплетены с другими семантическими категориями: локативности, темпоральности, ненужности, невозможности, отрицания и другие: ср., например, фразеологизмы русского языка, выражающие темпоральную ирреальность *до морковкиного заговенья* – или пространственную ирреальность: *на деревню дедушке*. События ирреального мира соотносятся с понятиями «нигде», «никогда» и пр., существуя только в воображении говорящего [6, с. 533].

Семантическая категория ирреальности в языковой картине мира (ЯКМ) выражается при помощи образно-экспрессивной лексики и фразеологических единиц (ФЕ), что помогает носителю языка адекватно и более ярко выразить свою мысль: «Довольно часто опыт познания народа передаётся через фразеологизмы, в которых национально-культурная специфика проявляется в нескольких вариантах: в совокупном фразеологическом значении, в значении отдельных компонентов, а также в прямом значении свободного словосочетания, которое было образно переосмыслено» [1, с. 97].

Согласно теории интерпретационной модели значения идиом [3; 5], во ФЕ заложена денотативная информация об окружающем мире, даётся оценка происходящего, создаётся впечатление от образа в основе внутренней формы ФЕ: образ формирует мотивацию для уподобления при описании происходящего, в результате чего возникает эмоциональное отношение к сказанному или услышанному. ФЕ, выражающие значение ирреального времени, представляют собой весьма образные, эмоциональные, экспрессивные конструкции, так как «их образность имеет двойственную природу: с одной стороны, они связаны с экстралингвистическими факторами (нереальностью ситуации, дающей простор безудержной фантазии), с другой – лингвистическими, проявляющимися в использовании для формирования образной структуры алогизмов, служащих самым ярким средством усиления образности, экспрессивности, выразительности» [6, с. 533].

В ЯКМ каждого народа ирреальность выражается при помощи разных факторов, которые связаны с различными (сказочными, религиозными, мифологическими и пр.) представлениями о мире. Ср., например, русские ФЕ, выражающие темпоральную ирреальность: *после дождичка в четверг*, *чёрт его знает когда*, *на турецкую Пасху*, или французские ФЕ: *a la Saint-Gliglin* 'в день святой Глиглен', *au temps ou Berthe filait* 'во время когда Берта пряла', где слуховые и зрительные образы ФЕ являются ирреальными, «что находит отражение в актуальном значении фразеологизмов – в толковании «никогда» [4, с. 315], формируя тем самым национальную ЯКМ каждого народа, в данном случае русского и французского.

Понятие темпоральной ирреальности во фразеологии на материале греческого языка до сих пор не становилось предметом изучения лингвистов. В то же время пристальное внимание к ФЕ поможет охарактеризовать один из фрагментов греческой ЯКМ и выявить некоторые особенности многогранного и яркого национального менталитета. Этим во многом объясняется наш интерес к избранной теме и её безусловная актуальность. Поэтому в настоящей статье представлен анализ ФЕ со значением темпоральной ирреальности в греческом языке.

Материал для анализа был собран в результате сплошной выборки, осуществленной по различным фразеологическим и толковым словарям новогреческого языка [9; 10; 11; 13] и проверки по корпусам текстов ΣΕΚ [12], ΕΘΕΓ [7] и elTenTen [8]. Всего было собрано 584 ФЕ со значением времени, из которых вычленено 27 ФЕ, обозначающих темпоральную ирреальность в греческой ЯКМ.

Темпоральная ирреальность

Фразеология является антропоцентричной сферой использования языка. Явления окружающего мира воспринимаются и описываются через призму национальной ЯКМ. Эмоциональность и экспрессивность как неотъемлемые качества идиом, описывающих темпоральную ирреальность, проявляют отношение человека ко времени.

В греческом языке при анализе ФЕ со значением ирреальности время воспринимается как момент, который никогда не наступит в силу тех или иных причин. Для выражения этого используются различные образы действительности, которые представляют собой определённые культурные знаки, то есть реалии, получившие культурное переосмысление и вошедшие в состав ФЕ [3, с. 175]. Поэтому метафорическое воспроизведение ирреального мира в целом и темпоральной ирреальности в частности в греческой ЯКМ, как и в культурах других народов, интерпретируется в различных кодах культуры, так как известно, что «в основе образной структуры фразеологизма чаще всего лежит сравнение, являющееся универсальной моделью познания мира. Сравнение как логико-семантическая модель познания мира способствует переосмыслению «первоначального денотата» [4, с. 317]. По отношению к ФЕ, обозначающим ирреальность времени, мы выделяем религиозный, темпоральный, зооморфный и сельскохозяйственный коды. Рассмотрим их последовательно.

Религиозный код ФЕ

Наиболее частотен в формировании ФЕ ирреальности религиозный код. В греческом языке для определения конкретной даты употребляется свободное словосочетание *του Αγίου Χ* (tu Agiu X) 'святого Χ', где переменная Χ заменяется именем того или иного святого или святой, чья память отмечается в конкретный день календаря:

Πραγματικά, αυτός ο τίτλος τιμής, που δινόταν κάποτε στους επιφανείς Ρωμαίους αυτοκράτορες, ταυριάζει απόλυτα στον ξεχασμένο σήμερα Οθωμανό στρατηγό, που παρέδωσε τη Θεσσαλονίκη στους Έλληνες εκείνο το κρύο και βροχερό Σάββατο, ανήμερα του Αγίου Δημητρίου του 1912 (Pragmatika aftos o titlos timis pu dinotan kapote stus epifanis Romeus aftokratores, teriazi apolita ston ksekhazmeno simera Othomano stratiyo, pu paredose ti Thesaloniki stus Ellines ekino to krio ke vrokhero Savato, animera tu Agiu dimitriu) 'Действительно, этот почётный титул, который некогда получали римские импера-

торы, идеально подходит всеми забытому османскому генералу, который сдал Салоники грекам в ту холодную и дождливую субботу, **в день святого Димитрия**’ [12], где *του Αγίου Δημητρίου* (tu Agiu dimitriu) обозначает 26 октября, так как именно в этот день Церковь празднует память святого Димитрия Солунского.

По аналогичной модели формируются ФЕ со значением ирреальности времени: *του Αγίου Ποτέ* (tu Agiu Pote) ‘в день святого Никогда’, *του Αγίου Ποτεμβρίου* <τον Ποτέμβριο> (tu Agiu Potemvriu <ton Potemvrio>) ‘в день святого Никогдабря’, которые представляют собой ироническую оценку степени реальности момента времени, когда должно произойти какое-либо событие:

Η βοήθεια από τους Γερμανούς θα έρθει του Αγίου Ποτέ (I voithia apo tus germanus tha erthi tu Agiu Pote) ‘От немцев помощь придёт **в день святого Никогда**’.

Окказионализм *Ποτέμβριος* (Potemvrios) образован путём сложения наречия *ποτέ* (pote) ‘никогда’ и флексии *-βριος*, используемой для образования наименований месяцев (ср., напр., *Οκτώβριος* (Oktovrios) ‘октябрь’, *Νοέμβριος* (Noemvrios) ‘ноябрь’). Общевойсковой синонимичной ФЕ является идиома из солдатского сленга *του αγίου Πούτσου* (tu Agiu Putsu) ‘святого члена’, к которому добавляется наречие *ανήμερα* (animeras) ‘в тот же день’; идиома обычно употребляется в качестве ответа на вопрос, когда военнослужащий получит увольнительную или завершит срок службы.

К ФЕ религиозного кода относится и конструкция *ένας Θεός ξέρει* (enas Theos kseri) ‘только Бог знает’, которая в сочетании с вопросительным наречием *πότε* (pote) ‘когда’ употребляется для обозначения неопределённости или ирреальности момента во времени:

Ένας Θεός ξέρει πότε θα μου επιστρέψει τα χρωστούμενα ‘Бог знает, когда он вернёт мне долг’.

Частичную ирреальность выражают также окказионализмы *του Αγίου Ενδιάμεσα* (tu Agiu Endiamesa) ‘в день святого Промежутка’ и *της Αγίας Καθίστρας* (tis Agias Kathistras) ‘в день святой Сидельницы’:

Τι ήταν να πάω του Αγίου Ενδιάμεσα στην Εφορία; Τρεις ώρες στην ουρά έφαγα επειδή είχε έρθει μόνο ο ένας στους τέσσερις υπαλλήλους. Μιλάμε για πολύ ευσέβεια στον συγκεκριμένο Άγιο. (Ti itan na rao tu Agiu Endiamesa stin Eforia? Tris ores stin ura efaqa epidi ikhe erthi mono o enas stus tesseris ipalilus. Milame gia poli efsevia ston sinkekrimeno Agio.) ‘И что меня понесло в день святого Промежутка в налоговую? Три часа в очереди потратил, потому что на работу явился только один из четырёх сотрудников. Очень уж они уважают этого святого’.

Άγιος Ενδιάμεσος (Agios Endiamesos) не существует в греческих Святцах, это метафорическое обозначение рабочего дня, который выпадает в промежутке между двумя праздничными днями, и большинство государственных служащих берут на этот день отгул или больничный лист, чтобы не приходить на работу, что и породило в новогреческом языке соответствующее выражение.

Праздник несуществующей святой Сидельницы (*Αγία Καθίστρα* (Agia Kathistra)), как пишет Д. Лукатос², придуман в качестве иронического объяснения и отговорки для тех, кто не любит работать, и употребляется, например, для обозначения причины, по которой служащий не явился на свое рабочее место:

Δεν πάει στη δουλειά σήμερα ο Πέτρος, σήμερα είναι της Αγίας Καθίστρας (μεγάλη η χάρη της). (den pai sti dulia simera o Petros, simera ine tis Agias Kathistras (megali i khari tis)) ‘Сегодня Петрос не идёт на работу, сегодня праздник святой Сидельницы (велика милость ее)’.

Темпоральный код ФЕ

Вторым по частотности является темпоральный код, содержащий ФЕ, которые представляют собой конструкции с придаточным определительным, которое зависит от существительного *μέρα* (mera) ‘день’, *μήνας* (minas) ‘месяц’, *χρόνος* (khronos) ‘год’ и представляет собой конструкцию *που*

¹ Ср. аналогичные ФЕ в немецком (*Sankt Nimmerlein*) и в португальском (*São Nunca*) языках.

² Информация получена нами в базе данных Центра изучения фольклора Финской Академии наук (<http://hdl.handle.net/20.500.11853/151871>)

δεν έχει X (pu den ekhi X) 'где нет X', где переменная X может выражаться компонентами *αύριο* (avrio) 'завтра', *Σάββατο* (Savato) 'суббота', *Πάσχα* (Paskha) 'Пасха', ср., напр.:

Πότε θα το ανοίξετε είπαμε, τη μέρα που δεν έχει αύριο; (Pote tha to aniksete ipame, ti mera pu den ekhi avrio?) 'Так когда вы откроетесь, говорите? После дождичка в четверг?' (букв. **В день, у которого нет завтра**).'

Όπως βλέπω εδώ στο ημερολόγιο, βολεύει πολύ στις 31 Ιουνίου, 32 Αυγούστου, 31 Σεπτέμβρη, και το μήνα που δεν έχει Σάββατο (Opos vlepo edo sto imerologio, volevi poli stis 31 Iuniu, 32 Avgustu, 31 Septemvri, ke to mina pu den ekhi Savato) 'Я вижу в календаре, очень устраивает 31 июня, 32 августа, 31 сентября и в мартобре (букв. **в месяц, у которого нет субботы**).'

В последнем примере содержатся и другие ФЕ, обозначающие ирреальность времени: они представляют несуществующие в календаре даты *31 Ιουνίου* (31 Iuniu) '31 июня', *32 Αυγούστου* (32 Avgustu) '32 августа', *31 Σεπτεμβρίου* (31 Septemvriu) '31 сентября'³ и являются конкретизирующими инвариантами ФЕ *στις 32 του μηνός* (stis 32 tu minos) '32 числа'. Такая структура ФЕ построена на алогизме сочетания компонентов каждого устойчивого выражения.

Зооморфный код

Как и во ФЕ темпорального кода, так и в данном случае ФЕ, содержащие зоонимы, основаны на алогизме: ирреальность времени передаётся через качества или действия представителей животного мира, которые представляются невозможными в силу определённых физиологических процессов, ср., напр., *όταν ασπρίσει ο κόρακας και γίνει περιστέρι* (otan asprisi o korakas ke yini peristeri) 'когда ворон побелеет и станет голубем', *σαν ανέβει το γουρούνι στην αχλαδιά* (san anevi to yuruni stin akhlaḗia) 'когда свинья заберётся на грушевое дерево' (ср. рус. *когда рак на горе свистнет или когда свиньи полетят*). Синтаксическая модель ФЕ представляет собой придаточное времени, сформированное по схеме *όταν / σαν* (otan / san) 'когда' + зооним + глагол, при этом глагол выражает физиологическое состояние, которое является невозможным для данного представителя мира животных. В ФЕ *τον Αυγουστο που είναι παχίες οι μύγες* (ton Avgusto pu ine pakhies i miyes) 'в августе, когда мухи толстые' происходит соединение темпорального и зооморфного кодов (есть указание на месяц *Αύγουστος* (Avgustos) 'август' и присутствует зооним *μύγα* (miḡa) 'муха'), при этом по синтаксической структуре этот ФЕ близок к темпоральному коду:

Περίμεναν τον Αυγουστο που είναι παχίες οι μύγες, αλλά τελικά με ψέματα και δόλιες μεθόδους κατάφεραν να λάβουν την πλειοψηφία, να γίνουν εδώ και τρία χρόνια κυβέρνηση (Perimenan ton Avgusto pu ine pakhies i miyes, ala telika me psemaḗta ke ḡolies meḡoḗus kataferan na lavun tin plioḡsifia, na yinun edo ke tria khronia kivernisi) 'Они ждали, когда **рак на горе свистнет** (букв. **в августе, когда мухи толстые**), но в итоге при помощи лжи и ухищрений смогли получить большинство голосов и стать правительством три года назад.

Алогизм этого ФЕ заключается в том, что мухи не могут быть толстыми, что и создаёт ирреальность обозначаемого события. В число ФЕ зооморфного кода входит и идиома *με τα κουκούλια* (me ta kukulia) 'с коконом', где *κουκούλι* обозначает весьма хрупкую хитинную оболочку, кокон куколок некоторых насекомых, что создаёт алогичность значения ФЕ:

Τελικά με τα κουκούλια θα πάρω όσα μου χρωστάει ο Πέτρος! Όλο παραμύθια με ταΐζει! (Telika me ta kukulia tha paro osa mu khrostaḗi o Petros! Olo paramiḗthia me taizi!) 'В итоге **после дождичка в четверг** (букв. **с хитинными коконами**) я получу долг от Петроса! Он меня всё время сказками кормит!'

Сельскохозяйственный код

Синтаксическая модель ФЕ данного типа представляет собой непредикативную модель «предлог *με* 'с' / *σε* 'в' + определённый артикль + существительное». Данные ФЕ содержат в себе эле-

³ К аналогичным окказионализмам русской современной культуры относятся 32 мая, придуманное бароном Мюнхгаузенем в фильме «Тот самый Мюнхгаузен», или 31 июня, дату, в которую происходят события одноименного фильма.

менты крестьянского быта, связанные с определённым оксюмороном, то есть действием, которое невозможно по определению, ср., напр., *με το / στο αγελαδοκούρεμα* (me to aɣelaðokúrema) ‘со стрижкой коров’:

Η μείωση των φόρων για ακίνητα θα γίνει την ίδια μέρα που η Βουλή θα μειώσει τον αριθμό των βουλευτών! Δηλαδή με τ'αγελαδοκούρεμα! (I miosi ton foron gia akinita tha yini tin idia mera pu i Vuli tha miosi ton ariθmo ton vulefton! Ðilaði me to aɣelaðokúrema!) ‘Уменьшение налогов на недвижимость произойдёт в тот же день, когда в парламенте уменьшится количество депутатов! Другими словами, **когда свиньи полетят** (букв. **со стрижкой коров**)’.

Алогичность ФЕ заключается в том, что стригут овец и баранов, так как их шерсть позволяет это сделать, у коров же длина шерсти на шкуре весьма мала, что не позволяет стричь их. В данном ФЕ, как и в случае с фразеологизмом о мухах и августе, происходит пересечение сельскохозяйственного и зооморфного кодов.

Другие ФЕ этого кода содержат в себе различные предметы крестьянского быта, ср., напр., *με τ'άλωνια* (me t'alonía) ‘с пылью с гумна’, *με τα καπνά* (me ta kapná) ‘с табаком’, *με τα μπαμπάκια* (me ta babakía) ‘с ватой’. Все существительные стоят в форме множественного числа и представляют собой весьма эфемерные (*άλωνια*, *καπνά*) или мягкие и аморфные (*μπαμπάκια*) субстанции, тем самым формируя оксюморон значения ФЕ.

Структура ФЕ, выражающих ирреальность времени

Как было показано выше, структура ФЕ, обозначающих ирреальность, представляет собой дихотомию: все ФЕ делятся на непредикативные и предикативные, при этом первых, представляющих собой предложную конструкцию (*με / σε* + определённый артикль + существительное), существенно больше (19 из 27). Предикативные ФЕ выстраиваются по модели «существительное в винительном падеже в темпоральной функции⁴» + придаточное определительное, вводимое при помощи союза *που* / придаточное времени, вводимое при помощи союза *όταν*.

Заключение

Таким образом, ФЕ, выражающие темпоральную ирреальность, являются экспрессивными выражениями, внутренняя форма которых построена на алогизме или сочетании компонентов, представляющих собой оксюморон, что создаёт необходимую ироничную коннотацию и позволяет реализовать в речи идею ирреального времени. Ирреальность может выражаться при помощи компонентов, относящихся к темпоральному, религиозному, зооморфному и сельскохозяйственному кодам культуры, причём между самими кодами нет жёстких границ, а есть зоны пересечения (ср., напр., мухи и коровы – зооморфный код, август и стрижка темпоральный и сельскохозяйственный код с другой). С точки зрения синтаксической модели данные идиомы относятся и к непредикативным, и к предикативным конструкциям, причём количество первых существенно преобладает (19 и 10 ФЕ соответственно). Таким образом, выявляется определённая типология способов образования ФЕ, которые вербализуют ирреальность точки или периода времени в греческой ЯКМ.

© Тресорукова И.В., 2021

Список литературы

1. Ермакова Е. Н. Фразеологические единицы со значением «никогда» как отражение национальной специфики (на материале русского, английского и немецкого языков) / Е.Н. Ермакова, А.А. Гречина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки и искусствоведение». 2015. № 4. С. 95-99.

⁴ В греческом языке темпоральная падежная функция передаётся при помощи винительного падежа без предлога.

2. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. Москва: Языки славянской культуры, 2010.
3. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Москва: ЛИБРОКОМ, 2012.
4. Обухова Т.А. Выражение реального и ирреального времени во фразеологизмах (на примере французского и русского языков) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки и искусствознание». 2010. № 7. С. 314 – 320.
5. Телия В.Я. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеология в Машинном фонде русского языка. Москва: Наука, 1990. С. 32-47
6. Филоненко Т.М. Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003 С. 532 – 539.
7. Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας (ΕΘΕΓ) – URL: <http://corpus.ilsp.gr> (дата доступа: 12.11.2020)
8. elTenTen – URL: <https://app.sketchengine.eu> (дата доступа: 18.12.2020)
9. Κάτος Γ. Λεξικό της λαϊκής και της περιθωριακής γλώσσας. Thessaloniki: Centre for the Greek Language. – URL: <http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anazitisi/g-katou> (Accessed: 18.12.2020).
10. Λεξικό της Κοινής Ελληνικής. Thessaloniki: Institute for Modern Greek Studies of the Aristotle University of Thessaloniki. – URL: http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides (Accessed: 18.12.2020).
11. Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Αθήνα: Κέντρο Γλωσσολογίας, 2005.
12. Σώμα Ελληνικών Κειμένων (ΣΕΚ) – URL: <http://www.sek.edu.gr/> (дата последнего доступа: 15.11.2020)
13. Χαραλαμπίδης Χρ. (ed) Χρηστικό λεξικό της Νεοελληνικής Γλώσσας. Αθήνα: Εθνικό Τυπογραφείο, 2014.

References

1. Ermakova, E.N., Grechina A.A. Phraseologicheskie edinitzy so znacheniem «nikogda» kak otrazhenie natsional'noy spetsifiki (na materiale russkogo, angliiskogo i nemetskogo iazykov) [Phraseological units which mean “never” as a reflection of national specific features] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Philologicheskie nauki i iskusstvovedenie»*. 2015. No 4. p. 95-99.
2. Kovshova, M.L. *Lingvokulturologichesky metod vo phraseologii: kody kultury* [Method of linguistics culturology in phraseology: cultural codes]. Moscow: LIBROKOM, 2012.
3. Mustaioki, A. *Teoria funktsionalnogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k iazykovym sredstvam*. [Theory of functional syntax: from semantic structures to linguistics instruments] /A. Mustaioki Moscow: Iazyki slavianskoi kultury, 2010.
4. Obukhova, T.A. Vyrasenie realnogo i irrealnogo vremeni vo phraseologismakh (na primere frantsuzskogo i russkogo iazykov) [Image of real and unreal time in phraseological items (e.g. French and Russian languages)] // *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Philologicheskie nauki i iskusstvovedenie»*. 2010. No 7 p. 314–320.
5. Telia, V.Ya. Semantika idiom v funktsionalno-parametricheskom otobrazhenii [Semantics of idioms in functional and parametric way] // *Fraseografiia v mashinnom fonde russkogo iazyka*. Moscow: Nauka, 1990. p. 32–47.
6. Filonenko, T.M. Phraseologicheskii obraz v iazykovykh modeliakh prostranstva, vremeni i kolichestva [Phraseological image in linguistics models of space, time and quantity] // *Problemy istorii, filologii, kultury*. 2003 p. 532 – 539.
7. Babiniotis, G. *Leksiko tis Neas Ellinikis Glossas* [Dictionary of Modern Greek Language] Athina: Kentro Lexikologias, 2005.
8. Ethnikos Thisavros tis Ellinikis Glossas (ΕΘΕΓ), <http://corpus.ilsp.gr/> (accessed: 12.11.2020)
9. elTenTen, <https://app.sketchengine.eu> (accessed: 18.12.2020)
10. Katos, G. *Leksiko tis laikis ke perithoriakis glossas*. [Dictionary of slang and marginal language]. Thessaloniki: Kentro Ellinikis Glossas. 2017, <http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anazitisi/g-katou> (Accessed: 18.12.2020).
11. *Leksiko tis Kinis Ellinikis* [Dictionary on Common Greek] Thessaloniki: Institute for Modern Greek Studies of the Aristotle University of Thessaloniki. http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides (Accessed: 18.12.2020).
12. Soma Ellinikon Keimenon (ΣΕΚ), <http://www.sek.edu.gr/> (accessed: 15.11.2020)
13. Charalambakis, Chr. (ed) *Khristiko leksiko tis Neoellinikis Glossas*. Athina: Ethniko tipografio, 2014.

Сведения об авторах:

Тресорукова Ирина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика греческого языка, лексикология, фразеология, лингвокультурология, теория и практика перевода. E-mail: itresir@mail.ru ORCID: 0000-0001-8899-5716

About the authors:

Irina V. Tresorukova – PhD, Associate Professor of Department of Byzantine and Modern Greek Studies, Philological Faculty at Moscow State Lomonosov University. Spheres of research and professional interests: linguistics of the Greek language, lexicology, phraseology, cultural linguistics, theory and practice of translation. E-mail: itresir@mail.ru ORCID: 0000-0001-8899-5716